

П. П. Червинский
**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ**

П. П. Червинский

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Репринтное воспроизведение
издания 1989 года

Тернополь, 2011

Ч45 Червинский П. П.

Семантический язык фольклорной традиции. —
Тернополь: Крок, 2011. — 228 с.

ISBN 978-966-2362-92-3

© Червинский П. П., 2011

Ростовский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
им. М. А. Сулова

П. П. ЧЕРВИНСКИЙ
Семантический
язык
фольклорной
традиции

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Т. В. Цивьян

Издательство Ростовского университета

1989

*Печатается по решению редакционной комиссии
по филологическим наукам
редакционно-издательского совета РГУ*

Рецензенты: доктор филологических наук Т. М. Николеева, кандидаты филологических наук С. Е. Никитина, Т. М. Судник

Петр Петрович ЧЕРВИНСКИЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Редактор Т. М. Кляшчук. Технический редактор Д. В. Савицкая. Корректор А. А. Вукита. Обложка Л. Г. Белова

ИБ № 1303

Изд. № 29/1028. Сдано в набор 01.06.88. Подписано к печати 23.08.88. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнальная. Высокая печать. Физ. л. л. 14,9. Усл. л. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 1300 экз. Заказ 98. Цена 2 р. 98 к.

Издательство Ростовского университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, б. ул. Пушкинская, 160

Типография им. М. И. Калинина Ростовского областного управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 344081, г. Ростов-на-Дону, №1. ул. Советская, 51.

Червинский П. П.

445 Семантический язык фольклорной традиции. Издательство Ростовского университета, 1989. 224 с.

Монография посвящена лингвистическому анализу языка эвонсемантики — глубинных сфер мышления, мышления, возманившегося языка, фольклора, мифологии, ритуала. Автор исследует семантику русского народного фольклора, рассматривая ее как особый язык, разновидность которого является не только, а традиционный язык. Анализа фольклорному выражению и выявлению объектов, свидетельствует о глубине и ширине языка. В работе дано определение понятию «эвонсемантика» (А. Думатский, Е. Нагорная, М. Целовский).

Книга адресована лингвистам, фольклористам, литературоведам, а также специалистам по структуре и морфологии, синтаксису, семантике и языковому творчеству.

4 4602000000-029

М 175(03)-89 -89

ISBN 5-7507-0026-7

© Издательство Ростовского университета, 1989

От автора

Настоящая работа развивает, логически продолжая и синтезируя, комплекс идей, нашедших воплощение и разрабатываемых в последнее время в области структуры текста, этнолингвистики, семантики и грамматики текста.

Основной смысл и цель состояли в том, чтобы, опираясь на достигнутое, представить семантику фольклорных единиц одной традиции как грамматическую систему, подобную языковой, со своими словарем, морфологией и синтаксисом; иначе говоря — как язык, развитый в номинативном, коммуникативном и грамматическом отношении.

По-разному может представляться семантический язык фольклорной традиции. Различным предстает его облик в понимании исследователей. Дело не в том, чтобы создать еще один, а в том, чтобы сконцентрировать точки, собрать их воедино и, направив на предмет, определить его объективное и закономерное.

Отсюда не совсем обычный подход к литературе вопроса. Автор стремился в первую очередь выявить не всегда явное, скрытое ощущение лингвистического, **грамматического** устройства традиции, ощущение фольклорной семантики как языка. Это был не столько взгляд на предшества, сколько взгляд, подобный взгляду на объект, — взгляду в поисках **оснований грамматической системы**.

Проекцией видения на объект исследования, взаимонаведением объекта (фольклорной семантики) и способов субъективного представления о нем автор хотел достичь наибольшей адекватности интерпретирующей системы своему объекту.

Основным предметом были тексты песенного фольклора — лирические и обрядовые. Однако ограничиться только ими, для того чтобы показать действие системы в различных ее проявлениях, не представлялось возможным. В парадигматической части система фольклорной традиции жанром не обусловлена, она едина. Только синтагматическая ее часть отдельна и собственна для песенного и повествовательного фольклора. Отсюда характер подачи материала. В первой, морфологической, части песенный фольклор представлен наряду с повествовательным. В то время как синтаксическая, вторая, часть целиком строится на анализе одного только песенного фольклора.

Проверить систему как систему в действии, проверить обоснованность выводов следовало за ее пределами. Для этого и понадобились **отражения** единиц фольклорной семантики у четырех поэтов: А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой. Четырех — для того чтобы представить картину разносторонне,

поскольку у каждого свой стиль, свой взгляд, свое видение, свое **отражение**. Именно данных, потому что все они — поэты одной поры: русской поэзии начала века. Пору сложной и своеобразной в ее отношении к миру, фольклору, традиции. Поэтические системы четырех поэтов сходны в истоке и в то же время индивидуальны, что позволяет видеть общее и несходное в закономерностях способа отражения.

Сложность многих поднимаемых вопросов — прежде всего теоретическая сложность. Осознавая ее, автор стремился решить свою задачу практически, показать **грамматическую систему** в действии, на анализе материала раскрыть идею семантического языка — **русского языка** фольклорной традиции.

Едва ли не основная сложность состояла в способе подачи языка, основной единицей которого был избран смысл, традиционный фольклорный смысл, в фольклорном слове, фольклорном значении слова лишь обнаруживаемый, но прямо с ним не связанный, независимый как единица собственного устройства — номинативного, коммуникативного, грамматического. Необходимо было одно привычное (фольклорные смыслы) **непривычно** интерпретировать средствами другого привычного (морфологические и синтаксические значения, категории и структуры), отразив не только общее, но и особенное.

Это не было перенесением готового, известного в языке на язык семантики. Первоначально чисто структурный анализ внутренних закономерностей семантического устройства фольклора по мере углубления и обобщения перерос в грамматический. Парадигматическое обрело контуры морфологии. Синтагматическое вылилось в синтаксис. К единству, к сходству привел анализ.

План содержания при таком подходе получает относительную независимость. В нем начинают прорисовываться собственные **план выражения** и **план содержания**. Грамматическая модель устройства языка, продвигаясь внутрь и вглубь, вскрывает новые слои семантики. Данное значение становится носителем, **формой** выражения другого. Модели семантического оформления обнаруживают сходство с моделями оформления слова. На примере семантического языка фольклора получает воплощение идея относительности и соотносительности языковых явлений.

В семиологии Ф. де Соссюра все проявления культуры должны были исследоваться как знаковые системы по общему **семиологическому** основанию. Однако если текст (художественный либо фольклорный) — образование языковое, то должно быть и языковое основание у фольклора и художественной литературы. Слово, слово в тексте, текст как художественное целое — связанные последовательности семантического перевоплощения.

Внутренняя форма А. А. Потевни, носитель и мотиватор образ-

ного значения слова и текста, была основанием именно языковым. Общая образность А. М. Пешковского, семантическая целостность текста В. В. Виноградова, семантическая усложненность и многорядность лирического произведения Б. А. Ларина определяли это основание как семантическое.

Традиционный фольклорный смысл — как основа представления мысли в слове, обобщение рядов представлений, отраженных в языке и развиваемых в поэзии и мифологии, основание их единства и тождества, призванное «раскрыть способ народного ума»¹, — был объектом многих филологических разысканий XIX и начала XX века. Но он не был и не мог стать единицей **грамматического** представления семантики, поскольку не могло существовать системы, единицей которой ему подлежало бы стать. Системный взгляд на явления фольклорной семантики, начинаясь с А. Н. Веселовского, развиваясь в работах А. И. Никифорова и оформляясь у В. Я. Проппа, окончательно складывается только в наши дни.

Исследование глубоких, исторических слоев семантики привело лингвистов к необходимости сопоставления фактов языка с фактами мировоззрения, культуры, бытия (структурная типология, этнолингвистика, структура текста). Методы лингвистики стали действовать в широком поле, лингвистический способ анализа с целью получения лингвистического результата — проникать в другие сферы. Объекты нелингвистические по природе, представляясь как лингвистические, — обнаруживать языковое действие, план языкового выражения. Противоречия в этом нет, поскольку у каждой знаковой системы, помимо ее системного устройства, заложенных в ней механизмов памяти, мышления, восприятия, моделирования, есть механизмы **выражения** смыслов — механизмы собственного языка.

Изолируя план содержания, выделяя в нем собственное номинативное (лексико-семантический слой, соответствующий значению лексическому) и собственное грамматическое (грамматические формы, парадигмы, категории, **морфологические** значения; синтаксические модели, схемы, конструкции, формы и **синтаксические** значения), автор стремился точнее, подробнее дифференцировать и распределить семантические элементы наблюдаемых в фольклоре единиц при помощи аппарата последовательного языкового синтеза. Аппарат этот, позволяющий выделять в значении его реально-предметный (номинативный), морфологический (обусловленный устройством системы) и синтаксический (появляющийся в окружении) слои, представляется наиболее тонким и точным и наиболее адекватным для языковых явлений. Поэтому он приложим для изучения семантических единиц фольклора.

СЛОВО И СМЫСЛ В ФОЛЬКЛОРЕ

Слова в фольклоре по сравнению со словами языка не просто слова других значений, они содержат смыслы, зависящие от отношений и свойств традиции — структур сознания, породивших тексты. *Дом, лес, дорога, липа, ель, береза* не простые имена предметов. В них заключается смысл, зависящий от жанра, места в тексте, семантического окружения, — зависящий от формы своего употребления, подвижный и вместе с тем единый смысл.

Постоянство фольклорного значения порождало стремление рассматривать слово как символ соответствующих представлений. *Береза* — девушка, молодое женское начало. Символами того же становились *ель, сосна, калина, липа, яблоня*. Подвижность не позволяла интерпретировать значение конкретно. Символ выглядел как отвлечение некоторых мотивов, достаточно общих и широких: грустное, таинственное, мрачное, несчастная судьба, страдание, девичество, замужество. В употреблениях лишь проявлялось общее. Тексты использовались для иллюстрации значения символа².

В то время как в контекстах явно ощутимы конкретно разные значения, при понимании слова как символа отличия исчезают. Скажем, лексема *дуб* в фольклоре. Ее значение зависит от многого, и по-разному можно объяснять эти различия, избирая не один критерий.

В заговоре *дуб* растет корнями вверх; на острове; он железный; к нему отправляются; свойства его стремятся передать тому, на кого произносят заговор.

В сказках *дуб* — место сборища нечистой силы, из-под него течет ручей, дающий прозрение слепому; *дуб* в пятнадцать—двадцать обхватов, его вырывает богатырь проверить силу; *дуб* — волшебный, от ударов дубинкой из него выплывает корабль; *дуб* трехсотлетний, обреченный на долгое неумирание, — в сказках о поисках бессмертия; *дуб* говорящий, под которым клад, чудесный меч, палица; *дуб*, в ветвях которого сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, а в ней яйцо с иглой, на кончике которой смерть Кощея. *Дуб* обнаруживает связь с *водой, рекой, морем*: «*На р е к е*

воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое» (XIV, 1, 281)*.

В былинах на дубу Соловей-разбойник, путь богатыря-молодца лежит мимо этого дуба. Или в былине про Ставра-боярина: «Стали оне стрелять по сыру дубу... /Взвыла да пошла каленá стрелá, /Угодила в сыр крековистый дуб... /Не жаль мне сыра дубá крековистова, /Только жаль мне своей каленý стрелы» (XXVIII, 74—75).

В загадках дуб представляется по-иному: через связь со смертью—«Стоит дуб-стародуб, /В этом дубе-стародубе /Лежит птица-еретица, /Эту птицу-еретицу /Не нужно никому— /Ни царю, ни царице, /Ни красной девице (смерть)»; как сама смерть—«В поле Арском /Стоит дуб царский, /Его никто не обойдет — /Ни царь, ни царица, /Ни красная девица (смерть)»; как человек — «Стоит дуб, /На дубе клуб, /В клубе — семь дыр. /Каждой дыре есть имя (голова человека)»; как растения — «Стоит дуб вялый, на нем сидит черт-дьявол; кто ни подойдет, так не отойдет (репей)»; «Стоит дуб чегранский, кудри у него чубатански; никто его не сорвет, ни царь, ни царица, ни красна девица (мордвинник)»; другим образом — «Под дубком-дубком, под карандышком, ни клубком, ни камешком (яйцо под курицей)»; «Под дубком, свилась клубком, да и с хвостиком (репа)»; «Стоит дуб без корня, без ветвей, сидит на нем птица враг; пришел к нему старик без ног, снял его без рук, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов (мороз)» (XVIII, № 824, 822, 792; XXXII, 1, 498—499).

В поговорках, приметах обнаруживаются новые связи, проявляются новые стороны его фольклорной семантики: «На дубу не мое, а в кулаке мое»; «Ври с дуру, что с дубу!»; «Держись за дубок, дубок в землю глубок»; «Дал бог сыночка, дал и дубочка»; «Обошел же муженек женушку дубинным корешком»; «У сыра дубá, у сухá сука белошерста сука»; «Когда лист с дуба и березы опал чисто, будет легкий год для людей и скота»; «Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес» (XXXII, 499).

В лирических и обрядовых песнях значения лексемы предстают иначе. Это прежде всего значения свадебного обряда: «Да дубá, дубá дубравушка зелена. /Да кому дубравушку сечь, рубити... /Да кому зеленую подвалити... /Николаюшку дубравушку сечь, рубити...» (IX, № 143); «Полетайте, голубы, на дубы, /На дубовые на пестушки, /На зеленые тростушки, /Золотые

* Римскими цифрами в скобках обозначены номера источников, арабскими — том, страницы. Номер в скобках соответствует номеру текста по цитируемому источнику.

наши косточки!» (IX, № 97); «На горке деревцо/К у н а м и
обросло,/С о б о л я м и расцвело.../За эфтим деревцом,/За
эфтим дубовым/Тулилась, кры л а с я /Девуца красная,/Княги-
ня первобрачная...» (IX, № 135). Обнаруживаются связи дуб — те-
рем, дуб—голубь, дуб—заяц, дуб—гора, горка. Дуб предстает
местом встречи, ожидания и прятанья от жениха, отмеченное
место — знак, символ приготовлений.

В обрядах охранительных, семицком, масленичном, святочном
роль и место дуба, дубовой ветки, полена будут иными. С по-
мощью дубовой ветки гадают на судьбу, на милого, бросая ее в
реку. Дубовая ветка при этом проявляет связи с горой, умершими
родителями. Дубовые мостки (как и кленовые, калиновые) мостят,
готовясь к встрече Коляды, Овсена. Дубовым поленом разжигали
огонь в очаге на святки, поджигали купальский костер (обнаружи-
вается связь с божеством плодородия, солнцем, растительным
культом). Для семика характерен мотив противопоставления
дуба березе: «Ты не радуйся, зелен дуб... мы идем к березе»
(XX, № 502); «Не радуйся /Ни клень е - д у б ь е... / Только ра-
дуйся /Да белая береза... / Идут к тебе /Девки красные»
(XXIV, № 202). На масленицу: «Как ишли-прошли скоморощ-
ки... /Они срезали по прутью... / Они сеяли жар по полям. /Да
пускали дым по дубравы... / С о л о в ь е в о гнездо спопале-
но...» (XXIV, № 143). Дубовым поленом на масленицу парни оха-
живали девушек, не вышедших замуж. В колядке «Как пошла ко-
ляда/По улице гулять,/ Толкачом побивать,/ Толкачом по пле-
чам,/ А поленом по коленам!» (XX, № 22).

В обрядах проводов на тот свет³ дубовая кора (дубки, лубки)
имела иное значение: на лубках умирающего отправляли на тот
свет, спуская его с горы, оставляя в пещере, овраге, яме.

В ритуалах, связанных с первым громом⁴, дубу, дубовому
столбу, дубовой ветке отводилось особое место: как только раз-
дается гром, следовало прислониться к дубу спиной, на дуб опе-
реться, чтобы весь год потом спина не болела (связь дуба и грома,
передача свойств дуба человеку).

В лирических песнях дуб предстает как место встречи с ми-
лым, проявляя связи с горой, садом, алыми (васильковыми) цве-
тами; как олицетворение, параллель молодцу: «Близ дороженьки
зеленый дуб стоит, /Близ дубочка васильковы цветы,— /Круг
девушки удалы молодцы...» (II, № 362). Дуб — сухой: «У су х а
д у б а отростьев нет — от м и л а д р у г а привета нет» (XXIII,
№ 329).

В шуточных песнях, потешках обнаруживается связь с громом,
комаром, вороном, свиньей: гром прокатился—комар с дуба
свалился; сидит ворон на дубу и играет во трубу; на дубу
с в и н ь я гнездо свила, поросенок вывела.

В мифологии, если оставаться в пределах славянской традиции, *дуб* занимает центральное место. В структуре основного мифа⁵ *дуб*—средство связи *верха* и *низи*, место обитания верховного божества, за *дуб* прячется противник громовержца, в *дуб* направляет тот свою молнию и раскалывает его. *Дуб* связывается с белым и черным, *водой* и *смертью*, *тучей* и *огнем*, *камнем*, *мировым деревом*, *войной*, *плодородием*, *благополучием*, *силой*⁶.

Не все лексемы, встречающиеся в фольклоре, обладают столь широким диапазоном значений. Далеко не все характерны для столь значительного числа жанров. В пределах одного жанра не все в такой степени многозначны. *Квашня*, *помело*, *лопата*, *блота*, *таракан*, например, передающие разнообразные значения плохого, неудачного, несбывшегося, характерные для подблюдных и шуточных песен; *ельник*, *осинник*, *березник* (молодые неженатые парни, холостяжники)—свадебных и лирических песен; *груздь*, *шипшина*, *белянка*, *дождь* (воплощение молодого и старого, мужского и женского) — лирических песен ухаживания, — предстают как лексемы узких значений, закрепленные в структурном и жанровом отношении.

Активность лексемы *дуб* для фольклора, многообразие ее значений — следствие центрального положения *дуба* в модели мира, составляющей основу фольклорной традиции. *Дуб* отражает едва ли не все части и стороны устройства традиции. Для определения его семантики необходима опора на структуру традиции, структуру текста, понимаемого как совокупность всех ее порождений. Словарь семантического языка фольклора, таким образом, структурно и лексемно иерархизован.

Возникает необходимость дифференцировать значения лексемы, выделить уровни, на которых возможно их распределение, — уровни многомерной структуры устройства традиции.

- Дуб*
1. Мировое дерево, ось мирового устройства, дорога в небо.
 2. Место обитания верховного божества (верх дуба, крона).
 3. Пристанище нечистой силы, место сборищ и обитания (в корнях, на ветвях, в дупле, под дубом внизу на поляне).
 4. Вход в подземный мир (под корнями, в дупле, в кроне— перевернутый дуб).
 5. Носитель магических свойств, таинственный и пугающий.
 6. Вещий, дающий благо умеющему, знающему «секрет».
 7. Заклятый, заключающий в себе предмет — чудесное средство (волшебный меч, летучий корабль); средство проверки и пробы сил богатыря.
 8. Обреченный на долгое неумирание, трехсотлетний дуб, упирающийся верхушкой в небо, говорящий, вопрошаю-

ций о своей смерти героя, который в поисках бессмертия отправляется в неведомое царство, за море, на стеклянный остров.

9. Средство достижения какой-либо ритуальной цели.
10. Наделенный способностью влиять благотворно, дающий плодородие, крепость, здоровье; обладающий продуцирующей силой (семик, масленица, купала, свадебные, оградительные обряды, приметы; связь с *березой, овсом, зайцем*).
11. Средство обеспечения прихода гостей с того света и отправления на тот свет (дубовые мостки — в святках, погребальных, поминальных, свадебных обрядах, гаданиях).
12. Дающий знание; жребий, знак судьбы, оберег (семик, оградительные обряды, приметы).
13. Воплощение человека, сам человек, носитель человеческих свойств: уподобление человека дубу; частей человека — сучьям, ветвям, корням, кроне дуба (загадки, лирические песни, поговорки, приметы).
14. Носитель реальных свойств: сила, крепость, сухость, позднее распускание (загадки, песни, поговорки, приметы).
15. Психологический ассоциатив лирической песни, отмеченное место — на горе, в саду — встречи с милым.
16. Шуточный ассоциатив (связь с *комаром, вороном, трубой, свиньей, поросятами*).

Лексические значения одной лексемы образуют иерархическую структуру, которая отражает группы мифологических, ритуально-обрядовых, социально-психологических, реально-бытовых значений. Реальное и мифологическое, обрядовое и культовое, социальное и психологическое переплетаются неоднозначно. Выделить значения, распределить их по уровням, найти основные, показать соотношения и связи представляется возможным лишь в системе целого, через соответствие значениям других лексем. Иначе говоря, в структуре **словаря традиции**.

Сложно переплетаются в структуре лексических значений **функциональные признаки**: агенс, пациент, атрибут, место, предмет, орудие, цель; **противопоставления**: жизни и смерти, умирания и неумирания, видимого и невидимого, своего и чужого, внешнего и внутреннего, молодого и старого, человека и нечеловека, божества и нечистого, верха и низа; **предикаты**: движения, пути наверх, обитания, встречи, вхождения, проникновения внутрь, в пределы, в подземный мир, обладания знанием, магическим свойством, умением, передачи свойств, причащения, прощшения, достижения, поиска, выбора, приобретения; и, наконец, то, что можно рассматривать как **семантические единицы** собственного

словаря*, традиционно-фольклорные смыслы, функционально самостоятельные и закреплённые: предмет — средство связи верха и низа; отверстие — вход в подземный мир; путь наверх; место обитания верховного божества; предмет — носитель магических свойств; заклятый предмет (табу, заколдованный, отреченный); предмет — средство достижения той или иной ритуальной цели; предмет — жребий, знак судьбы или гадания; источник силы; средство проверки сил, умения, знания, принадлежности роду; воплощение человека.

Традиционно-фольклорные смыслы — единицы семантического языка фольклорной традиции — представляют собой, таким образом, различные по характеру структурные объединения функций, оппозиций и предикатов и воплощаются, в зависимости от условий, в различных формах, как вербальных, так и невербальных.

Традиционно-фольклорный смысл

Предмет—средство связи верха и низа

Отверстие — вход в подземный мир

Путь наверх/вниз

Место обитания верховного божества

Предмет—средство обеспечения прихода пришельцев с того света и проводов на тот свет

Средство гадания на

Вероятные формы

Дуб, дерево, лестница, боб (бобовый стебель), дождь, столб, храм, камень (слова, предметы, их знаки—жестовые, мимические, предметные)

Дупло, корневища дуба, под дубом, в яме от поваленного дуба, в кроне перевернутого дуба; дыра, пещера, яма, щель, колодец, нора

Дуб, дерево, лестница, бобовый стебель (продвижение по ним); река, плавание по ней, по морю, за море; дорога от дома через поле, лес, на гору, за гору; клубочек—нитка

Крона дуба, небо, север, за морем, остров, дворец на острове, на небе, за горой, в пещере, дом солнца, месяца

Мостки (дубовые, кленовые, калиновые); дорожка, полотенце, перекинутые через окно; политая, приукатанная гора на масленицу⁷

Дубовая ветка, березовая ветка, веноч, цве-

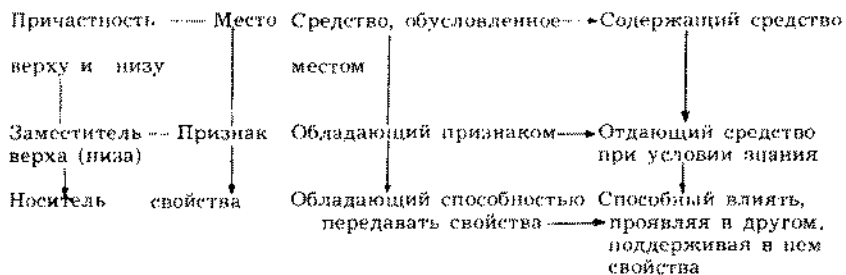
* Со словарем фольклорных лексем не совпадающего и прямо с ним не соотносимого.

судьбу, милого	ток, ромашка, кольцо, свеча, колодец, башмак, зерно, вода, пепел
Мужское молодое начало	Дуб, ветер, солнце, месяц, гусь, лебедь, голубь, заяц, горностаи, соловей, воробей, козел, селезень, конь, овес, ячмень, гриб, груздь, дождь
Воплощения или замещения человека (мужское, женское)	Дуб, береза, соловей, кукушка, перепелка, воробей, заяц, утка, гусь, лебедь, калина, яблоня, вишня, груша, солнце, месяц
Воплощения божества	Дуб, камень, дерево, каменный, огненный столб, свет, солнце, месяц, небо, дождь, земля, огонь, огненное колесо, круг, молния, Коляда, Овсень, прохожий, странник, старичок, «полазник»
Место встречи с милым	Под дубом, в саду, в лесу, при дороге, в долине, на лугу, в поле
Место, где живет или прячется героиня и где ее находит суженый	На дубе, в лесу, на дереве, под кустом, в пещере, в норе, на горе, в яме

Вербальный и смысловой ряды в фольклоре параллельны и непрямо соотносимы друг с другом. Возможны непересекающиеся построения отдельно для лексем — функциональных единиц вербального плана и отдельно для традиционных смыслов — функциональных и закрепленных в традиции единиц плана содержания.

Не все колебания смысла, не все элементы значения, передаваемые лексемой, умещаются в систему лексико-семантического представления (значения, оттенки значений, семы). Остаются элементы, не укладываемые в номинативный ряд, элементы **оформляющего, грамматического** характера (ср: *дуб*—человек, *дуб*—смерть и *дуб*—носитель жизненной силы; *дуб*—признак, *дуб*—носитель признака, *дуб*—предмет, обладающий способностью передавать и поддерживать признак в человеке, живом существе; *дуб*—средство, то, что содержит средство, то, что передает средство умеющему).

Эти семантические различия легко выстраиваются в последовательность, подобную парадигматической, — в **парадигму оформления** традиционного смысла-единицы:

Можно было бы показать различия через структуру и потребности жанра либо через структуру текста. Можно определить предикатно: по признакам, проявляемым в сочетании с другими значениями. Скажем, для лексемы *утка* (*утушка*) весьма существенным в проекции смысла оказывается сопровождение либо предикатная пара. В лирических песнях это *утушка луговая*, ночует под кусточком, под малиновым листочком, встречается молодца (двух молодцев). В эсхатологических мифах, легендах о появлении земли *утка* ныряет в воду и выносит в клюве землю, появляется суша. В свадебных песнях: *«У ворот было решетчатых, / Сера утица купалася, / Лебедь белая умывалася: / Ты душа ли, красна девица, / Ты пройди-ка вдоль по улице, / За собой коня выведи; / Ты по мыслям себе выбери / Удалова добра молодца»* (II, № 340).

Опираясь на предикатно-жанровые характеристики, у лексемы можно выделить три значения. Значение эсхатологическое будет первым, остальные связаны с ним, они продолжают его, одновременно удаляясь от него во времени и в традиции.

Утушка

1. Демиург, одно из его воплощений

Предикаты 1-го лексического значения:

— ныряет в воду, достает со дна землю

2. Воплощение женского начала охранителя рода; возможно, тотем

Предикаты 2-го лексического значения:

— плавает перед домом девицы-невесты, советует жениха

3. Девушка, невеста, жена, молодуха (женское, человек, молодое в отношении к мужскому, браку):

Предикаты 3-го лексического значения:

— в утушку превращает девицу баба-яга, утушка плавает в озере, ее преследуют, гонят, убивают, съедают, кости зарывают в саду либо узнают исти-

— испытание, борьба с вредителем (соперником), брак (мотивы инициации)⁸

— оказаться в лесу, в поле, вне дома одной, вступить в связь либо найти суженого

— свататься, искать жену, приводить невесту в дом

— не иметь детей, не успеть ими обзавестись: утки, гуси, лебеди—дети рода⁹, в контексте ряда утка, видимо, дочь
— отправить сына искать жену

— девушка, молодушка — в доме отца, свекра

— невеста и жених в самый раз пара

— невеста и сторона жениха, невеста, молодая жена в доме у свекра

ну и находят средство вернуть ей человеческий облик (волшебные сказки)

— ночует в лесу под кусточком, под малиновым листочком, встречает молодца (двух молодцев)

— в утку стреляют, убивают, приносят домой (мотив свадебной песни)

— неудачно стрелять уток, гусей, лебедей и возвращаться к жене ни с чем (сюжет вьюнишных песен)

— выезжать в поле на коне пострелять уток из лука—сын хозяина (свадебный мотив в лирических песнях)

— утицей (горностаюшкой, семечком) возвращаться домой после свидания с милым (лирические песни)

— плавать в озере с селезенюшкой (свадебные и лирические песни)

— быть в стаде гусей серой утицей (свадебные и лирические песни)

Семантические различия, передаваемые предикатами 3-го значения, представляются различиями не лексической, а **грамматической** природы. Они могут быть представлены как функционально-ролевые соотношения: 1) утушка—вода—земля; 2) утушка—баба-яга—девица—молодец; 3) утушка—Баба Яга—озеро; утушка—лес—кусточек—молодцы; утушка—молодец—лук, стрела; гуси, лебеди, утки—молодой муж—жена; утки—сын хозяина—поле—конь—лук; утица—улица, горностаюшка—сенюшки, семечко—кровать тесовая; утушка—селезенюшка—озеро.

Утушка предстает то как **агент** (демиург), то как **объект** добывания, то как **контрагент** (пара селезю), то как **форма** воплощения тотема, самой героини, то как **средство** удовлетворить желание жены либо средство сделаться незаметной (возвращение домой), вступая в пространственные, орудийные, атрибутивные,

агентные отношения с другими членами группы, т. е. отношения грамматической, а не номинативной природы.

Третье значение лексемы *утушка* предстает как женское, молодое в его отношении к мужскому, браку. Семантику изменений в значении можно представить как совокупность форм изменения единицы, парадигматическое расположение, грамматическую парадигму, падежные формы которой обусловлены системно, морфологически, а реализации — моделями текстовых употреблений*.

Значение лексемы—традиционно-фольклорный смысл, грамматическая единица семантики фольклора

Грамматические формы смысла

Грамматическая парадигма смысла

Женское, человек, молодое в его отношении к браку

Исходная грамматическая форма смысла

Женское молодое до брака

Первая падежная форма

необходимость испытания и вероятность соперничества
необходимость пребывания в лесу, брак в лесу, вероятно, полиандрия¹⁰
необходимость встречи с суженым
необходимость выбора из нескольких одного, из двух одного
необходимость сватовства с чужой стороны, экзогамия (жених—охотник)

Реализации первой падежной формы

необходимость жениха зрелого в половом отношении, готового к браку (умеет стрелять из лука)
необходимость подходящей пары, ровни (жених—селезень)

Женское молодое при вступлении в брак

Вторая падежная форма

чужая, не своя в стаде
необходимость быть скромной, стараться угождать родне жениха, во всем подчиняться мужу

Реализации второй падежной формы

* Парадигмой представлена совокупность форм изменения данной единицы по грамматическим значениям одной морфологической категории (частная парадигма одного традиционного смысла).

Женское молодое после брака
 необходимость родить сына, дочь,
 продолжив тем самым род мужа
 вероятность брака с немилым, не-
 легкая жизнь в доме мужа
 вероятность другой, тайной связи
 необходимость скрывать тайную
 связь от родни мужа и от самого
 мужа

Третья падежная
 форма
 Реализации
 третьей
 падежной
 формы

Сложность грамматического определения смысла состоит прежде всего в том, что между словом и смыслом в фольклоре нет прямых соответствий. Часто смысл, точнее, грамматическая форма смысла — член морфологической парадигмы — не передается словом, но существует в традиции. Он может обнаруживать себя синтаксически: в контекстах фольклорных произведений, в структуре обряда и семантике обрядовых действий, в остатках мифологических представлений, сохраняющихся в загадках, приметах, поговорках, сказках. Он может быть и прочно забытым, утраченным, с трудом восстанавливаемым.

Традиционный смысл — член не одной парадигмы и носитель не одного грамматического значения*. Такими значениями для лексемы *утушка* (третье лексическое значение) представляются три: женское, молодое, брачное (до, перед, в момент, после). Характер формоизменений последнего был показан на примере рассмотренной парадигмы. Грамматические значения «молодое», «женское» проявляют себя каждое в действии своей парадигмы. Механизм взаимодействия традиционных смыслов, грамматических форм и их вербализаций можно показать на таких примерах:

Парадигма форм одной грамматической катего- Вербализации грамматических форм рии

Традиционный смысл «мужское в его отношении к женскому, брачному»

Молодое	Муж (жених), брат, дружка, деверь, жених-месяц, жених-солнце, жених-ветер
Немолодое	Отец, свекор, крестный, тысяцкий
Старое	Муж-неровня, старик-отец, предводи-

* Под грамматическим значением понимается значение отношения данной формы к другой форме того же смысла-единицы в пределах одной категории.

		тель рода, предок, дед, тотем, кощей, жених-царь
Ни молодое ни старое		Тотем, жених—свинья, козел, жаба, ворон
И старое и молодое (то старое, то молодое)		Заколдованный жених, жених-колдун, жених-вампир
	Традиционный смысл «растительное или хозяйственное, дающее (забирающее) плодородие и силу»	
Молодое		Ярила (Юрий), Масленица, Купала, береза, дуб, дубовое полено, ветка, верба, прут
Немолодое		—
Старое		«Состарившиеся» Масленица, Купала, старый дуб
Ни молодое ни старое		Серп, нива, последний сноп, «борода» (последние колосья, оставляемые несжатыми и определенным образом завязываемые ¹⁾), горох, рыба, вода, огонь, домовая, леший
И молодое и старое (то молодое, то старое)		Купала, Масленица, дуб, леший, русалка
	Традиционный смысл «женское доброе (недоброе) в его отношении к младшему женскому»	
Молодое		Мать, умершая мать, мачеха, ведьма, дочь мачехи, дочь ведьмы; золовка, сестрица, подруженьки; береза, кукушка, перепелка
Немолодое		Мать, тетушка-волшебница, метелица, мачеха, ведьма, свекровь
Старое		Баба-яга, старушка из лесу
Ни молодое ни старое		Печка, яблоня, корова, куколка, речка, мышка-помощница, дочь кощея
И молодое и старое (то молодое, то старое)		Недоля, яга, Чума, болезнь, Смерть, Лихорадка, мачеха-колдунья

Аналогичным образом для парадигмы, проявляющей значения женского/мужского:

Парадигма	Дающее плодородие	Несущее благо	Несущее смерть
Женское	Береза, масленичная горка*, луна, земля	Солнце*, река*, яблоня, лягушка	Река*, Смерть, змея*
Мужское	Дождь, масленичная горка*, огонь*, мяц*, Масленица*, Купала	Месяц*, змея*, небо, солнце*	Солнце*, огонь, змей

Ни женское ни мужское	Живая вода, масля- ничная горка*, солн- це*, яблоко	Молодильные яблоки, огонь*	Мертвая вода, лесное чудиде, идолице поганое, огонь*
И женское и мужское	Облако, туча (небес- ные коровы и жених- туча). Масленица*		Смерть, Горе

Традиционный смысл (как следует из парадигм) способен передаваться в значении лексем, однако это не единственная для него форма проявления. Оттенки смысла в зависимости от своей природы приобретают вид морфологических и синтаксических сопровождений, обусловленных соответственно парадигматикой традиции (ее устройством) и контекстами употреблений (синтагматическим окружением).

В зависимости от стечения парадигматических и синтагматических условий один и тот же смысл способен передаваться значениями различных лексем. При общности номинативного происхождения дифференциация грамматического и коммуникативного значений.

Женское молодое в отношении к мужскому, браку может быть передано словами: *лебедушка, калина, малина, рябина, яблоня, вишня, черная смородина, сад, ягода, земляника, речка, вода, колодец, озеро, ворота, двор*. Однако совокупностью контекстов их синонимичность на синтаксическом уровне снимается. То, что передает *утушка*, номинативно, в означаемом, с семантикой других слов не совпадает. Не совпадает и по контексту, и по тому, что в морфологии влечет за собой то или иное слово, в какие отношения, в какие парадигмы попадает передаваемый им традиционный смысл.

Так, *ягода* раскрывает отношения «женское, молодое, зрелое (незрелое), хорошее, достойное, любимое дитя у родителей, взлелеянное, вскормленное», часть из которых должна быть представлена как морфологические, часть — как синтагматические. *Лебедушка* — «женское, молодое, благородное, белое, красивое, способное дать хорошее потомство». *Малина* — «женское, молодое, ласко-

* Разным может быть огонь¹², как и вода, разными — представления об одном (облако, солнце, смерть, масляничная горка), перемежающимися — проявления одного (месяц, луна, солнце, река), намеренно различным, травестированным — понимание существа (Масленица). Асимметрия номинативного и грамматического в традиции, «местоименность», «субъективность» грамматических значений номинативного, при которых значение (женское или мужское, смерть или благо, старое или молодое) оказывается в зависимости от некоторого комплекса повторяющихся условий, условий взаимодействия человека с миром, наводит на мысль о строгой упорядоченности, о грамматической обусловленности номинативного в семантике фольклора.

вое, способное любить, жизнь с которым будет сладка и приятна». Не всё одновременно и не всё так прямо проявляется в фольклоре. Не всё возможно вывести с достаточной определенностью. Однако механизм, заложенный в движении значений, представляется не случайным и единым. Не только значения слов, но и самостоятельные смыслы оказываются внутренне связанными и органичными в фольклоре.

Если анализ значений слов, близких в означаемом, раскрывает значительный, но все же фрагмент системы, то значения слов других, не связанных слоев заставляют задуматься над устройством всей системы. Значения слова *дуб*, к примеру, неизбежно выводят в область целого, а морфология грамматических форм, парадигм, грамматических значений и категорий передаваемых ими смыслов представляется едва ли не морфологией всей традиции.

Вербальное и семантическое сложно переплетаются в фольклоре, не учитывать их взаимосвязь нельзя, но вместе с тем необходимо видеть самостоятельность того, что скрывается за связью, независимость устройства семантики фольклора — устройства, похожего на языковое.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Подобно языку, фольклор имеет виртуальное и актуальное — *langue et parole*. Его актуальное составляют тексты вне их жанровой, обрядовой, магической, гадательной, социально-бытовой либо какой-нибудь другой соотнесенности. Вся совокупность текстов. Его виртуальное — это традиция, комплекс устойчивых и общезначимых представлений, определяющих способ ориентации и поведения в мире коллектива и каждого из его членов.

Под традицией обычно понимают раннюю систему знаний коллектива о взаимосвязях и взаимодействиях, не столько понятийную и объясняющую, сколько предписывающую и акциональную. Особенность традиции в том, что в ней представлен отраженный и объективно данный внешний мир в одновременности, для раннего сознания нерасчлененно. Взаимодействие с миром оборачивается взаимодействием с традицией. Внешнее не опосредуется традицией, а отождествляется с ней. Таковы выведенные Л. Леви-Брюлем¹³ и подтвержденные в дальнейшем¹⁴ свойства первоначального сознания.

Традиция заключает и способ раннего мышления (отождествления, партиципации), и способ раннего отношения к миру (стремление воздействовать — акциональность), и способ объясне-

ния, отражения мира. и самой традицию отражения, запечатлевшуюся в мифах, преданиях, эпосе, фольклоре. Традиция, таким образом, и порождение, и породившее, и порожденное.

В то время как в центре морфологии языка — слово как грамматическая единица в наборе форм грамматического изменения и свойств, обуславливающих его, в центре морфологии фольклорной традиции не слово, а традиционно-фольклорный смысл — самостоятельная и собственная грамматическая единица. Слово лишь позволяет ощутить ту единицу и ту форму, которые необходимо выявить и в изменениях которых увидеть грамматическую обусловленность. Слова и речевые формулы — лишь формы форм, приобретающих морфологическую определенность в грамматическом устройстве общего. Семантический язык фольклора, таким образом, можно представить как **словарь** и **грамматику** (морфологию и синтаксис) традиционных смыслов — единиц более глубокого, чем вербальный, семантического уровня.

В. Я. Пропп, определяя круг морфологии жанром волшебной сказки, вкладывал в понятие «морфология» не лингвистический, а естественнонаучный смысл. Морфология сказки — как морфология цветка, учение о внешнем строении. Фактически не морфология, а **композиция**, понимаемая как последовательность функций (поступков) действующих лиц независимо от их облика, была предметом анализа В. Я. Проппа¹⁵.

Единицей, способной вступать в соединение, образуя группы — модели, или схемы, повествования, исходные, промежуточные, конечные ситуации сюжетного хода, признавалась **функция** — предикат в своей основе. Модель, описывающая последовательность функций, и модель, описывающая систему персонажей с синтагматической последовательностью сюжетных функций, образуют **синтаксис** и **словарь** нарративной грамматики¹⁶.

Понятия «функция (предикат)», «персонаж (субъект)», «устойчивая сюжетная схема»; объединение схем для создания сюжетного хода; идея типологии сюжетных форм и классификация на этом основании нарративных жанров близки учению о структурной схеме предложения в синтаксисе. Тем самым составляют область парадигматики **синтаксиса** повествовательного «языка» фольклора. Повествовательного, или нарративного, поскольку композиционные схемы и их трансформации¹⁷ оказались применимы только для повествования — фольклорного, художественного¹⁸. Для поэзии — обрядовой и необрядовой, фольклорной и авторской — метод не подходил: законы поэтической композиции не повествовательны.

Как комбинаторную грамматику сознания рассматривал мифопорождение К. Леви-Строс¹⁹. Миф — это мироощущение, способ выражения человеческого духа; язык, оторванный от

лингвистической основы. Это **логический** язык, устроенный особым образом. Миф и смысл предстают в нем как системы со многими измерениями, как совокупность всех своих вариантов. Язык организован по уровням и имеет несколько кодовых сфер, семантические переходы между которыми обеспечиваются специфическим для первобытной логики способом — **медиацией**, позволяющей устанавливать эквивалентность явления по сферам, их смысловую и логическую тождественность, благодаря чему моделируется единство и целостность мира. Конститутивная единица мифа — **мифема** (фраза) — предикатна и представляет собой пучок семантических отношений, основу которых составляют бинарные оппозиции: природа/культура, женское/мужское, верх/низ, правое/левое, сырое/вареное, сакральное/профанное. Миф создается комбинациями единиц и представляет собой слоистую, одновременно синхроническую и диахроническую структуру — таблицу, или матрицу, с горизонтальными рядами и вертикальными колонками. Миф функционирует в единой знаковой этнокультурной системе с ее социальными, экономическими и лингвистическими формами коммуникации, в ее пределах и на ее фоне приобретает смысл. Текст мифа и любой текст традиции исследуется как отражения глубинного синтаксиса и словаря (основу составляет синтаксис). Композиция и сюжетный код при этом несущественны. Из текста выводится **структура**, представляющая интерес как **всеобщая** структура мифа, мифа — как язык, эквивалентная интеллектуальным и логическим структурам сознания человека. Метод К. Леви-Строса — комбинаторный метод анализа структуры мифа — обращен тем самым в семантику глубинного синтаксиса традиции.

Пропп и Леви-Строс по-разному исследовали одну область — синтагматику фольклорно-мифологической традиции. Пропп — с точки зрения повествовательных структурных схем (функций), выявляя их композиционное единство в пределах жанра. Леви-Строс — отвлекаясь от текста и от жанра, с точки зрения внутренних связей, исследуя единую мифологическую систему глубинной синтаксической семантики. Объединение двух подходов в рамках структурного описания повествовательных фольклорных текстов²⁰ стало возможным именно вследствие их общей синтаксической направленности.

Однако осознаваемые как жанровые различия текстов не исчерпываются особенностями одной только синтагматической структуры. Типология структурных форм предполагает обобщения более отвлеченные, морфологические. Морфология, как система грамматических классов, категорий, грамматических значений, парадигм и форм, во многом предопределяет синтагматические отличия. Вид текста — повествовательный, обрядовый, ли-

рический — может быть представлен как **грамматический** его вид, через соотношение с частью общей системы: моделью внешнего, моделями акциональной, социальной (внутренней). Единые по **морфологическому** типу тексты обнаруживают сходство в характере интенций, в способе организации и синтагматического представления смыслов, в особенностях композиции, в синтаксической структуре. Морфологический тип предполагает парадигматическую общность грамматических форм смыслов, общность предикатных схем, схем и приемов семантического развертывания.

У символических систем в понимании В. Тэрнера существуют эквиваленты грамматики, синтаксиса, морфологии и частей речи: «Группы символов могут быть выстроены таким образом, чтобы составить **сообщение**, в котором определенные символы функционируют аналогично **частям речи** и в котором могут существовать условные правила соединения»²¹. Особую роль символа В. Тэрнер видит в способности быть фиксированной точкой связи между мирами, понимаемыми как части огромного организма, — «всё является символом всего другого». Символ предстает не носителем идеи, а самой идеей, ее материальным воплощением, тождеством самой себе, символ переживается как существо, грамматика символов оказывается грамматикой **бытия**.

Роль оппозиции, равно как и значение символов, у Тэрнера в полной зависимости от ритуального контекста. Ритуал, понимаемый как процесс, подчиняет себе все составляющие, придает им грамматическую форму и тем самым смысл. Символ изначально не понятие, а волевой импульс, стимулятор чувства и желания.

Содержание тематично, неопределенно, множественно, и только принимая в ритуале форму чувственно воспринимаемого, конкретного предмета, жеста, действия, символ обретает смысл. Символы для Тэрнера прежде всего «механизмы пробуждения, направления и обуздания эмоций, таких, как ненависть, страх, любовь и горе»²². Личность целиком, а не только мысль оказывается вовлеченной в дело жизни и смерти в ритуале.

Слово обращается не только словом. Традиция, отраженная в фольклоре в текстах, — традицией всей жизни в ее течении, процессуальности, агенции. Обрядовые символы Н. И. Толстого²³ в своей трехъярусной одновременности — реальной, акциональной, вербальной — оказываются во многом сходны с символами В. Тэрнера. Этнолингвистическое изучение словаря славянских древностей²⁴ неизменно оборачивается изучением быта, представлений и всей жизни традиционного, ритуализированного общества.

Морфология обряда в понимании Н. И. Толстого выводится из реальных действий, свойств и представлений: парадигмы действий, свойств, предметов — из реальных парадигм: парадигмы предметов — ветка дуба, березы, вербы; парадигмы свойств —

опирающийся на дуализм культуры, родовой организации³² и ранних представлений³³. Или язык позиций и семиотической триады в понимании В. Тэрнера. Это может быть язык семантических категорий — представлений о пространстве, времени, движении, себе — язык психофизических ориентаций человека в мире: категория видимого и невидимого³⁴, внутреннего/внешнего и своего/чужого как всеобщая и основная³⁵.

Особенностью центральной семантической категории — ее можно понимать как принцип мифологического мировоззрения³⁶ — является, по А. П. Рифтину, способность выражаться «в виде целой системы грамматических категорий»³⁷, служить основой лексического переноса и внутренней формы слов, отражаться в обобщенной семантике грамматических классов и лексико-понятийных групп. Анализ языка по универсальным оппозициям (каковой является пространственная оппозиция внутренний/внешний) «вводит язык в круг прочих семиотических систем, составляющих модель мира, неизменной частью которой является и сам человек»³⁸. Язык рассматривается как основа постоянной классификационной деятельности, целью и результатом которой является создание модели мира и самоосознание человека в нем.

Оппозиция внутренний/внешний=свой/чужой составляет центральную ось взаимодействия человека с миром — точку отсчета, меру вещей, основу субъективной местоименности для языка³⁹, основу всех типов моделей культуры⁴⁰, средневековой модели мира⁴¹, основу пространственной композиции в средневековой живописи⁴², модели волшебной сказки⁴³, основную оппозицию фольклора⁴⁴, едва ли не главную в свадебном обряде⁴⁵.

Способность категории к семантическому проникновению, передающая стремление человека объяснять мир через себя и отношение к себе (изоморфизм человека и модели мира), может рассматриваться как основа трансформаций и отождествлений. Тем самым категория приобретает интерпретирующую силу и становится основой грамматического представления традиции.

Язык семантических категорий и оппозиций, как бы подробно он ни был разработан, — слишком отвлеченный и не имеющий единиц языка, поскольку оппозиции и категории — семантические оформители, а не единицы. Слова естественного языка не единицы языка семантики, поскольку механизмы семантического оформления слова собственны и с механизмами другого семантического оформления не совпадают. Элементарные смыслы — единицы универсального семантического языка — принадлежат метаязыку семантического описания естественного языка и потому не специфичны в отношении фольклора и традиции. Слово в фольклоре, обрядовый символ, акт обряда — единицы не семантического языка. Искомой должна стать собственная семанти-

ческая единица, смысл, специфичный для традиции, традиционный смысл.

Таким образом, традиционный смысл — единица семантики фольклора и тем самым грамматическая единица соответствующего грамматического построения. Вычленение смысла из фольклорных текстов и его идентификацию необходимо производить с опорой на систему, в соотношении с парадигматикой. Смысл, в его реализации в тексте, не просто контекстуально обусловлен; прежде всего он представитель ряда, член соответствующего отношения. Построение «грамматической системы», оформляющей смысл, и определение смысла через текст и в системе достигаются взаимным наведением. Уточнение смысла осуществляется в системе, и, наоборот, новый смысл способен уточнять систему.

Будучи системной единицей, традиционный смысл — только то фольклорное значение, которое предстает как результат парадигматического и синтагматического оформления в системе. Так же как слово, традиционный смысл имеет парадигму и реализуется в тексте в одной из ее форм.

Соотношение традиционного фольклорного смысла, фольклорного значения и фольклорного слова оказывается не только понятийным, оно ведет к необходимости определить своеобразие исходной точки построения.

Фольклорный текст в лексическом и семантическом аспектах может исследоваться по-разному. С позиций художественной стилистики словарь фольклора рассматривается в отрыве от словаря традиции, фольклорное слово — как усложненное эстетической функцией слово общепнародного языка. Предмет стилистики фольклора обличается с предметом лингвистической поэтики в ее понимании Б. А. Ларипым, В. В. Виноградовым, В. П. Григорьевым⁴⁶. Процессы, происходящие в фольклоре, приобретают форму художественных процессов⁴⁷.

Взгляд на фольклор как на специфическую форму речи характерен и для лингвофольклористики. Фольклор в языковом и лексическом отношении рассматривается как стилистический пласт, народно-поэтическая форма речи⁴⁸. Слово в фольклоре воспринимается как лишенное семантической определенности. Фольклорному значению приписываются обобщенность и размытость, неоднородность и многозначность, обуславливаемые факторами художественного порядка.

Взгляд на фольклор как на особую художественную систему, комплекс жанров и специфических художественных средств характерен для фольклористики. Художественные средства языка фольклора, начиная с работ А. Н. Веселовского⁴⁹, Ф. Миклошича⁵⁰, последовательно анализируются в их художественно-стилистической функции, направленной на восприятие.

Перенесение точки зрения художественной стилистики предполагает неизбежно взгляд с позиций современного, художественно-поэтического восприятия, включение фольклора в систему традиции современной, т. е. нефольклорной. Такой взгляд возможен, но не предполагает для фольклора семантики, иной в основе, чем семантика других художественных систем.

Изначально фольклор, наравне с обрядом, был формой выражения, языком традиции. В семиотике, этнолингвистике, структуре текста язык, фольклор, обычаи, обряды рассматриваются как равные коммуникативные системы (Д. Хаймс⁵¹), как параллельные проявления коммуникативной деятельности (К. Леви-Строс), первичная и вторичные моделирующие системы (Ю. М. Лотман), план выражения (Н. И. Толстой) единого плана содержания — парадигматики культуры (Н. И. Толстой, Ю. М. Лотман), человеческого духа (В. Вундт⁵²—К. Леви-Строс), мифологического мышления и социальной психологии (Л. Леви-Брюль, А. П. Рифтин, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров).

Из равенства языка и фольклора в отношении к единому вытекает представление о равенстве их в отношении к устройству парадигматики и синтагматики, грамматики и словаря. Вытекает представление о специфичности фольклорной единицы — традиционного смысла, общего у фольклора не с языком, а с другими проявлениями традиции — обрядовым, мифологическим. Смысл предстает не как значение слова, усложненное, неопределенное и многоплановое, а как отраженный в слове волевой импульс (В. Тэрнер), акт-деяние (Н. И. Толстой), элемент модели мира (В. Н. Топоров).

Семантический язык фольклора — это язык традиционных смыслов, язык традиции в фольклоре. Его словарь и грамматика совпадают с грамматикой и словарем традиции, очерчиваемой фольклором, отраженной в нем*. Смысл, передаваемый словом (*дуб, дорога, утушка, гора, дом, береза*), в модели мира, обряде — масленичном, святочном, семицком, погребальном, свадебном, лирической песне — всякий раз иной и вместе с тем единый традиционный смысл. Иной по форме и единый — как лексико-грамматическая единица.

К традиции, как к языку, оказывается приложимой субъективность Э. Бенвениста, но агентивная, а не номинативная, субъекта в его освященной традицией деятельности, в бытии, определенном ею. Поэтому и форма выражения смысла не всегда вербальна. Отсутствующие в тексте жест, персонаж, действие, предмет существовали в действе либо в воображении. Это и было реализацией смысла, его формой. Семантика возникала в соприкосновении текста с традицией — в соприкосновении с традицией необходимо выводить ее формально-грамматический облик.

МОРФОЛОГИЯ СМЫСЛА

В морфологии очень важно представить, что есть что, поскольку категории и формы, грамматические значения, разряды и классы подвижны и взаимопереходны. Подвижность внутренних границ, трансформативность составляющих — следствие живого, органического устройства модели. Действуя как организм, модель поддается анализу гибкому, подвижному, допускающему диалектическую одновременность.

Одновременность ощутима в малом. В синтаксической форме смысла можно увидеть проявления грамматических значений, через соотношения значений одного ряда вывести частные парадигмы форм⁵³, в парадигме объединением грамматических значений представить облик категорий, категории определить в их принадлежности грамматическому классу. Таков путь снизу.

Путь сверху предполагает обратное движение: от верхнего, наиболее отвлеченного слоя морфологического устройства — грамматических классов и категорий — ко все более конкретному, вплоть до формы смысла, синтаксической формы — члена грамматической парадигмы.

Традиционно-фольклорный смысл как грамматическая единица

Традиционный смысл подвижен и трудноуловим, облик его как грамматической формы в тексте, передаваемый вербально, поддерживается всей морфологической системой и выводится взаимонаведением всех составляющих — грамматических классов, категорий, парадигм и грамматических значений. Грамматическая форма смысла — своего рода точка совмещения, фокус, пересечение всего морфологического в тексте.

Слово в тексте проявляет традиционный смысл в его грамматической форме. Необходимо увидеть то, что за словом, ощутить слово как оболочку отношений, характерных для семантики традиции.

Если небо (для модели мира) способно передавать значения пространства верхнего, невидимого, внешнего, чужого, места пребывания верховной силы, вечного, вневременного, то этот комплекс грамматических значений, объединенных словом, его лексическим значением, не прямо связан с традиционным смыслом, хотя проявляет смысл и его движение в формах. Смысл в соответствии с парадигмой нейтрализует и переоформляет элементы значения слова. Семантические признаки, передаваемые словом, можно представить как показатели грамматических значений соответствующих частных парадигм.

Грамматические категории предстают как объединения рядов оппозитивных грамматических значений. Это категории вертикального устройства, объективной данности, оформленности, освоения, свойства. В реализации категорий существенную роль играют **отношения**: границы, стороны, пространства, времени, лица-субъекта, цели. Это своего рода точки или плоскости преломления категорий, обязательные определители грамматических значений*. Они едины для всех категорий, внеоппозитивны и в традиционном смысле, его семантической структуре, играют роль номинативного ядра, центрального оформителя значения.

Объединением грамматических значений с показателями отношения можно получить представление о традиционных смыслах, способных передаваться в зависимости от контекстов разными лексемами.

Грамматическая форма и грамматические значения формы

Изменение смысла по парадигмам форм происходит независимо от слова. Меняясь в парадигме, смысл актуализирует значение

* Роль **отношения** как основания морфологического противопоставления грамматических значений заметна в таких определениях: «Морфологическая категория наклонения глагола — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих **отношение** действия к действительности и имеющих значения реальности (изъявительное наклонение), побуждения (повелительное наклонение) или предположительности, возможности (сослагательное наклонение)»; «Морфологическая категория времени — это система противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих **отношение** действия ко времени его осуществления»; «...лица —...форм, выражающих **отношенность** или **неотношенность** действия к участникам речевого акта»⁵¹. Очевидно, любая морфологическая категория может быть определена через отношение действия, предмета, признака к плоскости своего преломления.

Грамматические категории

вертикаль-ного устрой-ства	объектив-ной данно-сти	оформленности границ	сторонности	освоения	отношение	свойства	вербализации
Верхнее	Невидимое	Внешнее	Потусторон-нее (неопре-деленное)	Неопреде-ленное	Простран-ство	Носитель силы	Небо, гора, корона дуба, облака
Верхнее	То види-мое, то невиди-мое	Внутреннее	Потусторон-нее	Чужое	Липо	Носитель силы	Божество, дух либо посланник неба
Нижнее	Невиди-мое	Внешнее, граничное	Потусторон-нее	Чужое	Простран-ство Время	Носитель силы	Подземный мир, подземная река, огонь, огненная ре-ка, поля подзем-ного мира, нещещ-ра, огненный мост
Среднее	Видимое	Внутрен-нее	Постусторон-нее	Свое	Простран-ство	Носитель за-щитной силы	Дом, двор, сад
И верхнее, и среднее, и нижнее,	И видимое, и невиди-мое	Внешнее	Нейтральное	Неопреде-ленное	Предмет	Потенциаль-ный носитель силы	Ось Земли, миро-вое дерево, дуб, река
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)

формы, и форма, грамматическая форма смысла, будучи носителем всего комплекса грамматических значений, одно из значений (либо несколько) делает активным*. Так, смысл действий жертвоприношения, причащения, направленных на божество, можно рассматривать по фазам обряда (а, б, в, г) как продвижение формы в парадигмах освоения (5), оформленности границ (3) с целью изменения в парадигме свойства (7):

(а) Исходная грамматическая форма смысла к началу обряда:						
верхнее,	неви-	внешнее,	потусто-	чужое,	лицо,	носитель силы
	димое,		роннее,			
(б) Подготовка и развитие обряда, «выведение божества из состояния покоя».						
обращение к нему, контакт с ним:						
верхнее	«види-	границное	потусто-	нечу-	лицо	носитель по-
в «сред-	мая»	(контакт с бо-	роннее в	жое		тенциального
нем»	часть,	жеством)	посюсто-			блага
	вопло-		роннем			
	щение					
	боже-					
	ства					
(в) «Пик» обряда, достижение ритуальной цели:						
верхнее	«види-	внутреннее	потусто-	свое	лицо	носитель ре-
в «сред-	мая»	(приобщение,	роннее в			ального блага
нем»	часть,	причащение	посюсто-			
	вопло-	в результате	роннем			
	щение	контакта)				
	боже-					
	ства					
(г) Цель—итог обряда, «возвращение в состояние покоя»:						
верхнее,	непиди-	внешнее	потусто-	«вре-	лицо,	носитель
	мое,		роннее.	менно»		блага
				свое		
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)

Традиционный смысл — грамматическая единица, пропускаемая в парадигме, — остается неизменным (божество в начале = то же божество в конце), меняются **формы** проявления (грамматические значения) смысла.

Целый ряд действий можно представить как движение смысла в парадигме форм. Вызывание дождя, духа, мертвого — как движение в парадигме от невидимого к видимому, потустороннего к посюстороннему, верхнего (нижнего) к среднему, дальнего к ближнему. Последовательность действий над покойником в погребальном обряде — как изменение соответствующей формы смысла в парадигмах освоения (отчуждение покойника), оформ-

* Ср. в морфологии слова при изменении в парадигме 'читаю — читаешь — читает' актуализацию лица, хотя форма содержит также грамматические значения настоящ. вр., изъяв. накл., несов. вида, действ. залога. Также и с другими парадигмами: 'читал—читаю—буду читать'—актуализацию времени, 'читал бы—читай—читаю'—наклонения и т. п.

ленности границ и стороны (вынос за пределы внутреннего во внешнее и отправление на ту сторону, в подземный мир), объективной данности (сделать невидимым) и вертикального устройства (отправить в нижний либо верхний мир). Действия в пользу живых имеют целью защитить от умершего, перевести направленность его потусторонней силы себе во благо (парадигмы категорий свойства, силы, причинения).

«Недействие» в употреблении проявляется как актуализация одной формы без движения в парадигме. Грамматические значения, представляемые формой в этом случае, находятся в соотношениях актуального и неактуального, реализованного и потенциального. Так, *гора, дом, лес, дом в лесу, дорога, дерево, земля* в модели мира (космологический компонент парадигматики фольклора) могут передавать значения:

пространство	перехода в верхнее, своего, среднего.	видимое (невидимое) внутреннего,	внешнее, ограниченно-го (замкнутого)	чужое—	места субъекта, центр —	<i>гора</i>
пространство	промежуточного, (переходного)	среднего, (верхнего, нижнего)	чужого, внешнего	—	—	<i>дом</i> <i>лес</i>
пространство	не своего,	внешнего,	с внутренним пределом	места пребывания чужого —	—	<i>дом в лесу</i>
пространство	движения (перехода, рубежа, границы)	среднего, (верхнего и нижнего)	чужого, внешнего	—	—	<i>дорога</i>
предмет (лицо) на горе (в лесу)	носитель (источник) силы	средство и место связи неба и земли	место обитания потусторонней силы	—	—	<i>дерево</i>
пространство	среднего,	своего,	посюстороннего,	внешнего,	место обитания субъекта—	<i>земля</i>

В зависимости от употребления актуальным может быть то или иное грамматическое значение формы, тот или иной вид соотношения значений.

То, что *дом* — пространство своего, среднего, внутреннего, ограниченного, замкнутого, место обитания субъекта, центра мироздания, — в сказках похищения («Гуси-лебеди», «Кот, петух и лиса», «Лиса и заяц») присутствует как исходное и пассивное соответствующего смысла. Активным становится значение носителя защитной силы (парадигма свойства). Значение свой актуализируется в противопоставлении дома в деревне (родного

дома, дома бабушки и дедушки, родителей) дому в лесу («Маша и медведь», «Три медведя»), дому водяного змея, подводного царя, бабы-яги, дому жениха (в свадебном обряде). Значение средн и й, на земле.— в противопоставлении дому в подземном царстве, дому на небе, дому луны, солица, ворона; в царствах медном, серебряном и золотом. Значение ограниченн ы й, замкнут ы й, следовательно, защищенн ы й—в противопоставлении полю, перекрестку, лесу, болоту, морю, озеру, реке как месту обитания нежити, нечистой силы. Значение сво е, чело в е ч е с к о е. у п о р я д о ч е н н о е — в противопоставлении норе, пещере, яме. И наконец, ли ц о - п р о с т р а н с т в о, живое существо, одушевленное — в сказках о бродячем доме, доме Яги.

Дерево (предмет), как это было видно на примерах с *дубом*, в разных контекстах актуализирует разные грамматические значения: место обитания духа, место временного пристанища героя, героини, источник чудесных свойств и секретных знаний, путь на небо и вход под землю. *Дерево-лицо* в первую очередь источник защитной силы, носитель блага либо вреда незнающему, не умеющему пользоваться.

Дорога по-разному проявляет значения движения, перехода, рубежа, границы, среднего, чужого в зависимости от контекста: дорога в лесу, на которой возможна встреча с умершим, колдуном, нечистой силой, злодеем; дорога из лесу через поле к дому; дорога в подземный мир, на небо; дорога из сада, мимо сада — встреча с милым. Общее значение уточняется, традиционный смысл конкретизируется в употреблении.

Однако не только употреблением обуславливаются различия в грамматических значениях. Синтагматика лишь актуализирует исходную структуру формы. В обрядах способны проявляться новые, отличные от мифологических и сказочных, собственно обрядовые грамматические значения. В лирических песнях проявляются свои. Традиционный смысл, оставаясь тем же смыслом, в разных частях парадигматического устройства семантики фольклора меняет формы, приобретает показатели категорий соответствующих частей, развиваясь в системе разных парадигм.

Так, *дерево, лес, дом, земля, дорога* в обряде и в зависимости от обряда способны проявлять грамматические значения иной основы.

**Обрядовый традиционный
смысл**

**Обрядовые
грамматические
формы**

ДЕРЕВО 1. Предмет — средство
ритуальной цели

**Основные обрядовые граммати-
ческие значения**

— носитель силы, способный майское дерево, семицкая бе-

придать лицу либо усилить в нем желательные свойства (здоровье, производительную силу)

- носитель силы, способный вызвать дождь, обеспечить плодородие полей и стад
 - носитель силы, способный оградить от зла, вреда, порчи, смерти, чумы, нечистой силы
 - средство исключения из рода и приобщения к миру мертвых
 - средство обеспечения прихода и встречи пришельцев с того света, с чужой стороны
 - средство и носитель защитной силы
 - средство гадания, узнавания, достижения скрытого знания, причастности скрытому
2. Лицо (предмет)—заместитель либо защитник, собрат, второе «я» субъекта

ЛЕС 1. Пространство совершения

- местонахождение средства (дерева) достижения ритуальной цели
 - место отправления силы, ставшей нежелательной и потенциально вредоносной
 - место обитания вредоносных сил, от действия которых себя следует оградить
 - место обитания «хозяина», жертвоприношения ему и совершения обрядов обеспечения удачи
2. Пространство на пути движения персонажа

реза, распускающаяся верба, святочное либо масленичное дубовое полено

майское дерево, семицкая береза, дерево в обрядах вызывания дождя, в егорьевских обрядах

сжигаемое дерево очистительных и ограждающих обрядов

дуб, лубки, домовина, гроб в погребальных обрядах

мосты, полы, настилы (дубовые, кленовые, калиновые) в обрядах святочных, поминальных, свадебных

бревно строительных обрядов, ветка дуба, омелы, вербы жерди, жердочки, палочки, мостки в гаданиях на жениха, судьбу

семицкая береза в обряде «кумления березки», ель в свадебном обряде, калина, яблоня, рябина в плаче невесты обряда

лес в строительных, святочных, майских, погребальных обрядах, лес в «проводах русалки»

лес в обрядах, предшествующих постройке дома, в плаче невесты, в земледельческих обрядах, при расчистке леса под пашню

в охотничьих обрядах

- пространство—промежуток на пути движения от дома на тот свет (с того света к дому)
- место, из-за которого ожидать прихода (направленность движения) носителя вредоносной силы либо силы, несущей благо

ДОМ 1. Непосредственный объект обряда

- место обитания субъекта, которое должно быть защищено от вреда, смерти, злого, нечистой силы⁵⁵
- место — объект освоения, включения в род, приобщения роду
- место—объект изгнания нежелательного, недоброго; защита от «первой» смерти
- объект придания желательных свойств, определяющих благополучие субъекта (достаток, покой, здоровье, дети)

2. Объект—участник обряда

- объект—носитель идеи рода, его силы, воплощение жизненной и социальной модели
- объект приобщения, освоения, носитель силы чужого рода

3. Пространство совершения

- защищенное место обитания субъекта, носитель идеи и силы рода
- место встречи гостя, свата, жениха, невесты, умершего родителя, приходящего с того света, новорожденного

погребальные, святочные, поминальные обряды

лес в свадебном обряде (ожидание и встреча поезжан, сватов, жениха), лес в масленице (появление солнца)

строительные обряды: определение места, закладка и строительство дома

обряды освящения дома и вхождения в дом

обряды первой ночи в новом доме (введение кошки и петуха), обряды изгнания мух, болезни, смерти, нечистой силы, приходящего мертвеца

обряды общения с домовым (приглашение на житье, кормление, задабривание), обряд введения таракана; приметы: в доме нельзя свистеть, обидеть гостя, рассыпать соль, разбить зеркало

в свадебных и погребальных обрядах (обращение невесты к дому при ожидании жениха, при прощании с домом; прощание умершего с домом) приход сватов в дом невесты, проезд жениха; невеста в доме у свекра

в свадебных, погребальных, родильных, крестильных, поминальных, инициальных обрядах (обряды жизненного цикла, rites de passage)

- место хранения плодородной силы, залог здоровья, благополучия в доме и будущего урожая (серп, последний сноп) в урожайных, весенних, летних, зимних обрядах аграрного цикла
- место обряжения на тот свет умершего, отправления в дорогу путника, проводов, прощания в погребальном обряде, обрядах и приметах отправления в дорогу
- место обитания духа—хранителя дома и силы рода, которого нельзя оскорбить обряды общения с домовым, приметы с порогом, притолокой, дверью, печью, матицей
- место гадания, узнавания неявного, скрытого—на жениха, судьбу святочные гадания, колдовство, ведовство, ворожба
- место заклятия, наведения вреда, порчи, сглаза и защиты от них обряды наведения и изведения вреда, болезни, смерти

Грамматические значения в обряде формируют категории **акциональной** части парадигматической модели. Это категории причинения (вреда или блага), императива по достижению желательного, действия, сопричастности и свойства, определяющие в традиции цели и смысл взаимодействия субъекта с миром.

В лирических песнях, помимо актуализации грамматических значений космологического и ритуально-обрядового компонентов, возможны собственные актуализации. *Лес, дом, дорога, дерево* лирической песни, обнаруживая сходство с обрядовыми и космологическими *лесом, домом, дорогой, деревом*, вместе с тем особенны.

Лес, продолжая оставаться пространством чужим, промежуточным, переходным, граничным, внешним; местом совершения действий, объектом-участником, пространством на пути, входит в сферу новых действий, становится объектом и местом иного приключения сил.

В *лес* ходят по грибы, по ягоды, *лес* становится местом утраты и приобретения: подружки теряют девицу, мать ее кличет, но безрезультатно — *лес* не пускает, трава заплетает, девица встречает молодцев. Молодушка (утушка), девица, ночуя в лесу под кусточком, под малиновым листочком, также встречает молодца (двух молодцев). Девица боится встречи: батюшка заругает, матушка в *лес* не пустит или, наоборот, батюшка спит с похмелья, матушка угорела. В *лесу* ищет девица встречи с милым; милый из *лесу* женат, имеет детей, живет у тещы с тещей. *Лес* становится местом встречи т а й н о й, н е в и д и м о й, неожиданной, недозво-

ленной, совершаемой в обход родителей либо в ущерб сопернице.

В лесу на дубу сидит соловушка, героиня (замужняя) обращается к нему с просьбой передать привет бабушке на родимую сторонушку. Горько жить молодухе на чужой стороне: чужая сторона лесом огорожена. Из-за леса летит туча грозная (враги, чужие, недоля, несчастье), тучу грозную призывают из-за леса убить недруга (тестя, свекра, нелюбимого мужа). Лес становится рубежом своей и чужой стороны, посредником между агентом и активной вредоносной силой, местом обитания посредника.

В лесу разбойники, лес — место их обитания, их дом. В разбойничьих песнях, в балладах лес и обращения к лесу носят иной характер. Лес предстает как поддержка, место—свидетель и надежный хранитель тайны, защитник и агент-заместитель.

Три значения леса формируют три типа грамматических форм, три проявления грамматических значений:

- лес — место запретное, пространство невидимого, отдаленного, нарушающего семейно-родовую гармонию, чуждого и враждебного роду
- место мужского асоциального, нарушающего социальную гармонию, место обитания похитителя, друга-врага, силы, сопротивляющейся насилию и деятельности
- место обитания сил-посредников, вредоносных сил, сил защиты и уничтожения.

Дом, не меняя исходных значений космогонического и обрядового компонентов своего, внутреннего, ограниченного, замкнутого, защищенного, места обитания субъекта; пространства совершения и участника, приобретает в лирических и лирических свадебных песнях следующие основные значения:

Высокий терем, родительский дом	— место благополучного рождения и воспитания девицы (молодца)
	— место, в котором сидит девица, из которого матушка наблюдает за играми повзрослевшей дочери
	— место, честь которого соблюла девица
	— место, куда девицы приглашают войти, зовут поиграть молодца
Избушка, светелка девицы на горе	— место, в котором девица зажигает свечу, прядет в ожидании милого
Дом свекра, мужа, чужой лихой семьи	— место страданий, мучений оторванной от родни, от своей стороны молодой жены
	— место возвращения после тайного

	свидания с милым
	— место совершения мести свекру, свекрови, мужу
	— место встречи брата, отца, матери, приезжающих навестить молодую
Дом молодой хозяйки, счастливой жены, новый дом	— место, по которому свободно ходит молодая жена, говорит с мужем, будит его, муж к ней обращается ласково, успокаивает ее, уговаривает, выполняет ее желания
Дом молодых. терем-теремчик	— место, где любовь и согласие, счастливая семейная жизнь, благополучие
Дом хозяина и хозяйки	— место благополучной семьи, молодца-жениха, девицы-невесты
Родительский дом, родная сторона после замужества	— место, куда стремится молодая с чужой стороны, куда прилетает в обличье кукушки, ласточки, перепелки, откуда гонит ее жена брата
Внутреннее помещение дома (светелка, горница)	— место игр и встреч девушек с парнями (на посиделках, вечерках, супрядках)
	— место, где собираются незамужние девицы зимними вечерами прясть, вышивать, петь

Равным образом *дорога, дерево*, другие передаваемые словами традиционные смыслы в лирических песнях раскрывают новые стороны грамматических значений, реализуясь в новых грамматических формах. Эти значения более подробны и более близки внутреннему субъекта—личному, семейно-родовому, социально-психологическому. По сравнению с обрядовыми, в лирических песнях более регулярны грамматические значения категорий включения в род, приобщения роду, категории жизненного цикла, социального устройства, группирующихся вокруг основной, центральной категории рода, категории «я» коллектива-субъекта.

Грамматические значения третьей части парадигматического устройства фольклорной традиции близки по характеру проявления обрядовым. Обрядовые и лирические по-разному проявляют единый круг грамматических категорий. Категории включения, приобщения роду, жизненного цикла, социального устройства в равной степени характерны для текстов обрядовых и лирических. Так же как обрядовые, категории причинения, действия, императива, свойства и сопричастности не чужды значениям лирической песни.

Единство морфологического устройства песен — обрядовых и

лирических — подтверждает предположение Б. Н. Путилова⁵⁶ о генетическом сходстве песенного в фольклоре. Истоки любовной лирики, на материале новогвинейских песен, выводятся им из исчезающих и частично исчезнувших обрядов ухаживания, довольно развитых в прошлом и широко представленных в фольклорной традиции. Другие песни по происхождению подразделяются на обрядовые и необрядовые — «ситуативные», или «случайные». Это песни трудовых, инициальных, военных, охотничьих, семейно-родовых, заклинательных и прочих обрядов, трансформировавшиеся, приспособившиеся к новым условиям исполнения. И песни «поэзии мимолетности» и «типовых состояний», фиксирующие преходящие, одномоментные, но часто при этом типовые чувства и состояния; обращающие внимание на эпизоды как будто малосущественные, но «обладающие каким-то внутренним, скрытым значением».

Подчеркивая внеритуальную и внетрудовую функциональность названных песен, Путилов отмечает характерную для них черту, представляющуюся крайне важной для понимания существа семантики песенного фольклора. Это информативная емкость, ассоциативность, сюжетная неочерченность и недосказанность. И одновременно свободный выбор образов, сопрягаемых с денотативной сферой, стремление к непрямому выражению, способность быть средством высказывания на запретные для обычного языка темы, специфически песенная образная структура и упорядоченность.

Русская лирическая песенная традиция сохраняет черты близкого сходства с обрядовым песенным фольклором. Возможно, это остатки и трансформации некогда развитых, но не сохранившихся и исчезнувших трудовых, военных, охотничьих, семейно-родовых, инициальных обрядов, обрядов ухаживания. Ощутимо в русской традиции стремление к песенному, непрямому, ассоциативному способу выражения, выводимое из поэзии типовых состояний и поэзии мимолетности. Однако в русском фольклоре две песенные струи — обрядовая и необрядовая, взаимодействуя, соединились настолько, что можно говорить теперь о сторонах, о проявлениях (грамматических формах, значениях) одного устройства, но не о разных устройствах и не о разных песенных языках.

Валентности модели

Особенностью парадигматического устройства семантики песенного фольклора следует, таким образом, признать ее трехвалентность, проявляющуюся как единый механизм для разного в разных частях и на разных уровнях. Смысл, единый для тради-

ции и парадигматики фольклора в целом, меняет форму и, следовательно, грамматические значения в зависимости от валентных характеристик.

Так, достаточно продуктивный и регулярный смысл «лицо— субъект, приходящий извне и туда возвращающийся, тот, кого следует встретить и проводить», в зависимости от валентности, способен принимать формы:

Схема 1

Валентности образуют решетку из девяти точек и восьми осей: три горизонтальные, три вертикальные и две диагональные, каждая из которых значима.

Значения точек составляются пересечением осей и их направленностью. Точка левого верхнего, к примеру, в направлении по диагонали вниз может быть представлена как точка испытания, проверки; по диагонали вверх — как точка достижения, невидимого, истинного; вниз и вверх по вертикали передает вертикальное движение в модели мира; вправо и влево — взаимодействие верхнего с субъектом-социумом. Подобным образом определяются значения других точек.

Частая в традиции амбивалентность и неопределенность гостя

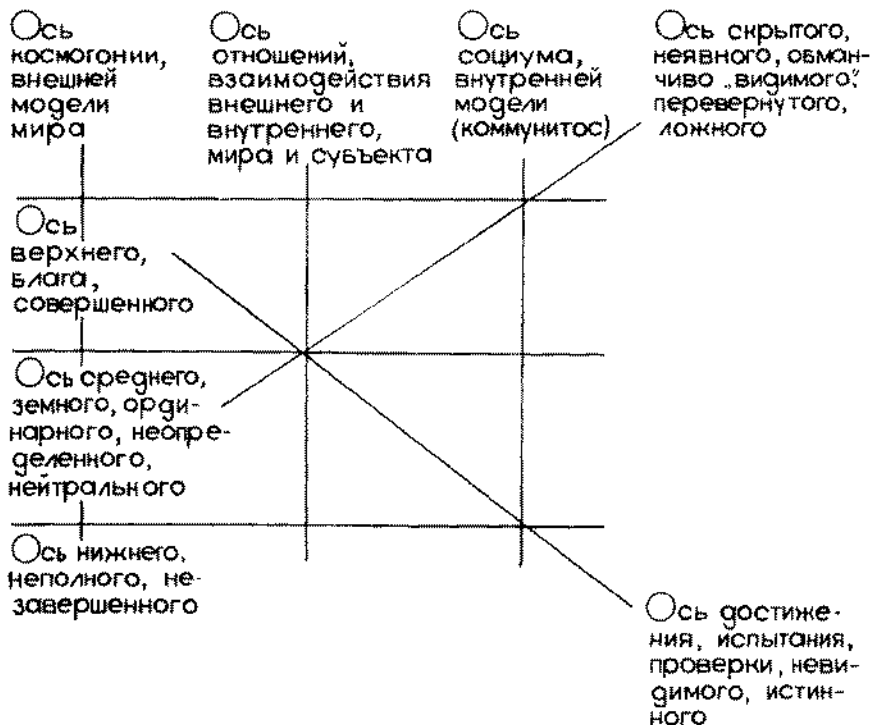

Схема 2

порождается способностью движения в валентной модели: точка тянет отношения, тем самым другие точки и, следовательно, другие отношения. Гость приходящий, случайный, которого не ждут, может оказаться гостем из леса (медведь), и гостем земли (умершим), и небесным гостем, прийти с добром и с недобрым, быть благородным принцем, простофилей и бродягой. Его «невидимость», случайность скрывают истинное существо. Гость-принц, красавец, полюбившийся девице и желающий на ней жениться, оказывается вампиром, мертвецом, разбойником или прокаженным. Гонимый, нигде не принимаемый странник — богом либо посланником богов. Приходящий с добром торговец, исцелитель — злоумышленником, убийцей, вором, похитителем.

Таким образом, движение по точкам способно формировать сюжет, фабулу развития в мифе, ритуале, сказке, песне, особенно диагональные движения и движения угловые. Кем оказывается благородный гость: случайным гостем, мертвецом-вампиром или бродягой-разбойником; кто он, тот, кого боятся, избегают, от кого стремятся оградить себя, — не красавец ли жених, благород-

ный принц или божество, будь он вначале змей, лягушка, пес, медведь из лесу или непонятное чудовище, — это зависит от направления движения, от «истинной» валентности исходной точки.

Если миф, сказка строятся на **узнавании** валентности, то обряд — часто на ее **движении**, на **изменении** в ходе действия. Песня — на **совмещении** и **намске**.

Жених в свадебном обряде (плач невесты в ожидании прихода сватов) вначале — чужой гость, незванный, непрощенный, носитель вредоносной силы, губитель, разлучник, похититель (нижние точки оси социума и оси взаимодействия). Затем — с л у ч а й н ы й г о с т ь, кого не ждут, но кто приходит и кого встречают, проводят в дом, сажают за стол, угощают (центральная точка схемы). И наконец, г о с т ь ж е л а н н ы й, дорогой, приходящий с добром, отмеченный благополучием и благородный (верхние точки оси социума и взаимодействий).

Точно так же в русальском обряде, в поминальных, масленичном, купальском контрагент (русалка, приходящие с того света родители, Масленица, Купала) амбивалентен не изначально, а в развитии: сначала приходящие с добром, те, кого ждут, встречают, кормят, затем — потенциально вредоносные, те, кого следует проводить, похоронить, прогнать, отправить.

Парадигма смысла

Характерное для обряда валентное движение смысла находит отражение в парадигмах форм и грамматических значений — общеобрядовой и частных обрядовых (проявления общей):

Общеобрядовая парадигма	Парадигмы обрядов погребального и поминального циклов	Парадигма свадебного цикла	Парадигмы календарных и поминальных обрядов	Парадигмы оградительных обрядов, заговоров
Гость, приходящий с добром к тому, кто добр	Покойник, умерший родитель*	Смерть, смерть — гость, гостейка, птичка, ластовка	Жених — гость желанный, милый	Масленица, Осень, Коляда, Купала, русалка как желанные гости
Случайный гость	Незнакомый, пришелец, случайный гость, мертвец	Смерть — незнакомец, первый встречный, пришелец	Жених — незнакомец, случайный прохожий, пришелец	незнакомцы, случайные гости, заблудшие, Знакомое животное (корова, лошадь, со-

* То есть умерший своей смертью и погребенный по правилам, «чистый» покойник, защитник рода, посредник мира живых и мертвых, регулярно поминаемый и не забытый.

					бака, копка) — воплощения Коровьей смерти, Чумы, болезни, мора
Гость, при- ходящий с недобрым	Нечистый, с умерший не своей смертью, без погребения; оби- женный ро- дитель	Смерть — гость не- добрый, не- званный, центроше- ный	Жених — чужие, непро- чуженный, похити- тель, раз- бойник, с того света пришелец	чужие, непро- шеные, все подземные, негодные, ста- рые, жалкие, потенциально опасные,	Сама Коровья смерть, Чума, болезнь, мор
Гость — странник, гонимый, унижен- ный, асо- циальный	Умер- ший — странник, бродяга, нищий, прохожий жалкого вида, кале- ка, страж- дущий, ни живой ни мертвый (нежить)	Смерть — странник, бродяга, нищий	Жених — первый встречный, бродяга, убогий, разбойник, вор, прока- женный	пришельцы, нищие, стран- ники, бродяги, убогие — во- площения Ма- сленицы, Ко- рвьяды	Бродяга, странник, бро- дячее, при- блудное жи- вотное — во- площение Ко- ровьей смерти, Чумы, болез- ни, мора

Парадигма отражает угловое движение точки по оси взаимодействия сверху вниз и вправо (нижняя точка оси социума, схема 1): приходящий с добром — случайный гость — приходящий с недобрым — гонимый.

Часть обрядов повторяет в развитии последовательность общей парадигмы (масленица, купала, святки, погребение в отношении к умершему, поминальные обряды). Другая часть нарушает ее, иногда делая обратной (свадьба, погребение в отношении к смерти). Третья — безразлична к последовательности (оградительные обряды, заговоры). И наконец, есть часть обрядов, которые, не передавая парадигмы в целом, воплощают отдельные ее грамматические формы с опорой на знание парадигмы и девятивалентной схемы.

В крестильных обрядах *ребенок* — желанный и долгожданный гость. *Домовой* в ритуале вхождения в новый дом — тот, кого ждут, зовут, переманивают, желанный и приходящий с добром. Мухи в обряде изведения мух — те, кого изгоняют, пришедшие с недобрым, те, кого избегают. В обрядах гадания *жених*, *суженый*, *соперник* — прежде всего гость случайный, кого призывают, не зная, кто он и каков он, нарушая правильность, переворачивая тем самым схему привычного валентного соотношения по оси скрытого за левый нижний угол, обращаясь за поддержкой нижнего мира, подземных сил.

В одних случаях отражение в обряде только одной грамматической формы можно рассматривать как его структурный признак, проявление отношения к общему, ко всем обрядам цикла — жизненного, календарного, аграрного. В других — как следствие его редукции. *Ребенок* мог быть представляем и как случайный гость, и как гость с недобрым — носитель потусторонней и разрушительной силы (культы близнецов, умерщвления младенцев, изведения вселившегося духа, известные по сказкам и мифологическим сюжетам). *Домовой, суженый, жених, соперник, мухи* в других обрядах и, возможно, в том же могли представляться как носители иных грамматических значений. *Домового* надо было задобрить, накормить, чтобы он стал добрым; о *женихе, о суженом* следовало узнать, кто он и каков он; *мухи* были вредоносны только в определенный период.

Парадигмы *гостя* в сказках, балладах, лирических песнях отличны от обрядовых. В сказках *гость среднего мира* — случайный гость — отмеченный благополучием, благородный, ищущий (жених-медведь); средний, ординарный, чудаковатый, не ищущий, удачливый — униженный, гонимый — тот, кого избегают, — случайный гость, кого не ждут, — отмеченный благополучием (дурак — жених царевны); отмеченный благополучием — случайный гость — асоциальный (жених-разбойник).

В песнях парадигмы обращаются не в парадигмы развития, а в парадигмы значения. Значения формы смысла в этом случае создаются объединением значений точек: отмеченный благополучием, хорошего рода, ищущий, приходящий с добром, тот, кого ждут, «небесный гость» (жених — месяц, сокол, лебедь, солнце в свадебной лирической песне); средний, ординарный, жалкий, униженный, гонимый, асоциальный, не ищущий, приходящий с недобрым, тот, кого избегают (жених — неряха, неумойка, голова пестом в свадебных корильных песнях); случайные гости, те, кого не ждут, результат контакта с которыми неизвестен и потому тревожен, приходящие с добром, приходящие с недобрым (сват к невесте в дом, усы-молодцы, молодцы в лесу, приходящие к вдове солдаты; скоморохи, путники); отмеченный благополучием, ищущий, желающий, тот, кого ждут, с кем ищут встречи, случайный гость, приносящий недоброе, от которого стремятся потом себя оградить (милый, который бросил).

Ступени грамматического оформления

Объединяясь, точки создают представление о форме смысла, близкой к ее синтаксическому выражению, воплощению в тексте. Валентностями точек можно передать ступени оформления смысла, показать степень его синтаксической оформленности и конкретности:

1. Гость

1. Гость среднего мира	Гость из лесу, земли, воды, норы, пещеры, ямы, горы, дерева: змея, водяной, леший, медведь, заяц, лиса, старичок-лесовичок, старушка, птица, соловей, кукушка, мухи, пчелы; духи лесов, полей, воды, хлебные девы, старцы, полудницы, кикиморы, злыдни, потерчата		
2. Гость среднего мира	случайный гость	Медведь, бородатый старик, водяной, лягушка, жаба, змей, птица в доме	
3. Гость среднего мира	случайный гость	отмеченный благополучием, благородный, ищущий, чего-то ждущий	Медведь, лягушка, жаба, змей—заколдованный принц, царевич; бородатый старик, водяной; зверь в доме—требующие «своего»: дочь, сына хозяина
Гость среднего мира	случайный гость	средний, обычный, чудаковатый, страшный, не ищущий, отмеченный благодатью	Заяц, лань, утка из лесу, журавль, аист
Гость среднего мира	случайный гость	униженный, гонимый, не ищущий	Медведь, лев, ворон, орел, другая птица, раненые, с подбитой лапой, крылом, приходящие в дом, которых исцеляют; медведь-половинщик
/4. Гость среднего мира	случайный гость	отмеченный благополучием, благородный	Жених-медведь, змей, асоциальный (нечеловек)
Гость среднего мира	случайный гость	отмеченный благополучием, чего-то ждущий	приходящий с добром
Гость среднего мира	случайный гость	чего-то ждущий	приходящий с недобрым
			Зверь, птица—смерть, болезнь, мор, мстящий зверь (медведь на липовой ноге)

Для полного синтагматического оформления смысла достаточными оказываются четыре последовательные ступени: 1. Начальная, наиболее общая, отвлеченная, исходная, описывающая тему

смысла. 2. Определяющая его структурную основу. 3. Намечающая характер проявления, вероятный вид **развертывания** смысла. 4. **Наыщающая**, определяющая сам смысл, его синтаксическую форму. По четырем ступеням происходит постепенное сужение смысла, его конкретизация:

1. Гость верхнего мира, небесный гость

солнце, месяц, ворон, орел, сокол, лебедь, голубь, дождь, облако, старцы-калеки, калики перехожие, Ярила, Масленица, Купала, Коляда, Овсень, небесный огонь, огненный змей, небесная старуха, старица, ови, вепрь, гусь, гром, молния, ветер, «полазник», молодой бог, божич, старый бог

1.2. Приходящий с добром к тому, кто добр, кого ждут, зовут

Масленица, Коляда, Купала, колядники, умершие родители, небесный жених, солнце — податель тепла, дождь, Весна

1.2. Случайный гость, случайно встреченный, кого не ждут, но кто приходит

голубь-вестник, старцы-калеки, скоморохи, калики перехожие, странники, бродяги, нищие, прокаженные, первый встречный, небесный попутчик, небесная старушка, старичок

1.2.3. Отмеченный благополучием, благогородный, ищущий
солнце, ворон, месяц, сокол (небесные женихи)

1.2.3. Приходящий с добром

голубь-вестник любви, прихода, старушка из лесу, старичок-советчик, дождь, облако

Приходящий с недобрым

огненный змей, гром, молния, птица-вестник смерти, туча, град, буря-ветер, холод

Униженный, гонимый

старцы-калеки, скоморохи, странники, бродяги, прокаженные, нищие

1.2.3.4. Униженный, гонимый, асоциальный (нечеловек)

финист—ясный сокол, небесный жених в нечеловеческом облике, изгоняемый соперницей

1.2.3.4. Униженный, гонимый, асоциальный

небесная старушка, небесный старичок

Изгоняемый

гром, молния, туча, град, холод, огненный змей

Делающий в ответ недоброе

небесный старец, бродяга, одноногий, прокаженный, обиженное божество

Гость нижнего мира приходящий с недобрым, тот, кого избегают униженный, гонимый, оскорбленный

Черт, вампир, дьяволица, умерший колдун; мстящий за убийство; обиженный мертвец

Гость нижнего мира случайный гость

приходящий с недобрым, тот, кого избегают, прихода кого боятся Странник-вампир, неуспокоившийся, жених-вампир, умерший, колдун, мертвец, верлиок, вестник смерти, ворон

Смысл, реализуясь в тексте, способен объединять значения одной, двух, трех, четырех ступеней. Однако от этого не всегда зависит степень его оформленности, степень конкретности в упо-

треблении. Лишь обуславливаясь ступенью, степень зависит от других грамматических значений формы и непосредственно от синтагматики. *Гость нижнего мира* способен обладать следующими (по три) объединениями точек девятивалентной схемы:

Гость нижнего мира	случайный гость, кого не ждут, но кто приходит	униженный, гонимый, асоциальный	Неуспокоившийся, проклятый	непогрешенный
Гость нижнего мира	случайный гость	средний, ординарный, ничего не ищущий, удачливый	Одуроченный черт, курочка-ряба; осел, дающий золотые монеты	
Гость нижнего мира	случайный гость	отмеченный благополучием, благодарный, ищущий	Жених-свинья, змея, жаба, карлик, козел, корешок, морковь	
Гость нижнего мира	случайный гость	приходящий с добром к тому, кто добр	Старушка, странник, карлик, одаривающий того, кто добр, умерший родитель, родственник	
Гость нижнего мира	приходящий с добром, тот, кого ждут, чьем призывают, с кем ищут встречи	отмеченный благополучием	Змея, птицы, несущие весну, умершие родители (родитель), чудесный конь, сивка-бурка, таинственный помощник, яблоня, куколка, яблочко	

Конкретизации данного смысла в контекстах предопределяются показателями грамматических значений других парадигм, за пределами парадигмы гостя:

Мужское колдун жених	Один родитель	Человек умерший отец	Молодое жених	Живое жених старушка странник	Видимый пришедший, появившийся на зов
Женское дьяволица, ведьма	Двое умершие отец и мать	Нечеловек курочка сивка-бурка, змея	Старое старушка странник, жених-корешок	Мертвое мертвец, мстящий за убийство	Невидимый остающийся в нижнем мире, не появившийся
И женское и мужское	Много	И человек и нечеловек	То старое, то молодое	Ни мертвое ни живое	То видимое, то невидимое
смерть, верлиока, кикимора	предки, деды	заколдованный жених, жених-вампир, куколка, яблоня	карлик, заколдованный жених, вампир, колдун	нежить, умерший колдун, непогрешенный, неуспокоившийся	появляющееся и исчезающее, время от времени приходящее

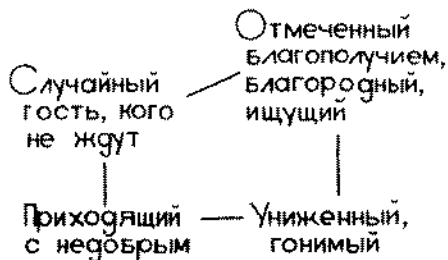
а также имущий/неимущий; явный/скрытый, таинственный, тайный; белый/черный и т. п. Парадигм, способных реализоваться в традиционном смысле — фольклорной единице—своими грамматическими значениями, может быть много.

Границы одного традиционного смысла-единицы валентностно подвижны, т. е. подвижны в частях валентной схемы. Так, левая ось для гостя порождает формы космологического гостя, пришедшего из мира внешнего, не от людей, хотя облик человека принимающего. Правой осью создаются формы человеческой природы: приходящий — человек, лицо социальное, хотя способное иметь нечеловеческие черты и свойства, часто наделенное способностями и качествами мира верхнего, среднего, подземного, вступившее с ним в стовор, в связь либо защищенное извне, отмеченное благодатью (умерший родитель, божество; нечистый, мертвец; животное или дух — посредник, покровитель, опекун, иногда сама судьба, Доля благоволит к такому).

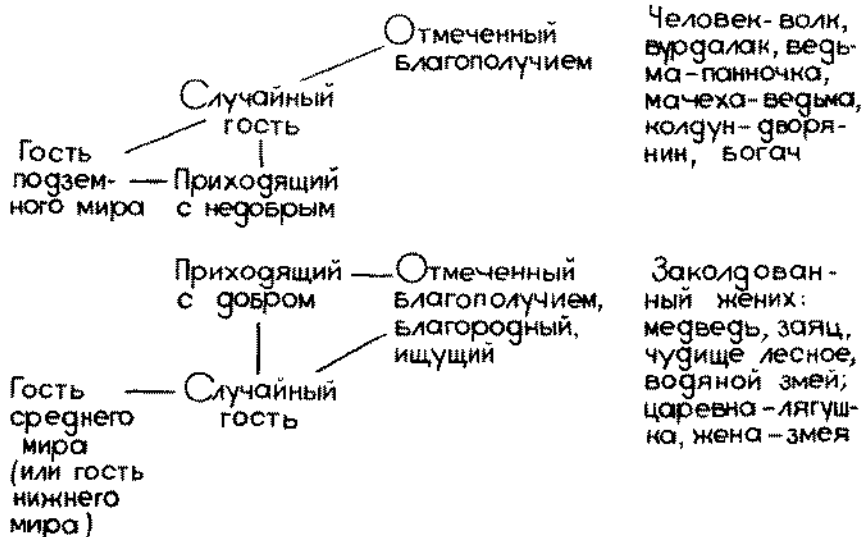
Грамматические формы смысла гость правой части схемы многочисленны. Песни лирические, шуточные, хороводные, сказки волшебные и бытовые, легенды, сказы, былички, баллады, исторические песни, былины, народные драмы населены пришельцами — людьми самыми разнообразными. Рассмотрим некоторые формы четырехступенчатого проявления, наиболее подробного:

Жених - сокол, месяц, солнце, лебедь

Жених - богач, брат-богач, царь, барин, просящий чудесное средство (меленку, дубинку, горшочек, петуха)

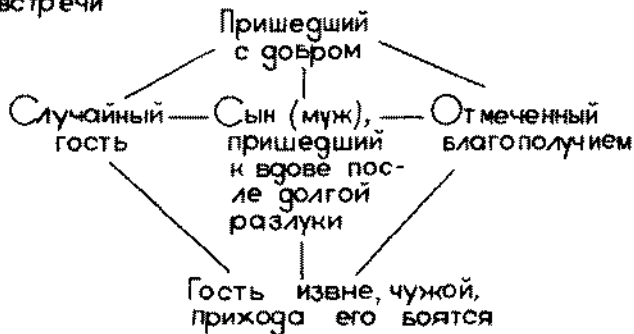
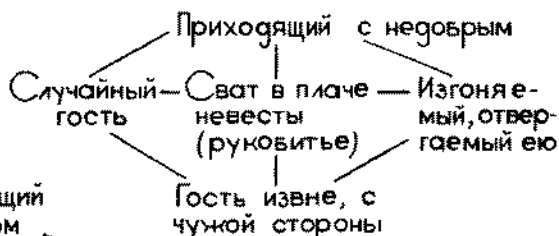
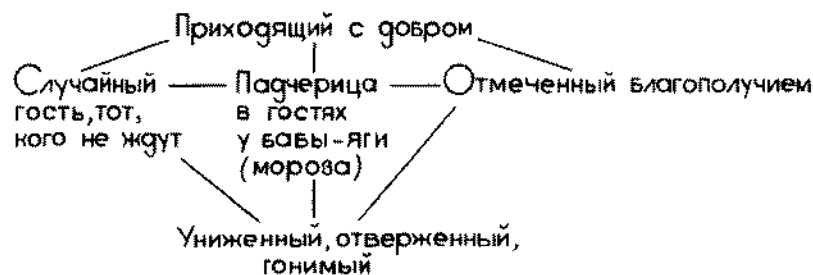
Иерархия грамматической структуры

В структуре грамматических значений формы смысла существительным оказывается порядок актуальностей, или иерархия. Одно из значений становится ведущим, ядерным, определяющим. Два (ведущее плюс еще одно) составляют опору грамматической формы, выполняя распознавательную и различительную функции. Остальные, часто необязательные, определяют форму дополнительно, как структуру значений, отличную от другой.

Скажем, последовательность «отмеченный благополучием, благородный—случайный гость, тот, кого не ждут» способна порождать формы жених—сокол, месяц, солнце, богач; вурдалак, ведьма, т. е. благородный случайный гость, ибо важно, что благородный гость случаен. В то время как обратная ей последовательность — другие формы: жених—медведь, заяц, чудище лесное, странник, бродяга, муж на свадьбе своей жены, настоящий победитель змея и освободитель царевны, младший сын, доставший отцу чудесное средство и оклеветанный братьями, «ослиная шкура» и т. п. — иными словами, случайный гость, который оказывается или может оказаться благородным (случайный гость потенциально благородный, отмеченный благополучием). Так в грамматической структуре формы, в иерархии, может проявлять себя явное и неявное, видимое и невидимое, истинное и ложное.

Фольклорный смысл неоднороден в выражении. Четыре выделенные ступени оформления отражаются в структуре грамматической формы в виде порядка компонентов. По роли в оформлении

можно выделить, соответственно ступеням, тематический (левый), строевой (нижний), развертывающий (верхний) и насыщающий (правый) компоненты кольцевой грамматической структуры. Определяемое — сама форма смысла — оказывается в центре:

Тематический компонент задает тему будущего синтаксического значения формы, описывает некоторое поле, круг возможного проявления. Строевой, или опорный, дает представление о том, чем он является с точки зрения «субъекта» традиции, на что опирается субъект в интерпретации синтаксического значения. Развертывающий предстает как проявление значения в связях, динамике, в сочетаниях. И насыщающий—как завершение, окончательное оформление в употреблении, в тексте.

Грамматическая структура формы способна иметь динамический и статический вид. Динамический — обычно в жанрах и текстах развития (обрядового, повествовательного). Статический, или одновременный,—в жанрах и текстах проекции, проявляющих грамматическую форму смысла в готовом виде, как готовую единицу «словаря», готовую модель, речевую формулу (песенно-поэтические тексты)*.

Левое, правое, низ, верх, центр схемы, их относительность есть не что иное, как валентностные проявления общего, единого парадигматического устройства фольклорной семантики. Каждая часть девятивалентной схемы может быть представлена как относительно самостоятельное, независимое устройство, имеющее свой верх, низ, среднее, центр: модель Вселенной для левой оси, модель социума — для правой, отдельно верхний мир, отдельно средний, общество совершенного и общество изгоев, лиминальное общество⁵⁷.

Субъект традиции

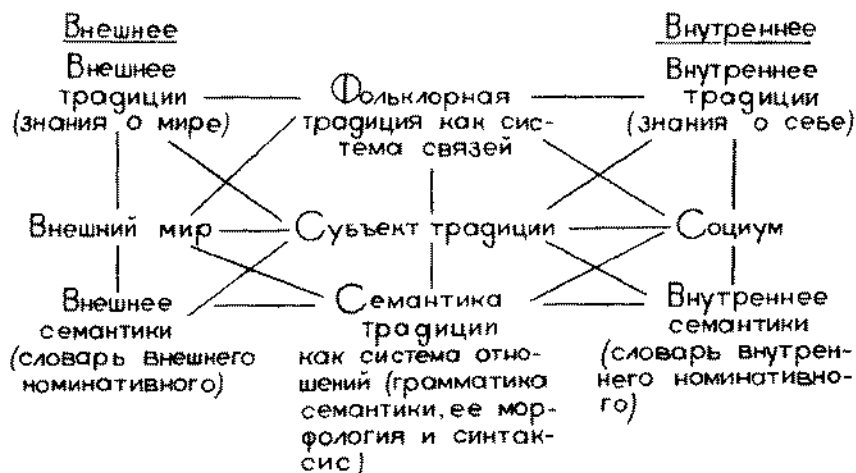
Относительность устройства, валентность составляющих его частей, их подвижная зависимость и взаимообусловленность — следствие субъективности традиции как субъективности языковой. Однако Субъект традиции, в отличие от субъекта языка, в своей номинативной деятельности **агентен** (слово=деяние в традиции⁵⁸). Отсюда особенности соотношения субстантивного и предикатного, номинативного и синтаксического, внешнего и внутреннего в фольклоре, зависящие от **Субъекта**, его номинативной **воли**, его **императива**.

Субъект традиции есть коллектив — его носитель, одновременно то, что вне его, как установленная догма, мифологическое знание, традиция социального сознания, и то, что в нем самом, как

* Подразделение обусловлено интенциональной задачей: приобрести свойства, обучить незнающего (обрядовые, повествовательные тексты — проявление смысла в движении становится необходимым для достижения цели—сделать явным, включить в сознание либо действие — активизировать) и вызвать представление об известном у слушателя либо сопроводить действие именованием (песенно-поэтические тексты — актуализировать).

предписываемое поведение, система норм взаимодействий в коллективе и за пределами, в его ритуализованном, регламентированном сношении с миром.

Место субъекта в морфологии семантики есть место центра—точки, порождающей все остальное как **валентные зоны** проявления центра. Пользуясь значениями осей и точек девятивалентной схемы (см. схему 2), названные соотношения можно представить следующим образом:

Левая и правая части схемы по отношению к центральной осевой субстантны. Центральная — по отношению к левой и правой — предикатна и акциональна. Это осевая связи, контакта, взаимодействия внешнего и внутреннего в системе.

Грамматические классы и грамматические категории

Трехчастность, трехвалентность (внешнего, внутреннего и устанавливающего связь) проявляет себя в морфологическом устройстве грамматических классов семантики фольклора: класс внешнего, внутреннего и устанавливающего связь (акциональный класс).

Морфологию определяют как учение о грамматических классах слов (частях речи), объединяемых на основании обобщенного значения, отвлеченного от лексических и грамматических значений всех слов данного класса, на основании характерного для каждого класса комплекса грамматических категорий, общей системы парадигм, общности синтаксических функций. Принад-

лежность классу определяет наиболее общий вид и потенциальные свойства формы, значения и функций грамматической единицы.

Классы традиционных фольклорных смыслов в морфологии фольклорной семантики, как и в морфологии языка, обусловлены изменениями грамматических форм по парадигмам. Их обобщенные значения (показатели грамматических классов) отражают парадигматику традиции и соответствуют семантике ее валентных зон.

Язык в своем грамматическом устройстве соотносится с реальной действительностью, представления о ней воплощены в его категориях, значениях и классах. Фольклор соотносим с традицией, следовательно, грамматическую вероятность классов с их показателями — обобщенными значениями — необходимо выводить из отраженных в фольклоре традиционных представлений. Объединение в классы по признакам предметности, процессуальности, призначности, как в языке, для фольклорной семантики было бы простым перенесением и не соответствовало бы грамматическим свойствам традиции, свойствам ее парадигматического устройства.

Система традиции организована по валентностям, которые, определяя в ней особенности семантических проявлений, управляют входящими смыслами и определяют ее самоё. Важно не что есть данное само по себе, а чем является по отношению к другому: обобщенные значения грамматических классов традиции обусловлены отношением к валентностям, соотносимы с валентными местами в схеме.

Всякую морфологию пронизывает противопоставление элемента и отношения, субстанции и предиката, предмета и действия (или признака). Первое, наиболее общее разделение — на имена предметов и предикатов (признаков или функций). В грамматическом устройстве традиции предметность и призначность относительны, опосредованы отношением валентности. По горизонтали модель фольклорной парадигматики организована трехвалентно:

Внешнее	Взаимосвязь	Внутреннее
Модель мира	Система взаимодействий	Модель социума

Отношения между агентной (правой) частью и внешней (левой) устанавливаются через осевую — акциональную — часть (взаимодействие). Правая с левой обнаруживают сходство как носители обобщенного значения предметности, в то время как осевая предикатна.

Каждая часть обладает собственным составом грамматических парадигм и категорий, обуславливающих формы смысла. Сообразно своим валентным свойствам каждая проявляет себя синтагма-

тически, управляя синтаксическими функциями и синтаксическим значением смысла. Каждая может быть рассмотрена как самостоятельное парадигматическое устройство в проявлении собственных валентностей внутреннего, внешнего и устанавливающего связь — двух предметных и предикатной, двух номинальных и синтаксической. И наконец, в каждой, соответственно валентностям, возможны собственные группировки — классы, лексико-грамматические разряды.

Дуб, дерево, дом, гость, мосты — как формы смысла и члены соответствующих парадигм для внешнего, акционального и внутреннего по категориям различны. *Дуб* для внешнего может передавать морфологические значения предмета — средства связи верхнего и нижнего, четырех сторон света, центра мироздания, невидимого, светлого, дальнего, отмеченного совершенным. Морфологические значения соответствующих парадигм: движения сверху вниз, центра и четырехсторонности, видимого — невидимого — скрытого — явного; приближения извне к дому с той стороны и движения от дома на ту сторону — для соответствующих категорий оформленности, объективной данности, вертикально-горизонтального устройства, освоения и отмеченности совершенным.

Дуб акционального реализует морфологические значения: предмет — носитель силы блага, свойств желательного, способных защитить либо способствовать росту, плодородию, теплу, способных к переходу (сопричастию), его посредством названные свойства можно придавать объекту, усиливать их в нем либо лишать — значения парадигм наделения свойствами, защиты, способствования, причащения грамматических категорий причинения, императива, действия, сопричастности (партиципации).

Дуб внутреннего способен реализовать значения: предмет — защитник либо тотем рода, сакральное, сухое, твердое, надежное, мужское, воплощение человека, рождения — жизни — смерти — возрождения, живого, молодого либо старого, социально совершенного и верхнего. Значения парадигм посвящения, сакрализации, придания свойств сухого, крепкого, надежного (парадигма испытания и закаливания), взросления, созревания, умерщвления, оживления, старения, совершенствования, социального движения вверх — для соответствующих категорий рода, включения в род, приобщения роду, жизненного цикла и социального устройства.

Точно так же *дерево, доска, гость, мосты*, равно как и другие формы, в зависимости от грамматического класса реализуют морфологические значения парадигм у разных категорий.

Различие грамматических классов — различие не только морфологическое, но и синтаксическое. *Дуб, дерево, гость* с при-

знаками внешнего проявляют себя в тексте иначе, отличаются функционально от *дуба, дерева* и *гостя* с признаками акционального и внутреннего. *Дуб* внешнего характерен для мифов, сказок, заговоров. Это **атрибу**т, признак верхнего, объект посылы, отправления героя в мифе, сказке, призыва в заговорной формуле. *Дуб* акционального и внутреннего характерен для текстов обрядовых (сохранившихся и несохранившихся) и текстов «поэзии мимолетности», поэзии типовых состояний, т. е. для жанров песенных, обрядовых и необрядовых. *Дуб* в этих текстах предстает как объект-участник, либо отмеченное место действия, либо орудие достижения цели.

В каждой модели, в каждой части схемы возможны собственные проявления внутреннего, внешнего и устанавливающего связь. В этом и состоит валентностная относительность. Однако для модели частной такое распределение не будет иметь смысла всеобщего разделения на классы. Это может выглядеть как регулярное противопоставление рядов форм полной парадигмы:

Внутреннее	Устанавливающее связь	Внешнее
Парадигмы внешнего грамматического класса		
Бел горяч камень, остров, дуб на острове, дерево, дупло дерева, дом подводного царя, солнца, месяца, подземное царство	Море, озеро, вода, лодка, огненный мост, доска, гора, дерево, лестница	То, что вне, вокруг, откуда начинается движение к центру (внутреннему)
Парадигмы акционального класса		
Внутренность круга, березка, ель, майское дерево, кукушка, изго- няемая русалка	Круг, хоровод, окруж- ность отмеченного, отделенного про- странства, леса, поля, поляны—места, где происходит действие обряда	Пространство за пределом круга, внешнее простран- ство
покойник в гробу	домовина, гроб	то, что за пределом гроба
Парадигмы внутреннего класса		
Внутренность дома, дом, двор, сад	Окно, порог, дверь, мост, дорога, поле, река, лес, озеро	Лес, поле, гора, море, болота, озе- ро, то, что за гора- ми, за лесами, за морем

Как распределение синтаксических значений контекста (часто как синтаксическое проявление отношений и связей парадигматических):

Летела пава, уронила перо на двор
 двор павы перо
 Не шуми, мати зеленая дубравушка, не мешай мне, молодцу, думу
 думати

молодец дубрава чисто поле и то, где
 молодцу ответ держать
 В чистом поле под кусточком молодец убит лежит
 молодец чисто поле то, что вокруг и
 ракивов куст за пределом

Пора коня седлать, ехать со двора (свататься)
 двор конь чужая сторона, то,
 куда ехать

У ворот трава растет, у ворот широкая, а и кто траву топтал...
 женихи жожалые, сватовья богатые

ворота трава женихи, сватовья
 И наконец, как различие в значениях лексических, номинатив-
 ных, определяющих структуру предикатной единицы, сходной
 по характеру устойчивости с моделью фразеологического слово-
 сочетания:

соловьешка	посадить (действие, агент)	клеточка
палец	надеть	колечко
хозяйшкa	похаживать	сенокоски
молодец	плыть	кораблик

Если вникнуть в смысл семантических оснований грамматической дифференциации (классы, разряды, категории, грамматические значения, парадигмы), легко заметить повторяемость одних и тех же признаков на разных уровнях — способность семантического отражаться в разных формах и обуславливаться различными синтаксическими функциями.

Так, существительные включают группу слов, обозначающих процессы и признаки (*бег, белизна, бездействие, корявость*), что противоречило бы обобщенному значению предметности, если бы признак и процесс не обладали способностью осознаваться как предмет. Лицо передается в существительном как **лексико-грамматический разряд** имен существительных собственных и одушевленных, как **категория** — в глаголе, **основание категории** (действительный/страдателный залог — в глаголе и причастии), как образующая **грамматического класса** местоимений. Род, число, активность, место, время равным образом пронизывают собой различные морфологические и синтаксические группировки. Значение, форма, функция, таким образом, взаимопереходны и взаимопредставимы.

Не оказываются ли они в таком случае валентностями грамматического уровня, предшествующего слову, более глубокого и

общего, — валентностями внутреннего (значение), внешнего (форма) и устанавливающего связь (функция)?

Предметное и предикатное проявляются и в форме, и в значении, и в функции, и в категории, и в грамматическом разряде. Определить вид грамматической составляющей фольклорных смыслов, формы которых не наглядны, как у слов, помогает их валентностная соотнесенность*.

Морфологическая категория, как известно, представляет собой систему противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение к чему-то в действительности и имеющих соответствующие значения числа, времени, лица, залога. Категориями устанавливается закономерное соответствие между **морфологическим значением** (ед., мн. ч.; прош., наст., буд. вр.; 1, 2, 3 л.; действ., страд. залог) и **грамматической формой** (доской, столу, читаешь, берущему), передаваемое **парадигмой** — последовательным рядом изменения формы с одновременным изменением грамматически значимого показателя отношения: количества (для категории числа), реальности/ирреальности (для категории наклонения), момента речи (для категории времени), говорящего (для категории лица глагола), активности/пассивности действия (для залога).

Категория определяется, следовательно, не только валентными соотношениями с другими категориями модели, но и внутренними соотношениями собственных составляющих — морфологического значения, грамматической формы, парадигмы, грамматически значимого показателя отношения. Категории, преломляясь в видах отношений, проявляются в значениях и воплощаются в парадигмах форм. Таким представляется взаимодействие составляющих**.

* Валентной относительностью, как представляется, обуславливается многое сложное и переходное в морфологии. Валентности придают системе гибкость, обратимость, отражая ей присущее, соответствуя ее динамической природе. Валентности и есть прежде всего **парадигматика динамики**, функционирование, переведенное внутрь, потенция движения. Валентностями можно объяснить всё грамматическое и по валентным отношениям определить грамматические классы, категории, значения, парадигмы. Механизм определения грамматических составляющих, таким образом, будет единым.

** Категории и вид отношения внешне независимы. Отношение — это своего рода точка, плоскость преломления категории. Совмещением категории и отношения определяется морфологическое значение, передаваемое формой. Но форма включает одновременно несколько морфологических значений, следовательно, фольклорный смысл, определяемый как система форм, множествен, пронизан сетью взаимодействующих морфологических значений, обусловленных как парадигматически, так и синтагматически — ролью и местом по отношению к другим в тексте. Последовательность описания одного в другом и одного через другое опирается на механизм валентно обуславливаемой множественности движущихся соответствий, единый для парадигматики и синтагматики и отраженный в обобщенной валентностной модели.

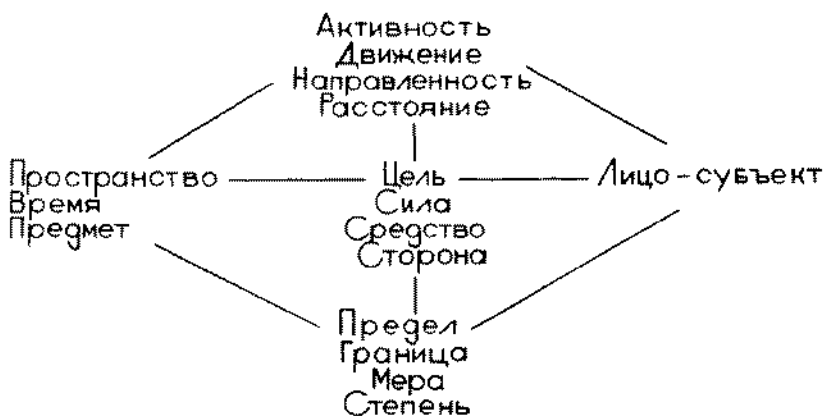
Состав категорий одного грамматического класса (внешнего, акционального, внутреннего) не совпадает с составом другого класса, хотя обнаруживает общность в валентном проявлении признаков.

Класс внешнего

Для класса внешнего характерны противопоставления видимого и невидимого, света и тьмы, ближнего и дальнего, этого и того; внешнего и внутреннего; своего и чужого; верхнего, среднего и нижнего, четырех сторон света и центра; отмеченного и неотмеченного, проявляющиеся в категориях объективной данности, оформленности, освоения, вертикально-горизонтального устройства и отмеченности.

Валентные соотношения категорий обуславливаются видом традиции, стадией ее развития. Для традиции русского фольклора характерным представляется следующее соотношение: категория объективной данности занимает место исходного, вводящего (левая часть модели), категория вертикально-горизонтального устройства — место строевого (низ модели), категория освоения — место развертывающего (верх), отмеченности — место насыщающего (правое), категория оформленности — место определяемого (центр).

Морфологические значения категорий могут устанавливаться в отношении ко времени, пространству, предмету; пределу, мере, степени, границе; силе, средству, цели, стороне; активности, движению, направленности, расстоянию; лицу-субъекту:

Как и категории, виды отношений соотносимы по валентностям: внешнее внешнего мира, его внутреннее и устанавли-

вающее связь. И в каждом (времени, пространстве, предмете, силе) ощутимы проявления валентности.

Валентностное распределение видов отношений еще более зависит от типологических свойств традиции, чем распределение категорий.

Отношения способны к совмещениям: время и пространство как единое, пространство движения, лицо-субъект — носитель силы. Число совмещений ограничено традицией и исчерпывается ею. Виды отношений связаны в традиции с мифологическими представлениями о реальности.

Морфологические значения соответственно возможны следующие: видимое/невидимое пространство; то/это пространство, время; внешнее/внутреннее действие; верхнее/среднее/нижнее пространство, предмет, магическая сила, лицо-субъект; отмеченное/неотмеченное пространство, время и т. п.

Морфологические значения воплощаются в формах, объединяющих обычно не одно значение: *небо* в модели мира передает значения пространства или субъекта верхнего, невидимого, внешнего, чужого, севера, отмеченного места пребывания божества, верховной силы, вечного, вневременного; *гора* — отмеченного предела, пространства перехода в верхнее, видимого, внешнего, чужого; *дом* — пространства своего, среднего, отмеченного, места пребывания субъекта, ограниченного, внутреннего, центра; *лестница* — предмета-посредника неба и земли, пути наверх и вниз; *земля* — поюстороннего среднего пространства, своего, внешнего, места обитания субъекта. В употреблении одно из значений формы обычно доминирует. Формы образуют ряды нерегулярных противопоставлений:

	∕ парадигму вертикального устройства
Верх	Небо, крона дуба (ми- верхняя часть столба рового дерева), камня
Середина	Земля, ствол, дупло, средняя часть стелы
Низ	Подземный мир, кор- нижняя часть дерева ни реки
	∨ парадигму обитания верха, середины, низа
Верх	Орел, лебедь, божество, месяц, солнце, луна, ветер, звезды
Середина	Пчелы, медведь, белка
Низ	Змеи, лягушки, жабы, бобры
	∨ парадигму восхождения наверх
Низ	Земля, дом, двор, поле
Середина	Лестница, веревка, бобовый стебель, крылья, птица
Верх	Небо, солнце, небесные палаты, дом солнца, дом в облаках, на горе, за ветрами, дом ветра

парадигму проникновения внутрь извне (в дом, в подземный мир, под воду, в человека) и отправления, изгнания, выхода изнутри вовне: дом—дорога—поле—река—мост—лес—болота—горы—моря—остров—камень, железный дуб

✓ парадигму движения по вертикали: небо—гора (лестница, дерево)—земля—отверстие в земле (дыра, нора, пещера, щель, вход, колодец; под камнем, дубом, деревом, в дупле)

✓ парадигму горизонтального устройства:

четыре стороны и центр (запад, север, восток, юг);

восемь сторон и центр, роза ветров;

ветры — северный, восточный, западный, южный

✓ парадигму небесного устройства, «небесной свадьбы»: месяц—солнце—звезды; хозяин—хозяйка—дети; пастух—овцы; месяц—звезды

✓ парадигму небесной переправы: месяц—лодка—небесная река—переправа (Млечный Путь)—левая и правая стороны реки—дом солнца, луны

✓ парадигму первотворения: вода—утка—земля; тьма (хаос)—меон (неопределенное состояние, состояние расхождения, отделение света и тьмы)—свет (космос)

✓ парадигму первоэлементов: земля—огонь—вода—воздух—камень, воплотившихся во все живое и устроенное (человека, животных, птиц, рыб, растения) как кости, кровь, дыхание, плоть, дух, а также парадигмы освоения, приближения себе, отмеченности совершенным, удаления, обнаружения неявного, вызывания духа, дождя и другие, отражающие в своих формах морфологические значения категорий класса внешнего.

Акциональный класс

Традиция непрерывна, и категории одного грамматического класса переходят в категории другого. Акциональный класс — устанавливающий связи — включает категории внешнего как внешнего себе и более общего. Каждый класс — это звено собственных грамматических акцентов в устройстве целого: предшествующее присутствует в нем как неотъемлемая, но менее активная составная часть.

Акциональный класс обладает собственным набором категорий, грамматических значений, форм, в реализациях (обрядовом действе, тексте) сочетающихся с грамматическими составляющими других классов, т. е. модели в целом. Это категории причинения, сопричастности, императива, действия и свойства (функции). Их соотношением определяются валентности взаимодействия агента (правая часть) и контрагента (левая часть). Связь осуществляется по горизонтальной линии: причинение — свойство — дей-

стве. Левое — своеобразный вход в акциональное, правое — его выход в модель правой части, внутреннюю модель субъекта-социума.

Свойство, представляя центр, определяет смысл причинения извне и смысл ответного действия со стороны субъекта. Свойством объясняется характер мира в его воздействии на субъект и ответное действие на мир агента-коллектива. Распространителями центра становятся категории причинения (левый), сопричастности (нижний), императива (верхний) и действия (правый).

Категории акционального класса предикатны и тем отличны в проявлениях от предметных категорий внешнего. Противопоставления, которыми характеризуется обобщенное значение категорий акционального класса, не изначальны, они выводятся по видам отношений и различны в зависимости от вида. Вне отношений могут быть описаны противопоставления категории причинения — левого компонента темы, связанного с предшествующей предметной частью модели общего: вред/польза; опасность/оберег; защита; страх/восторг; радость, удовольствие. Остальные категории следует рассматривать как семантически множественные.

Отличительной чертой категорий акционального класса является свойственная предикатам подвижность характеризующего признака. Признак представляется меняющимся, способным проявляться в большей или меньшей степени, нестатичным, зависящим от отношения (пространство, время, сила, направленность, лицо-субъект).

Акциональные обрядовые *время, пространство, сила* отличны от мифологических*. *Время обрядовое* — это время в отношении к совершению, действию, не время «до и вне» или «теперь и здесь» мифологические. *Пространство обрядовое* — пространство совершения, а не пространство мира. *Сила* — сила двигательная, способная к магическому воздействию, переходу, перемещениям, движениям внутри и вне, не изначальная сила — импульс и двигатель мировых процессов.

Грамматические значения акционального класса отличны по характеру от значений класса модели внешнего. Их больше, и они подробнее**. Это значения категории причинения: по месту

* Представления отражаются в грамматическом устройстве класса. Обряд, ритуал, мистерия — это своего рода мысль в движении, в котором всё принимает вид предиката, включаясь в действие. В движении стягиваются левое и правое, внешнее и внутреннее, мировое устройство и социум.

** Это связано с предикатной подвижностью акционального — магической, ритуально-обрядовой многофункциональностью, множественностью целей, ролей и способов воздействия. В то время как модель мира для традиционного сознания неизменна, поскольку ее стабильность — залог равновесия и стабильности

(место вреда/блага/нейтральное место), времени (опасное/нейтральное/защитное время), силе, направленности, цели, средству. *Перекресток дорог, болото, лес, омут, поле, вода, обрыв, яма* — как постоянное место вреда. *Священный дуб, дерево, печь, камень* — в определенное ритуальное время места — носители блага, в другое время могут быть нейтральны или губительны. *Глухая ночь* (после 12 часов до первых петухов), *полдень, полнолуние, смена фазы луны и солнца, сумерки* — постоянно опасное время. *Рассвет, раннее утро, рождение солнца, поворот к лету* — время защиты.

Значения категории сопричастности, обусловленные противопоставлениями, следующие: 1) носитель/потенциальное/индифферентное — в отношении места, времени, предмета, лица; 2) придать/усилить/снять — в отношении средства, цели, силы, стороны; 3) переход/перемещение чего-либо внутрь/от или из чего-либо — в отношении направленности, движения, активности, расстояния; 4) начальное/промежуточное/конечное — в отношении предела, границы, меры, степени.

Валентности легко объединяют объединение видов в группы. Пространства, промежутки времени, предметы, лица — для фольклорного представления предметны и видимы (левая и правая части), все прочие (центральная ось) предикатны, следовательно, невидимы и подвижны.

Пространства, промежутки времени, предметы, лица проявляют себя как такие, которые обладают (носители), способны обладать (потенциальные носители) соответствующим признаком сопричастности либо несоотносимы с ним (индифферентны): высшей силе, верху, верховной власти, божеству, силе плодородия, крепости здоровья, потустороннему, подземному, подводному, нечистому, лесному, звериному, силе рода, родового тотема, сакральному, непосвященному, асоциальному и др.

Так, *распустившаяся ветка вербы* — предмет, сопричастный как носитель силе плодородия, крепости, здоровья, способной быть переданной лицу. *Еще не распустившаяся* — носитель потенциальной силы. *Засохшая, не распустившаяся* вовсе — несоотносима с признаком, индифферентна. Печь в свадебном обряде (причащение невесты роду жениха: невеста колупает печь в доме свекра) выступает как предмет — носитель силы рода. В другое

коллектива, средства и формы, обеспечивающие равновесие, множественны и различны, хотя постоянны и общезначимы, освящены традицией и неизменны в способах совершения и достижения. Только через множественность общезначимых воздействий можно достичь стабильности и равновесия, ибо «бог есть много», по представлению древних, и обращение к многому умножает воздействие, усиливает его, делает его надежным.

время — как потенциальное. Дорога, холм, поле, лес в полночь, в ночь гадания или колдовства — как пространства — носители сопричастности нечистому, потустороннему, лесному. В другое время — как носители потенциальной силы либо как индифферентные. Волхвы, ведьмы, знахари, жрецы (постоянно), совершающие обряд (на время), — лица — носители силы, сопричастной верху, божеству; сил природы, рода, сакрального.

Отношения оси (активность, движение, направленность, расстояние; цель, сила, средство, сторона; предел, граница, мера, степень) в противопоставлениях категории предикатны по показателям **интенсивности** — придать/усилить/снять; **направленности** — внутрь чего-либо/от, из чего-либо; **фазы** — начальная/промежуточная/конечная.

Так, *березовая ветка, заломленная к земле*, выступает в семицком обряде как средство придать ей силу плодородия; *четверговая соль, свеча, пасхальный хлебец* — как средство усиливать в течение года жизненную силу людей, животных, придавать силу зерну, посевам; *коса, железо* — как средство снимать вероятное воздействие сил, сопричастных злу, вреду, нечистому; *дырявый горшок, башмак, лапоть, повешенные у входа в дом*, — как средство снимать силу сглаза, порчи.

Прыжки через огонь в ночь на Купала имели целью придать, усилить жизненную силу, снять вероятное действие недоброго; опаживание деревни во время мора — снять действие вредоносных сил, сил уничтожения, смерти; обряды с покойником — снять с живых сопричастности силам смерти, потустороннего, силу влияния мертвеца. Ту же цель имели очищение огнем, дымом, омовение водой и др.

Сила, заключенная в воде, огне, быстро растущем (спорыш), ранее других распускающемся, вечнозеленом (береза, ель), двойном (двойной колос, двойня), плодоносном (свинья, курица-троецыплятница⁵⁹, яблоня, многодетные родители, беременная женщина), молодом (жених, невеста, женатые первый год), наделяясь способностью передаваться, была силой придать либо усилить действие желательного и снять действие вреда.

Восток, верхнее, правое, свое имели значения стороны, способной придать либо усилить силу сопричастности добру, снять действие вреда. Запад, низ, черное, чужое, за рекой, за морем, горой, полем, левое, угол, пересечение чего-либо — наоборот, снять действие добра, своего, придать силу сопричастного чужому.

Проявления **направленности** и **фазы** можно показать на следующих примерах. Движение свадебного поезда из леса через мост по дороге к дому в плаче невесты, приход сватов, медведя из леса, умершего, нечистой силы, колдуна, смерти, врагов иллюстрируют перемещение силы, сопричастной злу, вреду, чужому.

извне внутрь, нарушение баланса своего и чужого, внешнего и внутреннего, нарушение границ, вторжение.

Изведение болезни, лихорадки, порчи, немочи, сухоты, зубной боли в заклинании, заговоре есть перемещение силы, сопричастной злу, изнутри вовне, из человека на объект: в камень, дерево, под порог, за печку, в мышь, крысу, другого человека, за море, гору, реку, лес, болото, грязи, воду и т. п.

Кумление, угощение, оборотничество, ворожба, гадание, очищение, приятие в род, изгнание, исключение из рода, вхождение в новый дом, проводы, отправление на тот свет — действия, связанные так или иначе с проявлением направленности и изменения границ — внутри чего-либо, на себя, от или из чего-либо и от себя: соединение, отождествление, введение, вхождение, воплощение, причащение и т. п.

Окружность дома в отношении к внутренности дома есть ближняя, начальная граница силы, сопричастной роду, своему, защищенному. Двор, ворота, дорога, поле, мост, река — промежуточные границы освоения. Море, лес, гора, то, что за горой, за морем, лесом, оказываются его конечными границами. Начальная, промежуточная, конечная — фазы любого проявления. Это могут быть значимые фазы обрядового цикла и фазы совершения обряда (подготовка к встрече Масленицы, Коляды — его встреча — проводы; сватовство — до свадьбы — свадьба — после свадьбы; встреча поезжан — приглашение в дом — их угощение; обряжение и проводы покойника; завивание березки, хороводы — кумление с кукушкой — развивание березки — угощение — гуляния с холостыми в семицком обряде). Это могут быть фазы проявления признака (степень роста посевов, влаги в почве, заболевания скота, распускание почек, цветения, развития болезни), фазы календарного и жизненного циклов (фазы луны, солнца; весна, лето, осень; рождение — старение) — всего того, что выступает как показатель степени развития, меры сопричастности, границ распространения и предела сил потустороннего, зла, вреда, добра, верха, сакрального, нечистого и от чего зависит необходимость, способ и сила ритуально-обрядовой реакции субъекта-коллектива.

Итак, грамматические значения категории сопричастности, по группам противопоставления, могут быть следующими: значения места, лица, предмета, времени — сопричастных чему-либо, способных к проявлению сопричастности, безразличных к ней; значения средства, цели, силы — придающих, усиливающих сопричастность, снимающих ее; значения направленности, движения, активности — как перемещение, переход себя во что-либо (соединение, отождествление), чего-либо на себя (воплощение) либо от, из чего-либо на себя (причащение); значения предела,

меры, степени — как начальных, отправных, исходных, промежуточных и завершающих, конечных, высших.

Категория императива занимает валентное место развертывающей в модели акционального класса. Действие ее составляющих — в том, чтобы сообщать движение. Это категория напряжения — силы, способной к развертыванию. Императив подготавливает категорию действия.

Основу категории императива составляет воля — волевой импульс, волево движение и волево действие. По валентностям: воля — импульс (начало, левое), структура (низ), напряжение (верх), проявления действия (правое) и само действие (центр схемы).

Проявление валентностного значения воли в отношении пространства, времени, лица, предела создает грамматические значения категории императива: 1) импульсирующие/способные вызвать импульс императива/индифферентные — место, время, предмет, лицо; 2) сильные/средние/слабые — предел, мера, степень, граница; 3) направленные в себя/от себя, изнутри/извне — движение, активность; 4) проявляющие/способные проявить/не способные проявить императив или не проявляющие — лицо, субъект; 5) желательные/нежелательные/нейтральные — цель, сила, средство, сторона.

В категории императива лицо становится агентом, наделяясь способностью к проявлению воли. По агенту оказывается возможным собственный набор грамматических значений: агент импульсирующий, способный/не способный вызвать импульс императива; агент сильный, средний, слабый в проявлении импульса; агент императива, направленного в себя/от себя, изнутри/внутри; агент проявляющий, не способный проявить, не проявляющий императива; желательный, нежелательный, нейтральный в проявлении императива.

Проявление значений категории императива близко к обрядовому акту либо другому акту, имеющему сигнальный, знаковый характер.

Жених — чужой, которого ждет, но приближения которого боится и не желает невеста, требующая в плаче завалить дорогу, выставить на мосту зверей лютых, медведей и «левов из лесу» — предстает как агент, импульсирующий сильный ответный императив другого акта, направленного от себя, от дома на чужую сторону.

Милый, которого ждет и встречи с которым ищет девица в лирической песне, — агент, импульсирующий императив другого агента, направленный к себе, внутрь, к дому, агент желательный в проявлении данного императива.

Осмеянный, отвергнутый девицей *молодец*; *старухи*, которых

гонят по домам молодцы, вышедшие на улицу; *нелюбимый муж, старый муж* предстают как агенты, не способные вызывать импульс ответного желательного императива, направленного к себе.

Сад, лес, поле, место встречи с милым в лирической песне предстает как пространство, импульсирующее либо способное вызывать импульс императива желательного, сильного, направленного к себе.

Гадание на венках (бросание в воду), игра со выюном (на правое плечо положу, на левое) имеют целью проявить императив желательный, направленный к себе от другого агента (контрагента).

Сердешный друг, надолго уехавший, бросивший, предстает как лицо, не проявляющее желательного направленного императива; умерший на чужой стороне, убитый в поле — как лицо, не способное к проявлению императива.

Цветок, венок, ветка, пучки калины — как предметы, наделяемые силой (средства), способные вызвать импульс желательного императива, направленного к агенту со стороны контрагента.

Категория действия — категория внешней динамики, категория насыщающего. Распространяясь во времени, лице, пространстве, пределе, действие наделяет их признаками, характерными себе, и, дробясь в отношениях, становится категорией в проявлении, обретает грамматические значения.

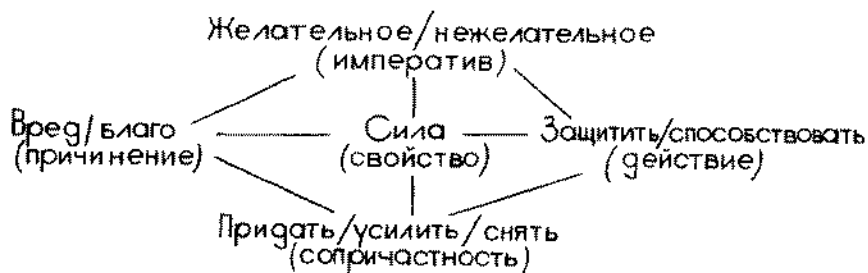
Действие как категория семантики фольклора, акционального грамматического класса, обусловленное категорией причинения, соотносящееся с категориями сопричастности и императива, управляемое категорией свойства,—это действие основы «оградить — способствовать», исходящее от агента.

Грамматические значения категории уточняют обобщенное значение: 1) пространство, время, предмет, лицо — действующие либо испускающие действие (заряженность/незаряженность действием); 2) действие в пределе, мере, степени — фазы начальная/промежуточная/завершающая; сильная/средняя/слабая; 3) действие по направленности, активности, движению — от агента/к агенту, извне/изнутри; 4) действие проявляемое/непроявляемое в лице-агенте, действие в совершении; 5) действие как свойство — по цели, силе, средству: защитить/способствовать, оградить от нежелательного/производить желаемое.

Дорога в погребальном (отправление покойника), свадебном (ожидание жениха, сватов), поминальных, святочном обрядах — пространство, заряженное действием; *ранее утро* в поминальный день, *зимняя ночь* без милого в лирической песне (подушечка потонула в слезах, одеяльце заиндевело)—время; *конь у ворот, коромысло с ведрами* — предметы; *мертвец под окном, сват в доме, муж с плетью, курочка-погребушечка, кузнец, идущая старушка* в подблюдных песнях — лица, заряженные, отмеченные

действием в его начальной, слабой фазе. Действием как свойством защитить от чего-либо, узнать что-либо или чему-либо способствовать.

Категории императива и действия связаны центрами. Центр категории императива и центр категории действия соотносятся как направляющее и направляемое, индуцирующее и индуцируемое: желательное/нежелательное проявление императива ведет к ответу защитить/способствовать, оградить/производить. Связь по центральному звену — общее свойство категорий. Соотношение категорий по валентностям в пределах класса передается соотношениями центров:

Соотношением центров определяется центр категории свойства — центральной категории акционального класса. Вбирая как составные части семантику центров, он одновременно распределяется в них — взаимообратно действуют центробежные и центростремительные силы семантического оформления.

Категория свойства описывается через свой центр как такая, которая определяет собой семантику всех прочих и одновременно определяется ими. Вред/благо составляют «левую часть» ее центра, защитить/способствовать — правую. Напряжением между левой и правой частями, их стяжением создается ось центра. Низ и верх уточняют структуру центра и динамизируют его семантику. В результате центр категории свойства оказывается представлен силой, способной к действию как противодействию и действию продуцирующему, силой подвижной и направляемой волей агента.

Категория свойства предстает как категория сущности, в ней все имеет отвлеченный вид исходного, возможности, того, что обеспечивает и создает. Силы, заложенные в действии, движении, росте, жизни, смерти, в воде, земле, огне, природных явлениях, предметах, растениях, животных, человеке; силы верха, низа, рода, крови, железа, камня — все, что представлено как знание в традиции, для категории свойства, включаясь в акцию взаимодействия человека с миром, обращается в силу, способную к дей-

ствию, силу как свойство данного защитить от вреда, способствовать благу, усилить, снять, придать желаемое либо оградить от нежелательного.

Грамматические формы, включаясь в парадигмы, объединяют не одно грамматическое значение. Форм акционального класса множество, они вариативны, не всегда определены, некоторые могут рассматриваться как общеакциональные, другие — какой-то одной акциональной группы; есть такие, которые соотносятся с одним действием — обрядовым, магическим, культовым, ритуальным. Среди парадигм и форм акционального класса могут быть выделены общие для всей традиции, общие для правой и центральной частей (классов внутреннего и акционального). Степень общности парадигмы и формы — вопрос внутреннего устройства класса, вопрос активности/пассивности его состава.

Для акционального класса характерны парадигмы причинения вреда; наделения, придания свойств (лишения); дарения, жертвоприношения, обмена; породнения (кумления, усыновления, побратимства); встречи, контакта с внешним, чужим, потусторонним; очищения; защиты, берега, ограждения, ожидания, обращения; зова; проводов, прощания, отправления, изгнания; узнавания неясного и др.

По характеру изменения грамматических форм парадигмы класса могут иметь агентный и предикатный вид. Парадигмы **агентного** вида в своих формах передают порядок и смысл взаимодействия агентов и объектов — участников действия. Парадигмы **предикатного** — структуру предикатных проявлений, порядок «воплощенного» движения действия, смену заряженных, намагниченных действием актантов (пространств, объектов) как точек проявления действия. Предикатные парадигмы, таким образом, — парадигмы направленности, интенсивности и фазы, агентные — парадигмы носителей и средств.

Парадигмы агентного вида

Парадигма породнения (кумления, побратимства, усыновления)			
Контрагент	Березка	Человек, лицо, животное	Усыновляемый
Объект-средство	Венок, ветка, деревце	Нож (сделать надрез)	Рубанка усыновляющего (пропускание сквозь одежду) нож (надрезы) и др.
Объект-носитель свойств, силы агентов, объект передачи, обмена (заместитель)	Березовый сок, жизненная сила березы	Кровь надреза	Кровь усыновляющего, грудь приемной матери (влага и жизненная сила тела)
Агент	Девушка	Второе лицо	Усыновляющий
Агент-свидетель	Подружки	Божество, духи	Другие члены рода,

			присутствующие при усыновлении
Средство закреп- ления	Пение, ритуаль- ная еда	Вода, земля, огонь, оружие (съесть зем- лю, прижечь, покла- сться на огне, ору- жии)	Ритуальные дейст- вия, завершающие обряд, ритуальная еда

Парадигма причинения вреда

Сила, агент-вредитель	Колдун, ведьма, град, засуха, буря, ветер, Мор, Болезнь, Смерть, молния, туча, гром, море, вода
Средство, орудие вреда	То, при помощи чего наносится вред: платье колдуна, передник ведьмы (насылание дождя, ветра, бури, града), полотенце (отбира- ние молока у коровы), огонь, вода, трава, корешки, ведро, шило, иглы
Объект-носитель вредящей силы, объект передачи (часть адресата), подвергаемый порче	То, что передается адресату от агента-вре- дителя, подбрасывается, насылается им как воплощение вредящей силы: корешок, тра- ва, узел, капли воды, дыхание, слюна, му- сор, пыль, ветер, подброшенный предмет, заговоренные, испорченные след, волосы, слюна, изображение адресата, часть его одежды
Агент-адресат	Тот, на кого насылается порча
Средство верности (зарок)	Заговор, предмет (или слово)—ключ, замы- кающий зарок: воткнутый, заброшенный, перекинутый, перевернутый, закопанный, заговоренный, утопленный, спрятанный, за- вязанный и т. п. (узел, нож, игла, камень, яйцо, роса, кусок ткани, змея, жаба, мышь, кошка и др.)

Парадигма защиты, оберега, ограждения (обряды профилактические и охранительные)

Сила, агент-противник	Гром, град, молния, дождь, засуха, мор, смерть
Средство, орудие защиты	Лопата, дуб (дубовое полено, ветка), яйцо, вода, огонь, трава, полотенце, крапива, коса, нож, серп, земля, хлеб, крошки, соль, свеча
Носитель защитной силы	Дыхание, веяние, жар огня, сила воды, тра- вы, земли, хлеба, обыденного полотенца и т. п.
Агент-защитник	Наделяемые свойством: старший в роде (мужчина, женщина), девственное, одинокое женское, старое, мужское, молодое, здоро- вое, плодоносящее; незамужняя, вдова, ста- руха, старик, мальчик, подростки, беремен- ная женщина (в святочных, свадебных, огра- дительных обрядах)
Агент-адресат	Кто-то один или многие: семья, дети, вся деревня, животные, всходы, поле, дом, двор
Средство верности (зарок)	Как и в парадигме причинения вреда

Парадигмы предикатного вида (по структуре отличаются от агентных)

Парадигма ожидания, обращения-зона (вызывания духов, вызывания дождя)					
Исходная, отправная фаза силы-объекта	Море (за морем)	Пространство за горой	Пространство за рекой (та сторона)	Подземный, подводный мир	Колодец, могила
Промежутки, отмеченные точки продвижения (сужение границ, приближение)	Лес, река, мостки, поле, дорога, ворота	Гора, с горы, по дороге, через лес (поле), по деревне	Из-за реки (леса), по мосту, дороге, через поле	Отверстие в земле, дерево, пещера, лес, море, гора, болото, река, дорога	Небо, туча, облако, силы дождя
Конечная точка, завершение процесса	Дом	К дому	На эту сторону	Дом	Поля, земля

Парадигма встречи, контакта с внешним, чужим, потусторонним

Отправная точка, точка агента	Внутренность дома: печь, лавка, место за столом, светелка, горница, какой-то угол; дом, двор, ворота; деревня (внутреннее пространство), окружность поселения, околица, поле, лес, река
Промежутки	Порог, двор, ворота, дорога, поле, лес, гора, холм, река, болота, ямы, грязи, мосты, вода
Рубеж, граница, отмеченное место встречи	Окно, порог, крыльцо, ворота, берег реки, дорога, лес, поляна, тропа в лесу, овраг, мост, перекресток, перепутье, поле, кладбище, погост
Промежутки	То же в обратном порядке, со стороны контрагента
Отправная точка контрагента	Та сторона, тот свет, небо, вершина, подводный мир, подземный мир, могила, лес, дерево, дом в лесу, воде, на небе, за горой, подземные поля и т. п.

В зависимости от контекста движение форм в парадигме встречи возможно от агента к рубежу, от контрагента к рубежу и их одновременное движение навстречу.

Парадигма проводов, прощания, отправления, изгнания, изведения

Отправная точка	Внутренность дома, порог, ворота, дорога, перекресток, горка; больной человек, больной зуб, орган
Промежутки рубежа, границы, степени удаления, ухода, изведения	Те же, что и в парадигме встречи
Конечная точка, точка предела	Чужая сторона, то, куда отправляют: под пещеру, под порог, в болото, грязи, реку, море, воду, колодец, на тот свет, на остров, в камень, дерево, пень

Агентный и предикатный виды могут иметь одни и те же парадигмы:

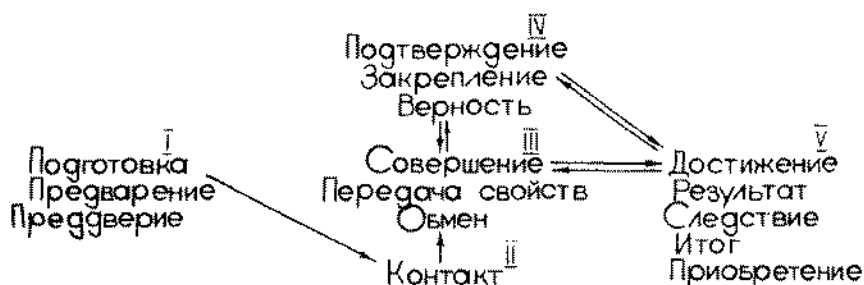
Парадигма проводов, прощания, отправления.. (агентный вид)

	Проводы в дорогу	Полет ведьмы
Объект направления	Чужая сторона, то, куда отправляются	Небо, шабаш, Лысая гора
Средства обеспечения	Конь, седло, посох, башмаки, котомка	Мать, снадобье тирличатравы, пепел купальского костра, ступа, скамья, животное (кабан, кот, конь, волк); человек, на котором летит ведьма
Средства защиты от вреда в пути	Башмак, кидаемый вслед (вода, либо другой предмет); науз, ладанка, крест на шею, благословение, пожелание доброго пути	Помело или другой предмет
Агент отправления	Путник, идущий	Ведьма
Агент поддержки (сила, залог благополучного пути и возвращения)	Мать, сестра, жена, дочь, обычно женское, близкое, свое	Оставляемый «предмет» (травы, корень под подушкой), обеспечивающий тайну, возвращение и безопасность

Парадигма узнавания неявного, тайного (агентный вид)

Сила-обладатель, агент знания (контрагент)	Умерший родитель, дух-посредник, нечистый, домовый, обвинник, банник, водяной, силы земли, воды, неба, первый встречный, вещий старик, волхв
Средство расположить, подойти, задобрить	Угощение, обещание (залог, зарок), подарок, жертва
Объект-знак (носитель знания), посредник	Кости, жребий, палочки, карты, зерно, вода, кольцо, камешки, венок, дубовая ветка, цветок, башмак (то, при помощи чего гадают и узнают скрытое)
Агент обеспечения (агент-посредник)	Вещун, гадатель, вестник, ворожея, толкователь, прорицатель, вещающий (оракул)
Агент-адресат (предикатный вид)	Тот, кому гадают, в пользу кого узнают неявное
Отправная точка (условие возможности)	Совпадение необходимых места, времени, агентов и условий действия: полночь, полнолуние, сочельник, стечение звезд, дом, дорога, только девушки и пр.
Промежутки (дополнительные условия)	Отмеченные точки хода, требующие соответствующих реакций со стороны заинтересованных агентов: недостаточная сила гадателя в какой-то момент, неудовлетворенность жертвой со стороны агента-обладателя, неподготовленность адресата, какие-то другие трудности
Результат (искомое)	Получаемое знание, узнавание скрытого

Парадигмы акционального класса, отражая в грамматических формах формы проявления силы, формы последовательного продвижения, перемещения свойства, признака от лица к лицу, с объекта на объект, в структурном отношении едины. Основу их структурного единства составляет последовательность пяти тактов, организованных валентно:

Каждая парадигма в своих формах, во внутреннем своем устройстве, проявляет значения пяти тактов действия: исходная точка, предварение (противник, контрагент, начало), контакт (средство достижения, рубеж), совершение (объект — носитель силы, место встречи), подтверждение (свидетель, посредник, защитник, заместитель), приобретение (адресат, точка предела, завершение).

По смыслу проявляемых форм, по отношению к цели достижения каждая может быть определена как парадигма подготовки: парадигма ожидания, обращения-зова, вызывания духов, дождя; парадигма контакта: парадигма встречи, контакта с внешним, чужим, потусторонним; парадигма совершения; парадигмы надления свойствами, дарения, жертвоприношения, обмена; причинения вреда; узнавания неявного; парадигма подтверждения: парадигмы защиты, оберега, ограждения; проводов, прощания, отправления, изгнания, изведения; парадигма достижения (приобретения): парадигмы породнения и очищения.

В зависимости от обряда, обрядового цикла, места в обряде, места в цикле, т. е. в зависимости от проявления, каждая может оказаться парадигмой подготовки, контакта, совершения, подтверждения, достижения. Так, парадигма 'река — (лес) — поле — дом'* , передающая смысл встречи/прощания приходящего/отправляющегося с той стороны (того света) на эту сторону/с этой стороны на ту в свадебном обряде (ожидание жениха), предстает как парадигма подготовки; в обряде встречи поезда, приехавшего

* Парадигма встречи, обозначена по формам проявления движения-перехода.

за невестой, — как парадигма контакта; при отъезде к венцу — как парадигма совершения; при прощании невесты с родительским домом — как парадигма подтверждения; и наконец, при встрече от венца, на заключительном этапе — как парадигма достижения, результата.

Подобным образом, в зависимости от этапа, интерпретируется та же парадигма в обрядах погребальном, святочном, масленичном, поминальных. Подобным образом могут быть интерпретированы другие парадигмы.

В своих грамматических формах парадигма реализует грамматические значения одних категорий, обладая значениями других потенциально. Так, в свадебном обряде рассмотренная парадигма 'река — (лес) — поле — дом' (ожидание жениха, прихода сватов) реализует значения пространств направленного продвижения силы; пространств, заряженных вредоносным действием и импульсирующих проявление воли к действию защиты (категории причинения, действия и императива); значения движения в пространственных пределах — из-за реки, леса, поля — к дому (категория сопричастности в противопоставлениях носитель/потенциальное/индифферентное — пространство; начало/промежутки/завершение — предел; переход внутрь/извне — направленность, действие).

Категория свойства наделяет члены парадигмы способностью к намагничиванию силой: потенциально вредоносной (река, лес, поле); оградительной (дом).

Грамматические значения той же парадигмы в другом месте обряда (прощание невесты с родительским домом) становятся иными. Это значения пространств направленного продвижения агента от себя вовне (от дома на чужую сторону), продвижения нежелательного, вынужденного, предполагающего желательным со стороны агентов поддержки (родных, дома) действие препятствия движению, причинения вреда контрагенту (жениху, его стороне) и, как следствие, — стремление агента к возвращению: немедленному либо через время (прилет кукушки в матушкин сад), стремление связи с домом (весточка), ожидание посещений (приезд брата, матери, отца к молодой с целью забрать ее на родную сторону).

В святочном, погребальном, поминальных обрядах парадигма река — лес — поле — дом' и обратная ей 'дом — поле — лес — река' наделяются другими грамматическими значениями. Общими остаются значения категории свойства: промежутки силы, вредоносной/оградительной, способной к проявлению в действии, движении, — силы, импульсирующей волевой ответ.

Парадигма в обряде, тексте не обязательно проявляется во всей совокупности — иногда несколькими, иногда одной формой:

текст и обрядовое действие синтагматичны. Формы, включая значения всех категорий класса, реализуют только их часть, в то время как другая часть присутствует пассивно и потенциально. Актуальность значения зависит от места, функции, синтагматического окружения формы.

Акциональный класс, наряду с обрядовыми, включает необрядовые смыслы. Приметы, поверья, гадания, заговоры, былички, легенды, сказки, лирические песни, толкования снов, загадки в своей семантике связаны с реализациями акционального класса: его категорий, грамматических значений, парадигм, форм. Отличие обрядового от необрядового — синтагматическое. Дифференцированный и в жанровом отношении определенный смысл появляется как функциональная проекция грамматической формы смысла, как ее синтаксическое значение.

Смысл, таким образом, необходимо выводить из совмещения парадигматического и синтагматического. Парадигма может быть утраченной, ее восстановление затруднительно, передаваемый ею смысл без опоры на употребление теряет перспективу четырех ступеней и становится неясным. Неопределенность поддерживается подвижностью вербального — способностью слова быть носителем одновременно многих форм, проявляться во многих парадигмах.

В поисках формы смысла — члена парадигмы нельзя останавливаться на слове, поскольку слово лишь средство обнаружить форму, ее носитель. Полное описание смысла, включая парадигматическое и синтагматическое, предполагает выведение парадигмы и обращение к категориям класса через характеристику грамматических значений формы. Класс традиционных смыслов тем самым становится классом средств последовательного парадигматического описания смысла.

Класс внутреннего

Третий грамматический класс модели характеризуется категориями включения в род (в противопоставлениях тот/этот, чужой/свой, дальний/ближний); устройства (верхнее/среднее/нижнее, левое/правое; мужское/женское; социальные и возрастные классы); жизненного цикла (рождение/жизнь/смерть, смерть/возрождение, живое/мертвое, умершие/живые, старое/молодое); приобщения к роду, предкам (посвященное/непосвященное, сакральное/профанное/неопределенное) и центральной категории — род, «я» коллектива.

Класс внутреннего обнаруживает сходство с классом внешнего. Он также субстантен. Его категории по характеру заключенных противопоставлений сходны с категориями класса внешнего:

тот/этот; ближний/дальний, свой/чужой категории включения и аналогичные противопоставления в категориях объективной данности и освоения. Соотносимы категории устройства, отмеченности и приобщения первого и второго классов.

Вместе с тем есть общее в устройстве у класса внутреннего с акциональным классом. Категория жизненного цикла проявляет тенденцию к предикатности, движению: начало — развитие (продолжение)—конец//рождение — жизнь — смерть — возрождение. Категория рода, центральная категория класса, во многом сходна с категорией свойства, центральной категорией акционального класса: коллектив, «я» коллектива выступает как носитель силы рода, родовой силы — свойства. И так же, как категория свойства, категория рода определяется из частей ее центростремительного окружения: категорий включения, жизненного цикла, социального устройства, приобщения.

В характере устройства класса отражены представления рода о себе, своем месте в мире, связи с ним. Связь рода с миром **контагиозна** через акциональное (отсюда общность с акциональным классом) и **симулятивна** — через подобие внутреннего внешнему: отсюда подобие устройств грамматических классов внешнего и внутреннего.

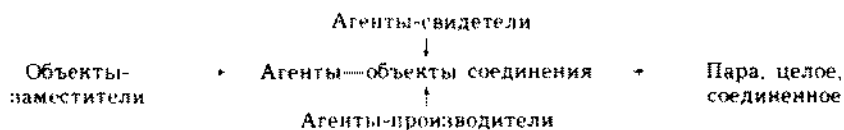
Грамматические формы, грамматические значения и парадигмы категорий класса собственные, поскольку сходство по устройству — сходство лишь структурное, не предполагающее сходств в развитии значений и насыщении форм. Для класса характерны следующие парадигмы, проявляющие грамматические значения соответствующих категорий.

Парадигма соединения

Агенты- объекты соединения	Вступающие в брак	Мирящиеся, братающиеся	Племена, роды, кланы, вступающие в союз
Объекты-заместители (знаки, средства, символы)	Волокна повозбачных, кольца, руки, губы, хлеба, узлы на полотенцах, свечи	Мизинцы, кисти рук, губы, пальцы агентов, приходящие в соприкосновение	Символы соединения
Агенты-производители	Родители, организаторы обряда	Сами мирящиеся, братающиеся	Вожди, старейшины, представители рода
Агенты-свидетели	Участники обряда	Свидетели замещения, братания	Члены рода, племени, присутствующие на церемонии

Грамматические значения категории включения чужое → свое, отдельное → совместное, самостоятельное → общее, два → одно

проходят в парадигме три круга форм, параллельных и усиливающих действие соединения: объекты-заместители → агенты-производители и свидетели → агенты-объекты. Смысл (соединение двух в одно), проходя по формам, становится усиленным:

Парадигма обретения пары

Агент поиска, выбора	Царевич, молодец	Жених-месяц, небесный пастух	Девушка	Царевна-лягушка
Агенты-претенденты (объекты выбора)	Дочь ведьмы, ведьма, мачехина дочка и падчерица; сорок дочерей подводного царя и младшая дочь; старшие дочери и младшая	Звезды, овцы	Парни, молодцы, два, несколько, другие мужики	Старшие братья Ивана
Агент подмены, «неудачной пары»	Дочь ведьмы, ведьма, любая, кроме младшей, дочь	—	Муж-неровня: старый, недоросток, малый, худой, богатый, царь, отец, брат	—
Агент единственной возможной, «подходящей пары»	Младшая дочь, падчерица	Утренняя звездочка, белая, золотая овечка, единственная, одна из многих	Милый, Ванечка, единственный, ровня	Иван

Парадигма смены состояний, форм, социальной роли

(парадигма «обращения» в состояние)

Исходная форма	Девушка	Женщина — мать детей	Дитя родителей	Человек (мужчина, женщина)
Промежуточные, переходные,	«Обещанная», сговоренная, запорученная невеста, в день перед венцом, к венцу, под венцом, от венца,	Жена больного, умирающего, ушедшего, пропавшего без вести, раненного на чужбине, убитого, мертвого		Подготавливающие и переходные стадии и формы оборотничества
подготавливающие	вошедшая в дом мужа.			

и обеспечивающие	в свадебный вечер, в свадебную ночь,				
формы	наутро				
Форма достижения	Жена, хозяйка, мать детей	Вдова	Круглый сирота	Болк, пес, вепрь, кошка, вурдалак	

Категория социального устройства

Парадигма вертикального устройства: верх — середина — низ — изгой
 Парадигма горизонтального устройства

Центр	Мужчины	Парни	Молодежь (подростки)	Девушка (подружки)	Молодушка
Ближнее	Женщины	Девушки	Родители	Парни	Муж
Дальнее	Дети	Замужние, женатые	Деды	Родители	Свекор, свекровь
На периферии	Старики	Старухи, старики	Все остальные	Все остальные	Мужнина родня
За пределами	Мертвые	Дети	—	—	—

Парадигма вступления в контакт с незнакомым (сохранилась в элементах свадебного обряда: приезд жениха в дом невесты, встреча жениха, поезджан, свадебного поезда — чинение препятствий, требование выкупа). В свадебном обряде функционирует наряду с другими, в частности, в семантике самих действий (чинение препятствий, требование выкупа) может рассматриваться как одна из нескольких, реализуемых в действе. Встречается в лирических песнях: знакомство девушки с парнем на вечерках (редукция обрядов ухаживания), знакомство девицы с красавцем-женихом в быличках, балладах, сказках (жених-мертвец, умерший колдун, вампир), встреча в лесу (ночевала под кусточком, под малиновым листочком, встретила молодца) и др.:

Знаки благорасположения со стороны агента	Поклоны, формулы приветствия
Знаки недоверия контрагента (до трех раз)	Формулы и знаки неприязни, нежелания контакта
Знаки уверения со стороны агента	Соответствующие формулы и знаки
Оградительные средства (от сил чужого)	Зерно, вода, крест; тулуп, вывороченный мехом наружу, и пр.
Очистительные средства, направ-	Пьет предложенную воду (вод-

ленные на агента; агент должен принять их, проявив тем самым благорасположение к контрагенту

ку, вино), остатки льет на землю, принимает предложенное угощение, целует крест и т. п.

Нарушение парадигмы вступления в контакт, правильности ее структуры, порядка следования грамматических форм могут быть значимыми в обряде: жених с поезжанами врывается в дом к невесте силой, ломает дверь, разбивает столы, лавки, посуду, пренебрегая требованиями постепенного входа-включения в сферу, границы чужого. Обрядовый смысл подобных действий может быть далек от «вступления в контакт» (см. предохранительный, апотропейский смысл у Кагарова⁶⁰), однако это вопрос о значении и функций парадигмы, не о ней самой.

В качестве себе обратной, таким образом, парадигма вступления в контакт может иметь парадигму похищения, насилия, нарушения контакта. Ср.: Иван-царевич, падчерица, дети, девочка в лесу перед избушкой яги и баба-яга, волк, медведь перед домом в деревне; солдат, сын, муж, вернувшийся к вдове, сват, милый, колядники, добрый гость и старый муж, муж-пьяница, свекор, жених-похититель, насильник, разбойник, требующий «свое».

Парадигма лишения и приобретения в движении форм представляет смену утрат и приобретений: приобретает достойный, научившийся отказываться и терять (испытания жениха, молодца, девицы, младшего сына, царевича в подземном, подводном и верхнем мире, в лесу, неведомом царстве, у мачехи). имеющий — всё теряет (после сладкой жизни у матушки на родной стороне — горькая жизнь в доме свекра с нелюбимым мужем, мотивы сиротства, вдовства в лирических песнях, плачах).

Для категории социального устройства характерны также парадигма воздаяния, возмещения, мести, равным за равное, добром за добро, злом за зло, дар/обмен; парадигма отчуждения, ухода, изгнания; обладания благом; хорошего выбора; семейного и социального благополучия; недоли, действия и формы которых проявляют себя в семейно-бытовых, лирических, игровых, хоро-водных, шуточных, подблюдных песнях, в бытовых сказках.

Категория жизненного цикла

Парадигма роста и созревания (свадебные и лирические песни)

Молодое, незрелое	Девушка недо- зрелая (рано замуж брать)	Паренек зеле- ный, безусый	Яблочко недозрелое	Зелен виноград	Зелена калина, це кипарисное ягода	Тонкое дерев-
-------------------	--	-------------------------------------	-----------------------	-------------------	---	---------------

Созре- вающаящее	Еще год подо- ждать	Вот-вот в пору войдет	Ельничек молодой, зеленый, груздок, горностаи, заяц, дождик	Не поспел — ли виноград, не пора ли его рвать?	—	Молодой дубок
Созрев- шее	В самой поре (сватов засы- лать)	Моло- дец в самый раз — кудри вьются, женить- ся велят	Яблочко зре- лое, сокол, орел, селезень	Князь — верба кудре- ватая, воро- бей	Земля- ничка, ягода спелая, капуст- ка белая	Крепкое де- рево, креп- кий дуб, кря- жистый
Пере- зревшее, старое	Сваты сторо- ной объез- жают, парни не смот- рят	Старый стал, девицы не по- смотрят	Отцаёвший цветик	Замёрзший сад, облетев- ший сад; изюм, побир- тый морозом	Засох- шее дес- рево, рябина, яблоня	Сухой дуб, старый, суко- ватый, отро- стве нет

Парадигма заката и умирения

Молодое, крепкое (сизое)	Лето	День	Утро ясное, ночь светлая	Селезень сиз- касатенький, изюм-вино- град	Молодушка- утушка
Сивое, доброе, богатое	Осень	Вечер	Закатное солнышко	Хозяин-бобр, гоголь, месяц, соболь,	Хозяюшка- солнышко, туча звездочка, ку- на, ласка, ластовица
Белое, достойное	Зима	Ночь	—	Стар-старичок	Старушка, бабушка
Черное, страшное	Морозы лютые	Тьма, лунная ночь	Ночка темная немесячная	—	—

Парадигмы неумирания (поиска и обретения бессмертия), омоложения, возрождения (воскрешения) характерны для сказок о молодильных яблоках, живой и мертвой воде, стеклянном острове, чудесных ягодах, плодах, волшебном царстве.

Категория приобщения роду, предкам

Для нее характерны парадигмы наречения имени*; посвяще-

* В русской традиции сохраняет только отдельные формы в сказках: Иван Быкович, Покати-горошек, Змей Горыныч, Буря-богатырь, Святогор, Лихо Одноглазое, Морозко, Одноглазка, Трехглазка, Несмеяна; возможно, в обрядах — Купала, Май, Русалка, Овсень, Коляда, Кукушка, Масленица, Коровья смерть: наречение тучела, куклы, маски, черепа на шесте, человека именем, придание, передача им свойств носителя, отождествление с ним, воплощение нареченного духа в носителе.

ния, принятия в род, социальную группу, тотем; родовой сакрализации.

Парадигма посвящения, принятия в род, семью, социальную группу, новый статус (предикатный вид)

Исходное, значальное	изна- условие	Невеста — роду хорошего	Молодец — достойный жених	Молодец- жених	Невеста- девица
Испытание, проверка достоинств (формы и стадии проверки)	про- Присмотреть	Присмотреть невесту, знакомство, смотрины, осмотр приданого, проверка в работе	Три задачи, три загадки, три испытания	Ритуальные действия посвящения, перехода:	остригание, заплетение косы, равнение косы, таскание за волосы
Проявление значков достоинства (поэтапное подтверждение)	зна- Запорученье, сговор, обмен кольцами, объявление невестой	Выдерживает испытание	«посад» в свадебном обряде	поджигание волос свечой, сажание на шкуру —	
Завершение (принятие в род либо отказ)	Свадьба, отвод, отказ	Свадьба, отказ, похищение, погоня			

Парадигма родовой сакрализации представляет собой постепенный в традиции переход умершего родителя в предка, деда, защитника рода. Сохраняет формы в обрядах погребальном, поминальных, святочном (встреча гостей, угощение, проводы), в сказках о куколке-помощнице, яблоньке, печке-защитнице, сивке-бурке.

Категория рода, «я» коллектива

Для нее характерны парадигмы принадлежности роду; благополучного рождения (в роде, достойной семье); хорошего воспитания (невеста вскормленная, взлеянная; жених — любимое дитяtko); родовой поддержки и др.

Структурная особенность парадигм категории рода — в их круговом устройстве (категория занимает центральное положение в модели класса). Отсюда особенности морфологического значения форм. Так, парадигма принадлежности роду в грамматических значениях раскрывает смысл «агент—носитель свойств рода, родовой силы» по левому звену: «данный агент — агент включения в род, свой в роде, близкий роду»; по нижнему: «он — неотъемлемая часть рода, его ветвь, его плод»; по верхнему: «он — зрелое, молодое, его опора, надежда либо старое рода, его достоинство, часть его жизни, частица его движения»; по правому: «он —

принятый родом и поддерживаемый родом, обладатель достоинств рода, защищаемый родом, его силой, предками, тотемом».

Значения парадигмы принадлежности роду могут проявляться в свадебном, погребальном обрядах, в сказках, приметах, лирических песнях семейно-бытового цикла, подблюдных песнях: знакомство, включение в род, испытание, прощание с уходящим, умершим, соединение новобрачных, жизнь на чужбине, чужой стороне, в чужом доме — при всяком столкновении одного с другим, своего и чужого, внутреннего и внешнего, выходе за пределы.

Парадигма родовой поддержки (защиты) в своем строении сходна с парадигмой принадлежности роду. Это хорошо ощущается в плачах: плач невесты-сироты, плач по матери, плач вдовы по мужу; в обращении к вдове на свадьбе (много ветвей, много навигей, много гусей-лебедей, только нет вершиночки, маковочки, селезня — много роду-племени, только нет мужа любимого):

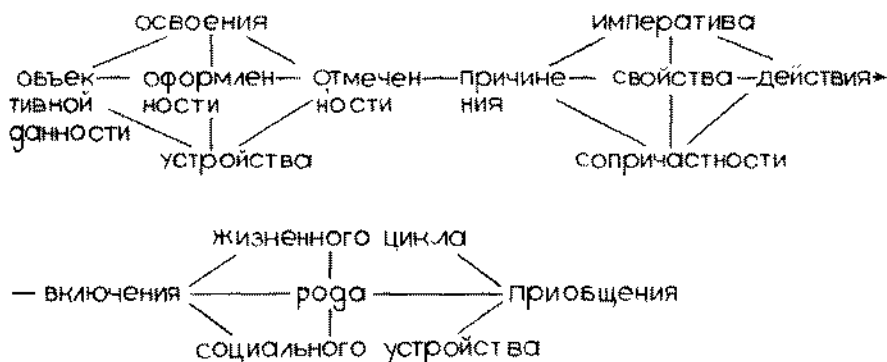
Центр	Невеста	Сирота	Вдова	Жена
Верх	Отец	—	—	Муж
Низ	Мать	—	Род-племя	Род
Правое	Братец	—	Дети	Дети
Левое	Сестрица	—	—	—

Смысл и структуру грамматического класса внутреннего, как следует из обзора по категориям, составляют парадигмы и формы родовых обрядов: инициальных, ухаживания, трудовых, военных, охотничьих, в русской традиции не сохранившихся, а также устойчивые единицы языка непрямого называния, «позиции милюетности и типовых состояний», сохраняющиеся в лирической песне. Некоторые парадигмы класса могут показаться общими у него с другими, меняющимися только в формах грамматического проявления. Так, парадигмы контакта с незнакомым, породнения, встречи, прощания, ожидания-зова могут быть парадигмами как акционального класса, так и класса внутреннего. Парадигмы вертикального и горизонтального устройств повторяют соответствующие структуры формоизменений внешнего класса.

Однако это только структурная общность и, следовательно, только структурное совпадение. Грамматические значения и формы структурно совпадающих парадигм по классам различны, определяясь семантикой категорий класса. Если парадигмы класса внешнего отражают в своих грамматических формах представления о формах и взаимодействии форм устройства модели внешнего, парадигмы акционального класса — формы значимого взаимодействия с миром, то парадигмы класса внутреннего передают формы взаимодействия и устройства самого коллектива, субъекта-рода.

Парадигматическая модель традиции

Трехчастная модель традиции в грамматических классах внешнего, акционального и внутреннего может быть представлена в соотношении категорий

Категории в своих грамматических значениях передают валентные проявления смысла. Традиция предстает как система грамматических классов, категорий, значений, парадигм и форм основной грамматической единицы — фольклорно-традиционного смысла, носителя номинативного и грамматического значений. Смысл парадигматически ориентирован в традиции и через валентностные соотношения определяется всей системой.

Значимость каждой валентной точки в системе относительна и подвижна. Движение схемы вниз, вверх, вправо, влево приводит к изменению соотношений. По отношению к одному данное имеет один смысл, по отношению к другому и в другом ряду — иной, но обусловленный его местоположением. Модель, таким образом, целостна и обратима и может рассматриваться под любым углом и в любых соотношениях.

Парадигматическая модель традиции и модели ее производных отражают схему четырехчастного устройства мира с центром (4+1): три по вертикали (верх — середина — низ, верхний — средний — нижний мир); три по горизонтали (левое — центр — правое, запад — центр — восток, север — центр — юг); два плюс один (вне/внутри — граница, свое/чужое — нейтральное, этот мир/тот — промежуточный, средний).

В качестве структурно-грамматических составляющих в ней отражены также фольклорные представления о времени, пространстве, жизни, смерти, обрядовые и культовые структуры, содержащие противопоставления на два, три, два плюс один, четыре, четыре плюс один. Противопоставляемое небезразлично в

отношении друг друга, безразлично к местоположению: вместе всё как бы замыкается в кольцо, в круг с центром посередине, распределяясь от центра в стороны неперменной значимости — зоны валентности. Их может быть две, четыре, шесть или восемь.

Регулярность и значимость в фольклоре чисел два, три, четыре, семь, девять парадигматичны⁶¹, следовательно, не простой повторяемостью, а по устройству: палиндромом и числом валентных зон парадигматической модели.

Мировое дерево, гора, столб, камень, холм, курган, бубен шамана, круг мандала, знак засеянного поля, збручский идол, тантристская янтра, роза ветров — все известные модели мира и модели человека в своем устройстве обнаруживают черты подобия. Эти черты структурны и передаваемы числом: два, три, четыре, шесть, восемь; двоичные, троичные, четверичные, восьмеричные классификации мира, китайские матрицы и гексаграммы, шахматы, карты как динамические модели мира. Числом и местом, т. е. **зонами валентности**: левая, правая, передняя, задняя, верхняя, нижняя и центр.

Модель передает не только внешнее, но и внутреннее парадигматики. В ней отражен характерный для фольклора способ представления смысла: его относительность, трансформативность, соотносённость с левым и правым, нижним и верхним рядами, кольцевая замкнутость и круговая «защищенность»*.

Относительность смысла объясняется подвижностью модели, через возможность левого для левого (левое становится правым), верхнего для верхнего (верхнее — нижним), нижнего для нижнего (нижнее — верхним). Трансформативность — через валентность. Так, в свадебном обряде традиционные замесы: жених и невеста — сокол и лебедушка, селезень и утица, голубь со голубкою, ягоды, наливные яблочки; жених — месяц, солнышко, винная ягодка; невеста — зорька, звездочка, земляничка, ягодка; поезжане — стадо гусей, охотнички — можно объяснить как соответствия, как **формы смысла** в силу единой валентности, т. е. по месту в схеме.

Таким образом, валентные места — это общие направления в структуре смысла, парадигмы, модели, в устройстве грамматических классов, категорий, значений, форм. Грамматическое оформление имеет общую закономерность.

Обобщенный, независимый от проявлений вид модели предполагает обобщенные значения мест. Однако это не пространственные определители — левое, низ, верх, правое, центр. Обобщен-

* Смысл проявляется как смысл в парадигматическом ряду, в соотносённости с другими⁶². Соотносённость, следовательно, как и регулярность чисел, парадигматична не повторяемостью и употреблением, не ассоциативным рядом⁶³, а по устройству, по месту в парадигматической модели.

ными значениями становятся значения четырех ступеней грамматического оформления: 1) левое — **вход**, начало, задающий компонент, очерчивающий общий контур, **тему**; 2) низ — **строение**, несущий компонент, определяющий **структуру**, каркас значения; 3) верх — **развертывание**, компонент, определяющий **развитие** смысла; 4) правое — **выход**, насыщение, конечный вид, синтаксическая **форма** смысла. Центром представлено определяемое: сам смысл как ядро.

Ступени оформляют и распространяют смысл, делают его доступным восприятию, проявляют стремление центра к связям, к выходу. Служат тем самым формообразованию смысла и проявлению его валентных свойств.

Модель, как и смысл, может иметь **начальный** (задающий), **стрессовой** (несущий), **развертывающий** и **насыщающий вид** — четыре ступени актуализации и четыре степени конкретности: обобщенный вид — контур или тема (1); вид, определенный в составляющих, структурный (2); вид развернутый, проявленный в динамике и связях (3); вид оформленный, определенный (4).

Равным образом значения валентных мест и семантическая определенность грамматической парадигмы, категории, значения, формы — каждое в зависимости от своей природы имеет четыре степени подробности и может быть определено как данность первой, второй и т. д. ступеней.

Грамматическое определение приходит в соответствие с сущностью определяемого. В модели грамматически воплощено свойство «субъекта» фольклора отождествлять: объясняемое и объяснение, мироздание и представление о нем, сущее и его знание. В структуре замкнутого кольца сменяемых валентных тождеств находят отражение представления об устройстве мира: оси Вселенной и стороны света, верх, низ, середина и кратная регулярность годового цикла, тот и этот свет, свое и чужое, внешнее и внутреннее; представления о тройственном отношении к миру через понятийное, акциональное и социально-психологическое (знание о мире, воздействие на него и знание о себе как социальном организме).

Примером воплощения в неразложимом единстве структурного и семантического служат все известные модели мира: мировое дерево, бубен шамана, тибетский круг мандала, тантристский символ Вселенной — янтра. Идея замкнутого круга и отождествлений, составляя основу ранних представлений, воплощается наглядно в моделях внутренних валентных соответствий. При этом символ — подобие Вселенной, ее идеи — становится самой идеей. Передавая значение силы, модель сама обретает силу. Призванное объяснить становится объяснением самого себя. Интерпретирующему приписывается значение определяющего. В

этом, как представляется, и состоит смысл грамматизации модели с точки зрения отождествляющего Субъекта. Модель, смысл которой состоял первоначально в объяснении мира, начинает определять его движение, задает и формирует грамматику движения.

Пространства (валентные места) модели способны отражать не только структурно-статические значения, но и динамику бытия, его морфологию и синтаксис, проявление форм и связей.

Примером модели, передающей динамику бытия, может служить Ицзин⁶⁴. Расположение черт ян и инь, света и тьмы, в гексаграмме передает внутреннюю динамику ситуации, развитие, приводящее к переходу; последовательность гексаграмм — движения и переходы между ситуациями. Движение внутри приводит к выходу, каждая ситуация, отталкиваясь от предыдущей, приводит к последующей, динамика ряда 64 гексаграмм отражает жизнь в ее непрерывно идущих переменных — «динамику бытия»:

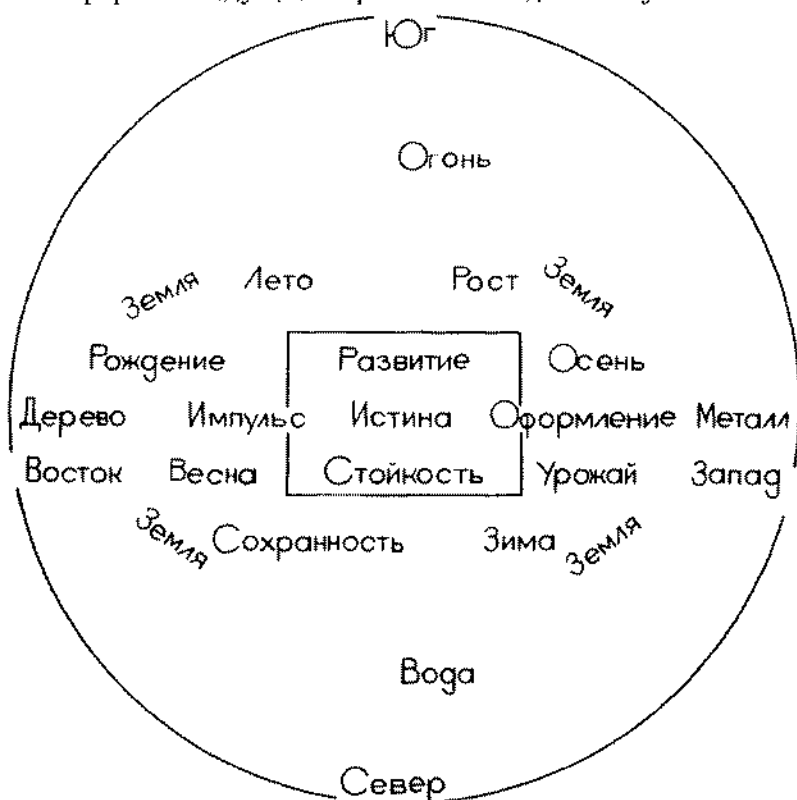

Схема мироздания по Кумадава Банзан⁶⁶

Творческий акт (истина) осуществляется в четырех последовательностях: 1) импульс, 2) проникание (развитие), 3) оформление (определение), 4) стойкость сотворенного⁶⁵.

Ю. К. Щуцкий определяет основной текст «книги перемен» как первоначально гадательный, а впоследствии и философский, сложившийся из материалов земледельческого фольклора между VIII и VII вв. до н. э. Четыре ступени и пять первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл, вода), четыре времени года, четыре стороны света и рождение, рост, урожай, сохранность оказываются в единой схеме.

Структурное и грамматическое сходство известных моделей мира, схемы мироздания в Ицзин и парадигматической модели русского фольклора представляется следствием глубокой мировоззренческой универсалии. Вариации и типологические несоответствия естественны, но отождествляемость, переходность, контрастность, трех- и четырехкратность, замкнутость, окольцованность, последовательность ступеней семантического оформления — черты всеобщие.

Особенность предложенной модели — в ее грамматической ориентации в сторону определения традиционно-фольклорного смысла. Это не модель мира в обычном понимании, не схема и не символ его устройства, а принятая за грамматическую основу обобщенная валентностная модель фольклорной парадигматики. Она обладает свойством единой интерпретации самой себя в своих составляющих, включает номинативное и грамматическое, общее и конкретное, виртуальное и актуальное, парадигматику и синтагматику, морфологию и синтаксис.

СИНТАКСИС СЕМАНТИКИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Если морфология для жанров фольклорной традиции едина, то синтаксис их будет различным, поскольку синтаксис — прежде всего сфера проявления текста. Тексты, повествовательный и песенно-фольклорный, будучи равными по отношению к общей морфологии **высказываниями**, составленными из грамматических форм — членов соответствующих парадигм и носителей соответствующих грамматических значений, — **структурно**, т. е. как **предложения** семантического языка фольклора, различны. Они различно устроены и воплощают разные **структурные схемы** (образцы, модели построения предложений) и разные **семантические структуры** (семантические модели построения).

Представляя собой различные в структурном отношении высказывания, тексты повествовательный и песенно-поэтический (лирический и обрядовый) с синтаксической точки зрения, в синтаксисе семантики, должны рассматриваться отдельно.

Единицы синтаксиса, как известно, обладают парадигматикой и синтагматикой. Парадигматику их составляют свойства, передающие отношения языковой системы, **отношения устройства**. Синтагматику — отношения **взаимодействия** единиц и компонентов в пределах больших единиц и компонентов.

Если в области синтаксической парадигматики, т. е. в области устройства, между текстами повествовательным и песенным по ряду оснований можно обнаружить сходство (единство принципов строения структурной схемы, общность устройства синтаксической формы, единство синтаксических значений), то в синтагматике жанровые типы текстов окончательно расходятся, утрачивая черты какого-либо сходства, представляя единицы выражения принципиально разные. В синтаксисе, как и в морфологии, действует тот же механизм ступенчатого, поэтапного сужения: чем ближе к выражению, чем подробнее, тем разительнее несходство, тем отчетливее собственное и характерное; чем дальше и отвлеченнее, тем больше общего и сходного.

Синтаксическая парадигматика

Синтаксические единицы в языке — слово (форма слова), словосочетание, простое и сложное предложение. Они формируют сообщение либо участвуют в его формировании как компоненты. Язык семантики фольклора в качестве синтаксических единиц предполагает традиционный смысл (форму смысла) и смысловые единицы, номинативные и предикативные, соотносимые со словосочетанием и предложением, — фольклорный текст и единицы текста.

В лингвистике текста текст рассматривается как единица, обладающая собственными грамматическими и, следовательно, синтаксическими свойствами⁶⁷. Поэтому возможен синтаксис текста⁶⁸. В языке традиционных смыслов текст предстает как традиционно-смысловое предикатное образование, компоненты и предикатная основа которого принадлежат синтаксису традиции и синтаксису фольклорной семантики.

В область синтаксической парадигматики должны входить также явления жанра и жанрового цикла, поскольку и структура текста, и его парадигматический тип (способ семантической организации) зависят от жанра и места в общем построении — обряде, гадании, заговоре.

Парадигматические отношения синтаксиса, понимаемые как отношения языковой системы и как соотношения форм (парадигмы единиц — словосочетания, предложения), для языка традиционных смыслов оборачиваются соотношениями единиц и форм, сопоставляемых по общему грамматическому основанию, единиц и форм, специфических для синтаксиса семантики традиции. Такой единицей должна быть в первую очередь центральная синтаксическая единица — носитель предикативности, а грамматическим основанием — отношения и формы центральной синтаксической категории и центральных грамматических значений синтаксиса.

Центральной единицей синтаксиса является простое предложение, а формирующие его предикативность объективно-модальные значения времени и пространства — центральными грамматическими значениями синтаксиса.

В. Тэрнер, уподобляя ритуальные символы частям речи, выделял **высказывания**, построенные их соединением. Близкими к высказываниям, неразвернутым предикативным ситуациям, предстают в своей организации смыслы в семантическом языке⁶⁹. Язык мифа у Леви-Строса, сюжет волшебной сказки у Проппа, обряд в понимании Толстого, поэтика повествовательного у Мелетинского, Неклюдова, Греймаса, Бремона, Тодорова предполагают

выделение единиц, организованных предикатом, единиц, похожих на высказывание.

Смыслы, следовательно, едва ли не прежде всего синтаксические образования. Вопрос в том, возможны ли в семантике, тем самым в языке традиционных смыслов, единицы, соотносимые не только с высказыванием, но и с предложением.

Если для единицы окажутся возможными система синтаксических форм (синтаксическая парадигма), грамматические значения предикативности и объективной модальности, структурная схема и семантическая структура, оформляемая коммуникативная интенция и регулярные реализации, такая единица должна быть признана соотносимой с предложением и тем самым центральной семантической единицей соответствующего построения.

В языке традиционных смыслов такая единица есть. Она может соответствовать фрагменту текста, обрядового действия, танца и тексту в целом. Для синтаксиса фольклорной семантики снимается привычное противопоставление текста и предложения. Одна и та же смысловая предикативная основа может быть развернута и в текст, и в незначительный фрагмент текста, и в отдельное предложение⁷⁰.

Фольклор функционирует в смысловых формах, синтаксически безразличных к объему. Это отвлеченные образцы, структурные схемы, лексические заполненные лишь частично, повторяющиеся от текста к тексту, от жанра к жанру. Текст, его смысловую основу, условную, недифференцированную в жанровом отношении и объеме, можно принять за такую центральную синтаксическую единицу фольклорной семантики. Данной синтаксической единице свойственна парадигма форм (парадигма текстов), она обладает грамматическими значениями предикативности и модальности, имеет собственную семантическую структуру.

Предикативность — синтаксическая категория модально-временной соотносительности высказывания с действительностью, отраженная в формах и связях предикативного центра, — в синтаксисе фольклорной семантики предстает как категория связи текста с традицией. Если значения времени и наклонения — это противопоставления «временной определенности — временной неопределенности»⁷¹, то центральные синтаксические значения традиции обращаются в противопоставление «интенциональная определенность — интенциональная неопределенность».

Частные модальные и интенциональные значения раскрываются в парадигмах текстов. Тексты с внутренней интенцией воздействия, направленного от агента вовне, могут быть заклинательными (прямое воздействие) либо гадательными (опосредованное воздействие). Тексты с интенцией воздействия от агента

через внешнее обратно к агенту — «текстами освоения»: передача свойств рода принимаемому в род (тексты инициальных обрядов), ознакомление с традицией (эпические предания, повествования, мифы), распознавание своего/чужого (загадки), включение в род/исключение из рода (тексты переходных обрядов — родильных, свадебных, погребальных).

Как модальные и интенциональные синтаксические значения можно интерпретировать группы обрядовых актов у Е. Г. Кагарова⁷²—предохранительные (профилактические), побудительные (продуцирующие) и историко-правовые; разновидности «магической функции слов и словесных произведений» у Д. К. Зеленина — отпугивающее и призывное действие речи, слово как призыв, оберег, приказ, дело; трехфункциональную структуру индоевропейских мифов у Ж. Дюмезиля⁷³—«религиозная власть-мудрость, военная сила, плодородие», представленную у Е. С. Новик⁷⁴ в значениях трех модальностей — знать, мочь, хотеть, которым подчинены три составные части обряда — магия, мантика, жертвоприношение⁷⁵.

Синтаксическое значение — сложное системное образование, предполагающее к тому же различную степень абстракции. Степень заложена в самом устройстве, проявляющемся в переходах: от уровня предикативных значений (грамматическое значение) через уровень структуры или структурной схемы (структурно-синтаксическое значение) к уровню семантической структуры (семантика компонентов) и уровень контекстуального наполнения. В реализациях степень зависит от условий употребления и восприятия.

Фольклорный текст способен восприниматься как синтаксическое значение любой степени абстракции. Глубина и подробность восприятия соответствуют знанию мотивирующей основы, знанию породившей текст традиции. Не обусловленное знанием традиции восприятие вынуждено опираться на парадигматику, на парадигму текстов. Мотивация традицией воспринимается как грамматическое значение, в наиболее отвлеченном виде.

Синтаксические функции грамматических классов

Морфологические свойства обнаруживают себя в синтаксической форме и тем в синтаксической функции, приложимой к единице любого уровня и состава. Преобразуясь в синтаксические функции, морфологические свойства порождают центральное для синтаксиса соотношение «грамматические классы (части речи) — члены предложения». Отсюда важность для синтаксиса определения функций грамматических классов, их места и роли в синтаксической единице.

Синтаксическая функция определяется как участие грамматического класса в структуре синтаксической единицы, как роль в структурной схеме и семантической структуре единицы.

Структурная схема

Фольклорный поэтический текст обращает на себя внимание особым видом изображаемого. Его изображаемое — не реальная художественная картина-образ, а грамматическое образование, высказывание на языке традиционных смыслов. Изображаемое, как правило, условно, и интерпретация его как художественного образа может заслонить изначальный смысл, предписав фольклору черты, не характерные для его семантики.

Если фольклор — план выражения традиции, ее язык, то фольклорный текст — высказывание на этом языке и, следовательно, синтаксическая единица, компоненты которой необходимо выделить как компоненты структурной схемы⁷⁶. Связями и сочетаемостями регулируются семантические, структурные и функциональные признаки для компонента. Его морфологические свойства определяются принадлежностью грамматическому классу, а грамматический класс, через компонент структурной схемы, получает отражение в синтаксических функциях.

Грамматический класс можно было бы определять по словам, исходя из постоянства значений в фольклоре. *Море, лес, поле, гора, сад, солнце, звезды, месяц, туча, облако, роща, дорога, дерево* — предметы внешнего. *Кукушка, ветка, береза, дуб, калина, речка, венок, скамейка, полотенце, голубь, коза, цветок, вьюн, лмель, травушка*, обозначения их действий и действий с ними — признаки акционального. *Молодец, девица, матушка, подруженьки, умница, перстенок, крыльцо, ворота, изба, колодец, улица, подушки, саночки, воробей, капуста* — элементы социального, внутреннего, реально-бытового класса.

Однако далеко не все можно объяснить значениями слова. *Море, солнце, звезды, месяц, туча* встречаются в обрядовой и лирической песне как элементы внешнего в разных значениях и разных функциях. *Сад, гора, дорога, роща, кукушка, дуб, речка, коза, трава*, как слова и как значения, лишены признаков одного грамматического класса, поскольку характерны для каждого из трех. *Молодец, девица, крыльцо, ворота, подушки, саночки, воробей* употребляются в значениях акционального и внутреннего одновременно.

Исходя из семантического устройства модели внешнего, из знания обрядовой и культовой семантики, не всегда можно распределить слова и значения текста по грамматическим классам. Необходим анализ синтаксических функций компонентов структурной схемы.

В структурной схеме фольклорного текста как синтаксической единицы возможны сочетания четырех компонентов: космологического, обрядово-культурного, ритуального и социально-психологического, или реально-бытового. Первый — компонент представлений о внешнем устройстве мира — соответствует грамматическому классу модели внешнего. Второй — представлений бытия, о жизни-смерти, загробном мире, человеке, роде — соответствует когнитивной части модели акционального. Третий — компонент ритуально-обрядовых действий, ритуально значимого поведения и взаимодействия с миром — соответствует агентивной части акционального. Четвертый — компонент состояний и переживаний; ролевого, социально значимого поведения — соответствует внутреннему классу парадигматической модели. Первые два компонента передают мировоззренческую часть традиции; третий и четвертый — агентивную, поведенческую часть*.

Исчисляемых моделей структурных схем синтаксической единицы фольклорной семантики можно выделить пятнадцать:

Четыре—одно-	Шесть —	Четыре — трех-	Одна—четырёх-
компонентных	двухкомпо-	компонентных	компонентная
	нентных		
1; 2; 3; 4;	1—2; 2—3;	1—2—3; 2—3—4	1—2—3—4
	3—4; 1—3;	1—2—4;	
	2—4; 1—4	1—3—4	

Однако реально их меньше и не все равно употребительны. Регулярность модели во многом обусловлена жанром. В необрядовых песнях наиболее регулярны модели 1—4, 1—2—4 и 2—4. Реже встречается модель 3—4.

1—4. *Туманно красно солнышко, туманно, / Что в тумане (1) красного солнышка не видно, / Кручинна красная девица (4), печальна, / Никто ее кручинушки (4) не знает... (XXVI, 263)*
Уж ты, ноченька моя, / Ночка темная, / Ночка темная, / Ночь

* Сходная четырехчленная структура обнаруживается в индийском свадебном гимне⁷⁷. Авторы выделяют мифологический, космологический, ритуальный и психологический уровни семантического представления, первые два из которых соответствуют мировоззрению обряда, третий и четвертый — поведению участников, их внешнему и внутреннему состоянию. Различие в составе и семантике компонентов индийского гимна и русской обрядовой и необрядовой лирики не только жанровое. Прежде всего это разность акцентов в порождающих текст традициях: в русской лирике мифологический компонент редуцирован, в то время как обрядовая часть двухосновна. Обряд составляет основу не только поведения, но и сознания коллектива. Об этой черте славянской духовной культуры свидетельствуют исследования Л. Нидерле⁷⁸, К. Мопиньского⁷⁹, Х. Ловмянского⁸⁰, Б. А. Рыбакова⁸¹; упоминания в «Славянской хронике» Гельмольда, Онора действия и обрядовой семантики прежде всего на обрядовое, а не мифологическое сознание у славян и связанная с этим сложность определения мифологического осязательны во многих работах современных исследователей⁸².

осенняя (1) ...Что же ты, ночь моя,/Принахмурилася,/Принахмурилася,/Притуманилася.../Или нет у тебя/Ясного месяца,/Ясного месяца,/Частых звездочек (1)?.. Что же ты, девица (4),/Призадумалася.../Призадумалася,/Припечалилася?/Или нет у тебя/Отца с матерью.../Отца с матерью,/Дружка милого?.. (XXV, 303)

Без зари ль то, зари-зари, красно солнышко,/Солнышко не всходит (1)./Без придуки-то (4) ли добрый молодец/К девушке не ходит! (XXIII, № 196)

- 1—2—4. Ветры мои, ветры, вы буйные ветры (1)!/Не можете ли, ветры, горы раскачати?/Гусли мои, гусли, звончатые гусли (2)./Не можете ли вы, гусли, вдову (4) взвеселити? (XXIII, № 33)

Разливалось сине море (1) широко,/Ох, разыгралась щука-рыба (2) глубоко.../Ох, подловчились под рыбицу ловцы (4)... (XXIII, № 134)

Вылетала сиз голубка (2)/На синее море (1).../Умывалася голубка/Пеною морскою... Утиралася голубка/Травой муравую.../«Не по промыслу, девица (4), заводы заводишь...» (XXIII, № 65)

- 2—4. Ты, береза белая (2),/Зелена, кудрявая!/До чего тебе стоять/В холоду, в сыром бору?/Ты, девица красная (4)!/До чего тебе сидеть/У отца, у матери? (XXIII, № 126)

Соловей ты, мой соловьюшко (2)!/Полетишь ты, мой соловьюшко,/На мою ли на сторонюшку,/Ты скажи ли моей матушке (4),/Ты скажи ли ей низкой поклон.. (XXIII, № 288)

Не кукушечка во сыром бору куковала,/Не соловушко в зеленом саду громко свищет (2);/Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет (4);/Обливается добрый молодец горючими слезами... (XXV, 284)

- 3—4. При долинушке стояла,/Калину ломала (3),/В пучочки вязала,/На дорожку клала,/Приметы примечала,/Дружка ворочала (4)... (XXIII, № 226)

Вы, кумушки-голубушки,/Подружки мои,/Кумитесь, любите, любите меня!/Пойдемте-ка, кумушки,/В зелен сад гулять;/Там будете цветочки рвать (3)—/Сорвите и мне;/Вы будете веночки плести (3) —/Сплетите и мне;/Вы будете в реку бросать (3) —/Бросьте и мой!/Как все венки поверх воды,/А мой потонул,/Как все дружки (4) с Москвы пришли,/А мой (4) не бывал... (XXIII, № 216)

Каждый компонент в структурной схеме обладает собственными признаками и ролью. Лексическое, морфологическое и синтаксическое значение, смысловая форма и функции, соединяясь и взаимообуславливая друг друга, придают компоненту определен-

ность, проявляют себя как признаки синтаксической функции.

Первый компонент характеризуется относительной замкнутостью, изолированностью по отношению к другим, статичностью и постоянством связей внутри своего состава. *Море, поле, лес, река, гора, солнце* первого компонента отмечены как пространства (объекты)—носители независимой и произвольной силы, наделенные способностью влиять на мир состояний агента, предопределяя характер его проявлений (1 — 4).

Отсюда особое положение пространств и объектов первого компонента вне зависимости от агента и вне приложения сил. Это объекты созерцания и призыва, объекты особой согласованности с агентом: внешней, исходящей от них, той, которая предопределяет, либо внутренней, обращенной к ним, той, которой необходимо достичь.

Семантика синтаксической позиции первого компонента обусловлена значениями категорий объективной данности, освоения, вертикально-горизонтального устройства, отмеченности и оформленности, роль каждой из которых в семантическом насыщении формы смысла определена местом в валентной схеме: задающая, несущая, развертывающая, насыщающая и центральная.

Первый компонент проявляет себя как задающий, чему соответствует его роль независимого первоначала, внешней исходной силы, предопределяющей и задающей состояние, общий тон текста и его тему. С чем согласуется его соотносительность с грамматическим классом модели и ее морфологическими характеристиками.

Второй компонент может быть охарактеризован как параллельный социально-внутреннему (2//4). Предметы и действия в нем одушевлены, живые существа — антропоморфизированы. Их поведению и действиям приписывается отмеченный антропоморфный смысл. В своих состояниях и положениях они предвещают, предсказывают либо провоцируют состояния и положения человека, выступая носителями поддерживающей и защитной силы. События в параллельном мире делают более вескими и неизбежными либо защищенными событиями мира людей.

Отношения к этому миру — отношения содействия, агентивной согласованности, соучастия: *соловей—кукушку подговаривал, подговаривал, все обманывал; гáлушка—из-за моря вылетала, на ракиты куст садилась; гуси-лебеди—со лузей, озер подымались; лебедь белая—плывет по морю; утушка луговая—ночевала в лесочке, под кусточком, под малиновым листочком.*

Второй компонент, предвещая структуру четвертого, определяя ее, в валентном отношении — строевой, несущий. Подобная роль обусловлена прежде всего тем, что это компонент струк-

туры мировоззрения традиции, компонент обрядово-культурный.

Синтаксическая валентность согласуется с морфологическими свойствами: категории причинения, императива, сопричастности, действия и свойства в грамматических значениях передают семантику второго компонента как компонента строевой части акционального грамматического класса.

Третий компонент представляет время, пространства, орудия, лиц и предикаты ритуала, обладающих, соответственно, особым сакрально-ритуальным смыслом. Это объекты приложения сил, объекты прямого воздействия агента. То, что производится над ними, имеет отношение к желаемому. Они и действия над ними служат средством к достижению: цветы, ягоды — рвать; березу, иву, сосну — рубить; венок — плести, бросать в воду, ломать, ронять; траву — косить, мять, ломать, рвать, топтать; лен, лебеду — сеять, поливать, топтать, рвать, бросать в воду; на гусях, дудочке, гудочке — играть; виноград — щипать, ломать; ко столбочку коня — привязывать.

Валентность третьего компонента как развертывающего согласуется с его позицией в структурной схеме: третий компонент проявляет, развертывает в действии четвертый. Это компонент приложения усилий четвертого (3 — 4). Валентность согласуется с морфологическими признаками акционального грамматического класса.

Четвертый компонент — ведущий и насыщающий. Через отношение к нему определяются валентности и синтаксические функции других. Агенты места, состояния, орудия, действия четвертого компонента лишены ритуально-сакрального смысла, но обнаруживают постоянную тенденцию к ритуализации, к включению значений третьего. Одни и те же предикаты и действия обладали в традиции одновременно и реально-хозяйственным, и ритуальным значением.

Семантическая особенность четвертого компонента состоит в том, что его обозначаемое — обозначаемое социальной роли, социально-ролевого действия и состояния, своего рода социального ритуала:

Девушка — ягоды собирает; гуляет с милым дружкой; березу (ольху) ломит; воду носит; поле жнет; рыбку ловит; дружка поит (кормит); хранит золото в терему у бабушки; венок ронит; молодца встречает; ворота отворяет; коня вводит; молодца целует; переводит милого через ручей; дарит молодцу с руки перстень; разувает молодца; завивает кудри у молодца; братнины кудри чешет, гладит.

Молодец — коня поит; падает с коня у ворот (двора) девушки; падает с коня в воду; переводит девушку через ручей по жер-

дочке; дарит девице сережки; целует, милует, к сердцу жмет, душой называет.

Совместные действия — переходят через реку; мед-пиво пьют; разводят зеленый сад со калиной, малиной, черной смородиной.

Молодушка — ходит-гуляет по сеничкам, по высокому нову терему; будит молодца, наказывает ему лебедей, гусей, уток бить, стрелять.

Молодой муж — в чистом поле стреляет гусей-лебедей, серых малых уток; подносит молодой вино (мед).

Старый муж — не пускает молодую гулять; тонет в реке, море.

Матушка — посылает девицу жать поле; зовет, кличет девицу из окошка; сидит в тереме; едет к дочери в гости на чужую сторонушку, не узнает ее.

Батюшка — не велит поздно гулять, с холостыми играть; отдает замуж; во беседе сидит, пропивает красу девичью.

Братец — по головке гладит, за ручку водит; заезжает к сестрице в гости.

Свекор (свекровь) — грозит, кличет, работы пытается; бранит, бьет; по сеничкам похаживает, по новым погуливает, стучит-тремит, спать не дает; по воду посылает.

Неженатый — в гусли играет, девушек потешает; во терем ходит; пиво варит, зелено вино курит, красных девушек манит.

Девицы-подружки — сеют лен; по горам (лесам) гуляют, ягоды собирают; цветочки рвут.

Ребята — по лесу ходят; во гусельки, во гудочки играют; хоровод собирают.

В генетическом отношении четвертый компонент отчасти представлен, видимо, элементами распавшихся трудовых, инициальных обрядов, обрядов ухаживания, в бытовых ситуациях⁸³. Четвертый компонент соотносится с социально-внутренним грамматическим классом. Его синтаксические значения предопределены значениями категорий включения, жизненного цикла, социального устройства, приобщения и рода.

Модели структурных схем допускают вариации в своем составе. Вариативность обуславливается мотивационными изменениями: забвением исходной мотивирующей базы (традиции), позднейшими наслоениями, мотивационной подменой. Вариации могут быть следствием закономерных, опирающихся на парадигматику, развитий семантики и результатом случайных смещений в композиции текста, результатом вставок, перестановок и выпадений. Колебания и вариации моделей структурных схем следует, видимо, признать закономерным явлением определенной стадии бытования фольклора — бытования вне традиции.

Вариативности подвержены порядок взаимодействия ком-

понентов и их семантическая определенность. Разграничить при этом явления исторической перспективы и явления синхронические сложно, поскольку следствия диахронии и синхронии могут полностью совпадать, а закономерности исторических стадий развития фольклорной семантики представляются смутно.

Одна из типичных вариаций модели 2—4 состоит в невыраженности четвертого компонента:

2—(4). *Из-под белой березы/Бежит речка невеличка,/Бежит речка невеличка./Вода ключевая./Как с-но этой быстрой речке.../Плывет селезенко.../Плывет серый селезенко/Тихою водою.../Плывет утка-селезенка... (XXIII, № 7)*

Вечером позднешенько голубка была,/Мягкую постелюшку подружка стлала,/На правое крылышко спать она легла,/Сама левым крылышком дружка обняла./Обнявши, голубушка наказывала.../Встрепенулся голубь рано на заре:/Нет голубушки на правом крыле!./Убил ее молодец из красна окна,/Из красна окна, из косяcata! (XXIII, № 255)

Четвертого компонента, параллельного второму, первоначально могло и не быть. Невыраженность часто и не подразумеваемого «человеческого» плана — довольно регулярная черта архаической семантики. Анимистические и тотемистические представления древних позволяли воспринимать представителей растительного и животного мира как самостоятельные персонификации, как фольклорные действующие лица, равные человеку, часто способные принимать человеческий облик.

Следы этой стадии ощутимы в фольклоре: *Вечор поздно было у нас ввечеру/Да ли голубушка во гостях у нас была.../Сладку водочку с винцом она пила.../Да ли не помню, как млада домой дошла.../Голубочку постель мягку постлала.../Я на право крылышко к нему легла.../Сверху левым рассизеньким обняла.../Приобнявши, приказывала:/«...Не спи, голубь, не просни, голубь, меня...»/Улетела, ох, голубушка чуть свет,—/Да ли взвился голубь за голубушкой вослед (XXIII, № 249) По лугу, лугу вода со льдом,/По зелену золота струя струит.../Струйка за струйкой — сама лебедь плывет,/Белая лебедушка — девушка.../Ясный соколичек — молодец (XXIII, № 239).*

Стадии религиозно-культурных представлений меняют мотивацию второго компонента: анимизм — птицы, рыбы, животные, растения, камни как персонификации, независимые духи и силы, которые разлиты в природе; тотемизм — птицы, животные, растения, рыбы и камни как люди, родоначальники и первопредки; затем — как заклятые люди, оборотни, умершие, злые и добрые духи и духи предков, ипостаси божеств. Однако, меняя мотивацию, они не изменяют валентности и синтаксической роли.

Фольклор, отражая земледельческие представления, сохра-

няет черты предыдущей, охотничьей стадии. И в представлениях, и в фольклоре происходит наслаивание черт и признаков разных стадий, смена мотиваций. Меняется содержание, но не меняются семантические структуры и формы. Переосмысляясь, они меняют порядок, место в системе, функции, однако по виду и по строению, как структуры и формы, остаются практически неизменными.

Психологический параллелизм в фольклорном тексте, описанный Веселовским, начинает развиваться, видимо, на стадии расподобления персонификаций: животные и животные-духи. На стадии представления о духах как о защитниках и помощниках, духах-оборотнях и духах умерших (шаманская стадия), не сакральных духах-тотемах (на этой стадии вероятен запрет на выраженный параллелизм).

Сбиралась дочка к матери;/ Поехала, не доехала,/ Среди лесу становилась;/ С соловьями думу думала./ С молодыми думу крепкую:/ «Соловей ты, мой соловьюшко!/ Полети ж ты.../ На мою ли на сторонушку,/ Ты скажи ли моей матушке,/ Ты скажи ли ей низкой поклон...» (XXIII № 288)

Выходила молода за новые ворота.../ Выпускала сокола из правого рукава:/ «Полети ты, мой сокол, высоко и далеко,/ И высоко и далеко, на родиму сторону!» (XXIII, № 1)

Функция параллельного плана в этом случае (помощь, поддержка, обеспечение удачи) будет отлична от функции параллелизма более позднего, поясняющего, на стадии начинающегося забвения традиции:

Скушно, матушка, весной мне жить одной,/ А скушней того — нейдет ко мне милой,/ А я со горя, с кручины молода,/ И я выйду на крылечко пстою,/ На все стороны четыре погляжу,/ Что летит ли не летит ясён сокол,/ И он машет ли своим сизым крылом?/ И я со горя, с кручины молода,/ Выйду, выйду за новые ворота,/ Погляжу я вдоль по улице в конец/ Что нейдет ли миленький дружок? (XXIII, № 199)

Соловей гнезда не вьет./ Как бы кустушек ни мил —/ Соловей гнезда не вил./ Соловей-то — Ванюшка,/ Канарейка — Марьюшка... (XXIII, № 2)

Или классически развернутый параллелизм:

«Ах, что ж ты, голубчик, не весёл сидишь,/ Не весёл сидишь и не радостен?»/ «Уж как, мне, голубчику, веселому быть,/ Веселому быть и радостному?/ Вечор у меня голубка была,/ Со мной сидела,/ Со мной сидела,/ Пшено клевала,/ Поутру голубка убита лежит,/ Убита лежит, застреленная...»

«Ах, что ж ты, молодец, не весёл сидишь,/ Не весёл сидишь и не радостен?»/ «Уж как мне, молодчику, веселому быть,/ Веселому быть и радостному?/ Вечор у меня девица была,/ Девица была, со мной сидела,/ Со мной сидела,/ Мед, пиво пила.../ А нынче

девицу замуж отдают, / Замуж отдают, просятывают...» (XXIII, № 268)

Невыраженность четвертого компонента в современном фольклорном тексте, таким образом, может быть явлением структурно обусловленным (следы анимистических и тотемистических представлений) и следствием забвения, опущения, очевидности.

Как результат равного действия диахронии и синхронии могут рассматриваться вариации, связанные с семантической **одновременностью** компонента.

(1—3)—4. На горе (1—3)-то калина, / На горе-то калина стояла, / Под горою малина, / Под горою малина стояла. / Тут девушки (4) гуляли... / Калинушку ломали... / Во пучочки вязали... / На дорожку бросали... (XXIII, № 26)

Гора в данном случае одновременно и элемент модели мира (1), и место ритуального действия (3).

1—(2—3)—4. По горам (1), и я по горам ходила, / Все цветы (2—3), и я все цветы видела. / Одного, одного цвета нет как нет— / Нет цвета, ах, нет цвета алого... / Аль его красным солнцем выпекло? / Аль его буйным ветром выдуло? / Аль его желтым песком вынесло? / Аль его красны девки вырвали, / Вырвали, в быстру реку бросили? / Аль его совсем в поле не было?... / По двору (4), и я по двору ходила, / Всех гостей (4), и я всех гостей видела. / Одного, одного гостя нет как нет— / Нет гостя, ах, нет гостя милого, / Милого, моего друга сердечного! / Али мне послать было некого? / Али мне позвать было не к чему? / Аль ему добрых коней не было? / Али мне в своем доме воли нет?... (XXIII № 207)

Цвет (цветок) совмещает в себе значения второго и третьего компонентов — как вместилище души (милого) и как объект ритуального действия — колдовства или гадания (девки вырвали, в реку бросили). Параллелизм четвертого компонента (гости) подкрепляет значение второго (цвет алый — друг милый) и вместе с тем соотносится с третьим (девки вырвали, в реку бросили — аль ему добрых коней не было? аль мне в своем доме воли нет?) ощущением зависимости, неволи, насилия, требующим разрешения в действии, в поиске, в ритуале (по горам, и по горам я ходила...)

1—(2—4)—4. Ах, на горе-горе (1), / На высокой на крутой... / Стоял зеленый садок (1); / Как во том ли во саду / Стоял зеленый дубок; / Как под тем ли под дубком / Стоит девка с молодцом... / Тиху речь говорит: / «Ах, что это за садок, / За зеленый за такой! / Ах, что в саду за цветы (2—4), / Что за алые таки! / Ах, если б те цветы! / Во моем саду (4) цвели!...» (XXIII, № 13)

В пределах одного текста сопоставляются, сталкиваются

несколько значений сада: *сад на горе*, *в саду дубок*, сад как отвлеченное ничье сакральное место; *сад — с алыми цветами* и *сад — мой* (значения первого, второго и четвертого компонентов). Модальный план первого компонента при этом действительный (место события), план второго — четвертого — желательный. Между компонентами, таким образом, возможны в пределах синтаксической единицы различные модальные соотношения.

Вариациям подвержены валентности компонентов. Валентность отражает первоначальную функцию компонента, мотивированную традицией. Провоцирующая роль первого компонента, то, что он выступает как задающий темы, определяющий состояния, является следствием особой позиции структурных элементов модели мира и мифа о первотворении в архаическом мировоззрении.

Всякое действие должно было быть освящено Началом, быть подобным ему, иметь к нему отношение. Только в этом случае оно могло достичь успеха. Защитная и поддерживающая роль второго; обеспечивающая надежность третьего компонентов, соответствующим образом, обусловлены местом культа и ритуала в сознании коллектива.

Соотношения компонентов с потерей исходной мотивации могли меняться, валентности компонентов — подвергаться смещениям. Отсюда возможны довольно редкие валентные перестановки компонентов в тексте, валентные взаимозамещения компонентов:

2 — 4. *Ходила калина./Ходила малина.../Тихими шагами.../Крутыми берегами./Кликали калину/Во пять голосочков./Первый же голос—/Да свекорко кличет.../А второй же голос—/Свекровушка кличет.../Третий же голос—/Золовюшки кличут.../А четвертый голос—/Деверьюшки кличут.../Пятый же голос—/Мило ладо кличет... (XXIII, № 135)*

Валентные замещения, расширяя функции компонентов, усложняют структуру синтаксических значений, делают традиционный смысл еще более не закрепленным вербально, обусловленным синтаксической формой и окружением.

Семантическая структура

Семантика взаимодействия компонентов семантической структуры выводится из семантики взаимодействия частей предикатных схем, единиц и их синтаксических значений. В конечном счете — из семантики взаимодействия форм традиционных смыслов.

Традиционный смысл проходит четыре ступени определения — общетематическую, структурную, развертывающую и насыщающую.

щую. Степень определенности формы смысла в тексте складывается как обусловленность парадигматического и синтагматического: лексической системы, морфологии и синтаксиса семантики фольклора.

Каждая ступень имеет свой, предшествующий тексту вид, закрепленный парадигматически: изолированный, общетематический (*лес, море, сад, гора, туман, солнце*); в соединении с другими, в виде тематических структур, соположенных пространств и предметов (*лес—дерево—доска, море—звезды, море—туман, лес—сад, сад—яблоня, сад—гора, лес—гора, туман—солнце, туман—звезды*); в соединении с предикатами (*в лес—пойти, дерево—срубить, море—всколыхалось, по морю—плыть, звезды—глянули, туман—пал, мимо леса, сада—гулять, яблоня—раскачалась, на гору, с горы—идти, на горе—гулять*); в структурной схеме компонента (*пойти в лес, срубить дерево, вырубить доску, сделать гусли (мосток); пал туман на синё море, глянули звезды по синим морям; по морю плыла лебедь с лебедятами; раскачалась яблоня, в саду стоячи, перед грушицей стоячи; мимо леса, мимо сада дорожка пролегивала*).

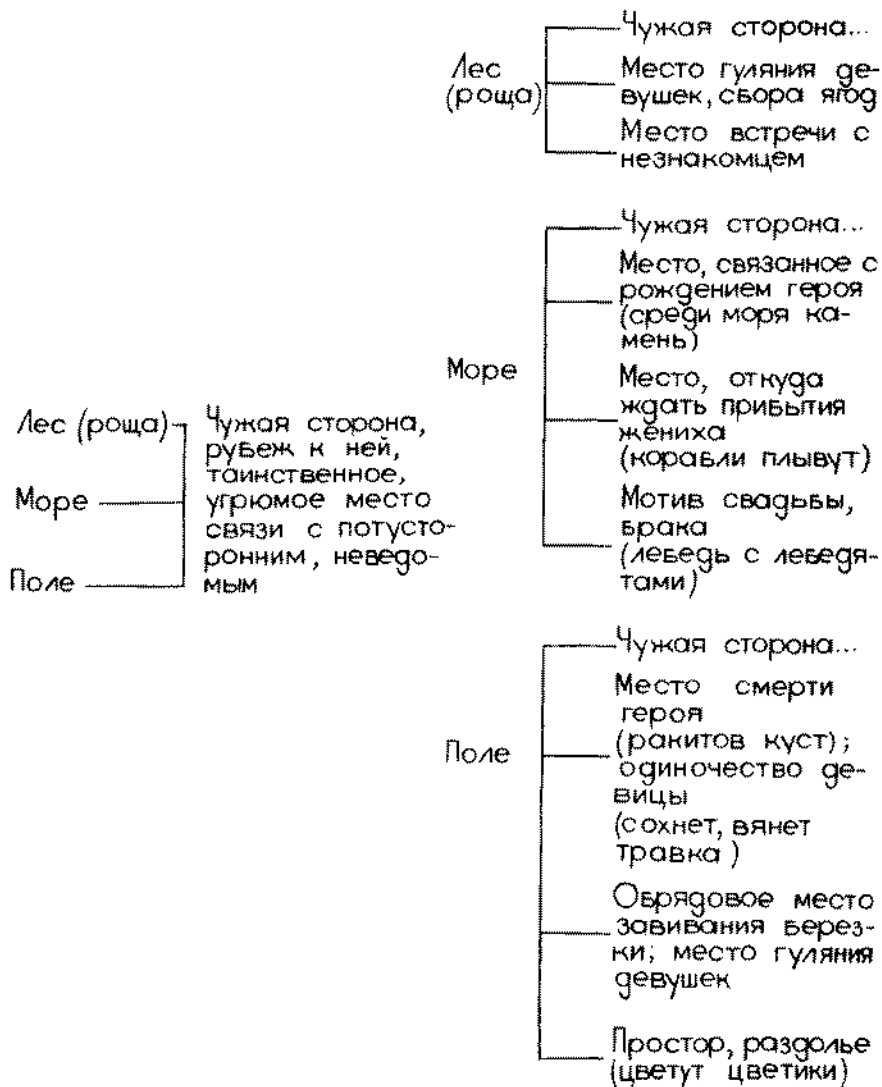
Каждая последующая дополняет и уточняет значение предшествующей ступени:

Форма смысла	Вероятное значение
Лес (роща)	Чужая сторона, рубеж к ней, таинственность, угрюмость, связь с загробным миром, душами и силами
Лес, лесок — дерево, доска	Обрядовое место встречи, предшествование сооружению мостка для проходящих с того света (святки)
Я (агент)—лес, роща В лес, лесок (рощу) пойти	либо жениха (свадебный обряд) Действие, предшествующее встрече суженого, либо ухаживание; либо пойти для совершения обряда — срубить дерево, доску—сделать мостки (гусли)
Пойти в лес (рощу), срубить доску	Развеять тоску, уныние, обрести поддержку (первоначальный смысл—подготовиться к обряду встречи)

Слово, обладая исходным общетематическим значением, в зависимости от условий морфологического и синтаксического оформления в тексте передает неодинаковые традиционные смыслы. И наоборот: смыслы тематически подобные в зависимости от условий передаются разными словами, поскольку различны формы смысла, отраженные в словах. Лексический и смысловой ряд фольклора в словарном, морфологическом и синтаксическом отношениях самостоятельны. Их взаимная обусловленность представляет собой пересечение двух систем: грамматики тра-

диционных смыслов и лексической «грамматики» фольклорных слов-значений.

Для общетеμαатической (первой) ступени выражения смысла характерны зависимости слово=традиционный смысл=другое слово и традиционный смысл=слово=другой традиционный смысл.

Традиционный смысл первой ступени, получая вербальное выражение, неизбежно содержит в себе начало значений всех своих форм. Вербальная форма смысла — оболочка любого возможного проявления в тексте. Слово — знак не только смысла, но и знак контекста, тем самым знак сочетаемостей, предикатных и компонентных связей, валентностей, морфологических свойств и значений. Поэтому общетематический смысл, заключенный в слове *лес*, не тождествен смыслу в словах *море*, *поле*. Смысл един только вне вербального оформления. Уточняя морфологию и синтаксис, слово определяет грамматическую парадигму форм. Вне употребления смысл, заключенный в слове, представляет собой открытую последовательность непроявленных и равных значений грамматических форм:

Лес — чужая, темная сторона, рубеж к ней, угрюмая, тяжелая, неопределенная; сторона жениха и его рода; сторона ухода, исчезновения; место, где можно заблудиться, пропасть, погибнуть, встретиться с незнакомым, чужим, нечистым; мужская сторона; место охоты...

Море — чужая, таинственная та сторона; место, откуда прилетают птицы, появляется солнце, куда уходит солнце; место, связанное с рождением героя, его воспитанием; место, откуда ждать прибытия жениха, гостей, сватов (купцов), куда отправляется просватанная невеста, куда ее увозят...

Поле — чужая, унылая сторона; место ухода милого и его смерти, сухое, тоскливое, пустое место, пограничное на пути к дому; обрядовое место сбора и гуляния девушек, завивания березки, прихода парней и игриц; простор, раздолье, цветение; место жатвы и сенокоса...

Семантика межкомпонентных взаимодействий структуры синтаксической единицы имеет те же четыре ступени определенности: общий вид и структурное, развертывающее и насыщающее — уточнения.

Возможны три вида отношений: агентность, параллельность, место.

Агентность

1 → 4. *Дунули, дунули, /Эх! дунули ветры по чистым полям. /Глянули, глянули, /Эх, глянули звезды по синим морям (1). → Прóлили, прóлили, /Эх, прóлили слезы свет-Дарьюшкины, /Пролили слезы Васильевны (4)... (VI, № 1)*

Зорюшка, зорюшка вечерняя, /Рано вспотухаешь ты, зоря (1)! → Не дала же ты, зорюшка вечерняя, /Со поля убраться до-мой, /Захватила нас, братцы-ребятушки, /Серая погода, ветерок (4). (XXIII, № 245)

2 → 4. *Соловей мой, соловей, соловушко молодой! /Не летай ты, соловей, во зеленый сад гулять, /Не садись ты, соловей, в зеле-*

ном моем саду,/В зеленом моем саду, на ракитовом кусту,/Не
пой рано назаре (2), — не травы ты сердце мне (4)! (XXIII,
№ 231) Уж ты сад, ты мой сад,/Сад зелененький,/Ты зачем,
садок, отцвел,/Осыпаешься (2)?→Ты куда ли, милый мой,/
Собираешься (4)? (XXIII, 224)

Параллельность

1//4. Да скатилася да зоренька с неба,/Да упала до Дона (1)...//
Зажурилася девка молоденька/Да по своему горю (4)... (VI,
№ 81)

Зеленая роща/Всю ночь прошумела (1),//А я, молоденька,/
Всю ночь просидела (4)... (XXIII, № 145)

2//4. Земляничка-ягода/На полянке выросла (2).//Горожанка
девушка/В городе родилася (4)... (XXIII, № 85)

Место

3←4. Как на этой на долинке,/На зеленой луговинке,/На мягкой
траве на лазоревой (3)←Там девушки гуляли,/Со травы цве-
точки рвали,/Веночки плели (4)... (VI, № 16)

1←4. На горе-то стоит елочка,/Под горой стоит (1)←светелочка./
Во светелочке жар горит,/Против жара красна девушка сидит
(4)... (VI, № 15)

1←2. Как по морю, морю синему (1)←Плыла лебедь с лебедя-
тами (2)/...Под ней море всколебалось (1),←Над ней вился
млад ясён сокол (2)... (XXIII, № 137)

1←(3—4). В темном лесе, в темном лесе.../За лесью, за лесью (1)←
Распаху ль я, распаху ль я.../Пашенку.../Я посею.../Лен-
конопель (3—4)... (XXIII, № 122)

Семантические функции компонентов согласуются с валентными характеристиками. Отношениями агентности, параллельности, места уточняются задающая роль первого компонента, структурная роль второго, развертывающая — третьего. Семантическая структура для структурной схемы становится уточнителем второй ступени.

Уточнение третьей ступени (развертывание) предполагает переход от семантики межкомпонентных взаимодействий к семантике связей в тексте. В составе целого семантика компонентов выглядит определеннее. При этом часто наблюдается закономерное соответствие между семантикой компонента и его позицией, местом по отношению к другим компонентам в тексте.

1. Я пойду, млада, в рощу...	Сочетаемостная группа: роща —
В рощу зеленую...	доска дубовая — кленовый ли-
Уж я вырублю доску...	стик — гусли
Доску дубовую...	
Что кленовый листик...	Предикативные единицы: сде-

Уж я сделаю гусли...	лать, вырезать гусли, играть на гуслеях
Гусли звончатые...	
Гусли дубовые...	
Заиграйте, гусли-мысли...	Вероятное значение-тема: печаль, тоска, уныние
Унылую песню...	
2. Как сказали свет-Марье,
Как сказали Петровне:
Иван-сударь едет,
Васильевич едет.
Не успела свет-Марья,
Не успела Петровна
С скамьи шубу взять... | Группа: шуба — со скамьи — среди двора надевать — у ворот, за воротами встречать

Единица: встречать у ворот (порога) в шубе, вывороченном тулупе |
За рукав тащила...	Тема: приезд чуженина, жениха, свата, встреча его и защита, очищение (вывороченный тулуп, шуба—тотем)
Среди двора сдевала...	
За вратами встрела...	
3. Мил целует, мил милует...	Группа: сени новые — кровать тесовая — подушки пуховые
Все правду не скажет...	
— Я скажу все-ё правду...	
Во новых во сенях...	Единица: в сенях новых, в кровати, на подушках находиться
Я во новых во сенях...	
В тесовой кровати...	
Я в тесовой кровати...	Тема: брачная ночь, завершающая ночь свадебного обряда
В пуховой перине...	
Я в пуховой перине...	
В пуховых подушках...	

(VI, № 3)

Функцию введения темы принимает на себя первый композиционный фрагмент. Он же участвует в создании структурной основы синтаксического значения единицы: *роща—доска—кленовый листик—гусли*, т. е. выступает как строевой. Второй фрагмент уточняет значение, разворачивает его обрядовой определенностью действия. Третий еще более конкретизирует синтаксическое значение, которое предстает как невыраженное, но подразумеваемое, — *брачная ночь, завершающая ночь свадебного обряда*.

Жесткая последовательность компонентов семантической структуры (структуры свадебного ритуала), создавая напряжение, предсказывает неизбежность и определенность невыраженного компонента.

1←2←3→4. *Выйду за ворота, / Посмотрю далеко: / Там горы высоки, / Озера глубоки (1). Во этих озерах←Живет рыба щучка, / Белая белужка (2). ←Невода закину — / Живу рыбу*

выну (3). /Куда поприести/Живу рыбу чистить?/Сяду-поприяду/К зеленому саду;/Еще поприяду/На дольну долинку,/На летню тропинку (3).→Куда мил ни пойдет (4)—/Меня не обойдет!/В саночки посадит,/Городом прокатит... (XXIII, № 261)

Первый компонент — задающий (горы, озера — тема), семантически неопределенный. По отношению ко второму проявляет себя как место (во этих озерах живет рыба щучка). Второй, переходя в третий, вступая с ним в отношения агентности (невода закину — живу рыбу выну), называет составляющие общего синтаксического значения: рыба—закинуть невод—поймать рыбу—рыбу чистить. Однако смысл действий еще не ясен без развертывания в третьем компоненте: куда поприести—сяду-поприяду к зеленому саду — еще поприяду на дольну долинку. Значения сада, долины (места встречи и гуляния с милым) уточняют семантическую структуру, которая раскрывается полностью в четвертом, спровоцированном действиями третьего: куда мил ни пойдет — меня не обойдет, в саночки посадит, прокатит,— как структура с приворотным модальным значением.

1←4→3

3→(1—2)→3. Лелим ё лелим,/У ворот верба стоит,/У ворот кудрявая.../Под вербою камень,/Под вербою белый,/А на камне девица,/А на камне красная./Братнины кудри чешет,/Братнины кудрявы.../Чешет и гладит,/Очески снимает.../На Дунай-реку мечет —/На Дунай, на быстрюю/На воду чистую:/«Плывите вы, кудри,/Да вниз по Дунаю.../К крутому бережочку.../К желтому песочку!»/На том да на бережочку/Стоит дерево райское./А на том на дереве/Сидят птицы ласки.../Поют песни царски.../Царя величают:/«Наш царь на службу едет.../Молодая царица/Родила царенка.../Плотнички да работнички/Всю ночь не спали.../Колыбель малевали:/Что месяц, что звезды,/Что красные зори./Колышется царенок/Семь лет в колыбели,/На девятом годочку к письму приучился,/На десятом годочку/Поехал жениться.../По синему морю.../На силовом коню./Синь лед проломился—/Сив конь провалился.../Молодой князь залился./Молодая царица/По берегу ходит.../Берите секиры,/Секите синь лед!/Доставайте тело/Василия князя!..» (XXIII, № 9)

Текст представляет разновидность приворотной структуры более сложного типа с элементами заговора-отправления (плывите вы, кудри, да вниз по Дунаю...). Общий смысл ожидаемого сватовства и брака, выводимый из последовательности взаимодействующих компонентов, приобретает определенность в значении слов (форма смысла) камень, Дунай, дерево райское, поехать по морю, лед проломился, конь провалился, молодой князь за-

лился⁸⁴. Третья ступень переходит в уточнение четвертой ступени — уточнение в формах смысла.

На третьей ступени определенности проявляется общее модальное значение семантической структуры: структуры приговорные, заговорные, гадательные, ритуальные. Определяется тип структуры по роли в семантическом оформлении текста: структуры, вводящие смысл-тему; структуры, представляющие его каркас (структуры несущие); структуры, развертывающие, предикатно уточняющие общее синтаксическое значение текста; структуры полного оформления — насыщающие.

Структуры вводящего типа встречаются в игровых припевках, обрядовых запевах, подблюдных песнях, прибаутках, загадках, частушках, детских потешках, считалках. Это структуры намеков, обращений к известному, недоговоренностей:

У Димитрия капуста./Да у Яковлевича белая!/На нее частый дождик/Ливно льет — поливает/И белую, зеленую ломает!... (XXIII, № 3)

Вскóчил кóзел в огород./Всю капусту истоптал./Кочешочки оглодал./Возьму козла за рога,/Сведу козла на базар,/Променяю на товар (XXIII, № 107).

Мимо моего садика,/Мимо моего зеленого/Пролетел чижок-пыжок,/Мой молоденький воробышок./Молодая чечотушка,/Молодая, издогадливая,/Наперед залетела./Чижа-пыжа изворачивала:/«Воротись, чижок-пыжок,/Мой молоденький воробышок!/Без тебя в саду глухо,/Без тебя все невесело!» (XXIII, № 10)

Структуры несущего типа характерны для развернутых обрядовых и лирических песен-повествований. Это структуры внешних и внутренних состояний, часто определенной модальности. Три разобранные (*Выйду за ворота,/Лелим ё лелим,/Я пойду, млада, в роцу*) — именно такие структуры.

Структуры развертывающего типа встречаются реже. Их особенность состоит в последовательном детальном воспроизведении, разворачивании состояния одновременно в нескольких компонентах, для разных участников. Они характерны для ситуаций неблагоприятия либо неопределенности. Развернутое повторение — своего рода залог верности, надежности желаемого результата. Отсюда вероятность второго компонента, настойчивый параллелизм, смысл которого мог быть различным: душа умершего, воплощенная в животном (птице), предваряя путь, ожидающий героя, делает предприятие не столь серьезным: *Как тебе, кукушечка,/Как тебе, рябая.../Пожар будет перелететь?/Как тебе, Аксиныюшка,/Как тебе, Романовна,/По свекру угодить?../По свекрови угодить?../По милому угодить?..* (VI, № 4).

Выбор должен быть верным, проверенным, защищенным от сглаза, вреда, сторонней силы (предохранительная функция обря-

дов у Е. Г. Кагарова, криптические обряды⁸⁵: троекратное выведение молодцу суженого-ряженого и отказ, пока не выведет девицу; девица-невеста троекратно роняет венец (колечко), пока не поднимет милый; не берет ключей, отказывается быть ключницей у батюшки, матушки, братца и соглашается быть у суженого; отказывается перевезти через реку батюшку, матушку, пока не придет и не попросит милый; троекратный отказ разувания; троекратное приглашение к столу сватов и т. п.).

Структуры насыщающего типа характерны для обрядовых песен — сопровождений, пояснений обрядовых действий. Насыщающей определенности структура достигает, будучи согласована с невербальным планом самого действия: *Мы пройдем по горенке, / Мы пройдем по новенькой, / Мы найдем хорошего, / Мы найдем Иванушку, / Хорош Иванушка, / Хорош Васильевич, / Хороша беседушка, / Хороша веселая, / Хорошо во беседе сидит, / Хорошо игриц дарит.* (VII, № 2) (обряд одаривания певиц во время застолья).

Четвертая ступень определения семантической структуры опирается на семантику предикатных отношений между компонентами; уточняет семантику отношений агентности, параллельности, места; затрагивает синтаксические значения форм смысла, обобщая характер их взаимодействий внутри компонента и между разными компонентами.

Отношение агентности проявляется между компонентами, предикаты одного из которых провоцируют либо активно воздействуют на предикаты другого. При этом обратная связь (от второго компонента к первому) отсутствует: связь односторонняя.

В зависимости от характера межкомпонентного действия и его результата возможны разные случаи агентности.

1. Обращение — призыв к соучастию.

1←4. *Ты взойди-ка, красно солнышко, / Над горой взойди над высокой, / Над дубравушкою взойди над зеленою. / Над полянушкою взойди над широкою* (1), ← *Обогрей-ка нас, добрых молодцов, / Добрых молодцов, сирот бедных* (4)... (XXV, 280)

2. Призыв к недействию.

1←4. *Не взбушуй, холоден ветерок! / Не раскачивай, звонкий колокол* (1)←... *Не разбуди у Ивана жену* (4)... (VII, № 50)

3. Призыв к действию через параллель. Действие, близкое заклинанию; опосредованное воздействие на результат.

1←4. *Взойди, взойди, солнце, / Не низко взойди, высоко... / Не близко взойди, далеко* (1). ↔ *Зайди, зайди, братец, / Ко сестрице зайди в гости* (4)... (XXV, 320)

4. Действие-совмещение.

(2—4)→4. *Уж как вьется хмель* (2) *по болоту, / По болоту хмель,*

по болоту, /Прививается хмель ко воротам (4), /Просится хмель (2—4) → ночевати (4)... (VII, № 90)

5. Действие, усиленное через параллель.

2 → 4. Из-за леса, из-за сада /Канарейка вылетала... /Свою участь проклонила (2). ⇒ Распроклятая участь, /Кто женатого полюбит (4)... (VI, № 148).

6. Состояние — следствие, результат.

(2 → 4) → 4. Зашумели в колодезе* воды (2), → Заболело у молодца сердце (4) → Через свою жену не корыстну (4)... (VI, № 211).

7. Видимое препятствие к действию. Результат совмещения нескольких предикатов: призыв к действию и «невозможность» его совершения вследствие препятствия со стороны другого действия.

2 ← 4. Ах, Настасья, ах, Настасья (4), /Отворяй-ка ворота... /Принимай-ка жениха! /— Я бы рада отворила — /Буйный ветер (2) в лицо бьет** /... С головы платок несет... /Русы кудри разывает. /Время молодцу жениться, /Время ехать со двора... /В Настасьины ворота. (VI, № 35)

Разновидность отношений агентности — отношения орудийности: предикаты или объекты первого, второго или третьего компонентов выступают как средства достижения, орудия действий и состояний четвертого. Можно выделить две подгруппы: орудийно-способствующие и орудийно-пассивные отношения.

В первой подгруппе предикаты первого, второго или третьего компонентов, выступая орудиями, прямо способствуют и вызывают действия четвертого компонента. Значение агентности в данном случае достаточно ощутимо, но это агентность особого рода, агентность орудия. Во второй подгруппе предикаты выступают в чистом орудийном значении, это предикаты-средства, предикаты-условия.

Орудийно-способствующие

1. Действие — предшествование, способствование.

2 → 4. Соловей гнездо завивает... /Близко к терему прививает... /Близко к терему, ко теремцу... /Близко к красному ко оконцу

* Колодец с водой (без воды) в сказках постоянно обнаруживает связь с женским, связь, строго обусловленную и предсказующую. В приведенном примере, следовательно, не параллель (колодец—сердце молодца), а состояние → состояние-результат (зашумели в колодезе воды → заболело у молодца сердце).

** Ветер буйный, бьющий в лицо, в обрядовом фольклоре — предвестник жениха и его приезда. Кудри — признак мужской зрелости, готовности к браку⁸⁶. Ветер выступает как агент двух действий: срывает платок с головы девицы — быть ей женой, ибо головной убор замужней женщины не платок⁸⁷, и развивает кудри жениху — расчесывание, развивание, напوماживание волос у юноши, так же как расплетение и заплетение косы, украшение ее лентами, драгоценностями у девушки, выстригание, поджигание свечой соединенных волос жениха и невесты — все это составляющие славянского свадебного обряда⁸⁸.

(2)...→Уж мы слушали, выслушали.../Как Василий Тамару выкликает (4)... (VI, № 23)

2. Действие — пояснение через подобие.

2→4. Два столбочка, два столба,/Два точеные новы.../Стоит озеро воды.../По колено глубины.../Три аршина ширины./Как во этом озере/Николай коня поил.../Как к столбочку привязал (2—4).../Он Марьюшке приказал (4):/—Уж ты, Марьюшка-душа,/Сбереги мово коня (2—(4)).../Коня вóрогого.../Кругом кованого... (VI, № 28)

Поить коня из озера (колодца) — мотив, бывший, видимо, распространенным в обрядах ухаживания (и сохранившийся в предсвадебных играх молодежи на посиделках, девичниках, супрядках, на масленицу, семик, купалу, петровки, святки). Компонент 4 не выражен, он подразумевается. Предикаты 2-го последовательно, через подобие, раскрывают подразумеваемый смысл.

3. Действие-причинение ↔ действие-ответ, передача.

3→4 Щипала и рвала/В саду спелы ягоды (3)./Я спелые — в рукавок,/Зеленые — в кузовок.↔Спелые — матушке (4),/Зеленые — батюшке./За то ему зелену—/Отдал замуж молоду.../На семнадцатом году/За седую бороду (VI, № 27)

Щипать, рвать спелые/зеленые ягоды, возможно, имело не только прямой, но и наговорный смысл: рвать неспелую ягоду — отдавать замуж незрелую девицу (Недозрелая да калинушка — нельзя ее заломать... недоросла красна девушка — нельзя ее замуж брать... (XXIII, № 225)). Батюшке — зеленые как своего рода невербальный ответ, передача по принципу эквивалента.

4. Действие — сигнал, предсказание.

3→4. Расцвели цветы лазоревые.../Распошли духи малиновые.../Я из той травы коней накормлю.../Поведу коней я к батюшке (3).../—Государь ты, родный батюшка.../Не отдавай меня за стара старика.../Ты отдай меня за Ванюшку (4)... (VI, № 30)
Коней кормить, вести к батюшке — сигнал ожидания сватовства, отъезда из родительского дома.

3→4. У ворот трава растет,/У ворот шелковая./Да и кто ж траву топтал,/Да и кто ж шелковую (3)?→Топтали, ломали/Женихи хажалы/Да сватовья богатые (4)... (VI, № 39)

Топтать, мять, ломать траву — ухаживать за девицей, ходить к ней, сватать.

Орудийно-пассивные

1. Действие через действие-замещение.

2→4. Полно, ветры, бушевати,/Сине море колытливо,/Красна де-вушка тосклива (4).../Все сердечушко во мне изныло.../Ретивое во мне перболело.../Пойду с горя я ли в чисто поле.../Я поймаю шельму-канарейку (2).../Посажу ее во клетку,/За серебряную решетку,/За шелкову занавеску. (XXII, 52)

Пойти в чисто поле, развеять тоску, размыкать горе — достичь равновесия, удовлетворив желание действием-замещением (поймать канарейку (соловья), посадить в клетку — заполнить жехниха).

2. Объект — отмеченное место действия.

2←4. *Во саду, во саду (2)...←Там шел-прошел молодчик (4),/ Неженатый, холостой./Он и первый раз прошел,/Остановливался.../Все причесывался.../С милой спрашивался:/—Почему, моя милая,/Долго в саду (2—4) не была?/Или ты, моя милая,/Мною чванишься? (VI, № 20) Сад—место встречи с милой.*

3. Объект, место — отмеченная тема состояния.

1→4. *Маша горкой (1) шла,/Тяжело несла.→Эка горькая (4) судьба,/Несчастливая... (VI, № 36)*

Горка — горькая судьба взаимосотносятся, горка не просто место движения, а обозначение темы состояния, его сопровождения, состояния тяжести*.

4. Действие — отмеченная тема-замещение другого действия (объединение значений типов 1 и 3).

2л→4. *Я пойду, я пойду косить (2)... во зеленый луг... ты, коса ль моя,/Коса ль острая моя.../Не тупись, не тупись, коса... о сыру землю... не влюбляйся ты (4)... парень в девицу... наши девицы—...все изменщицы... (VI, № 41).*

Косить косой, на лугу — любить девицу.

Отношения параллельности многообразны. Они проявляются между компонентами, предикаты которых повторяют друг друга, взаимно отражаются и соотносятся. Смысл, вытекающий из повторения, модально и интенционально различен. Осложняясь, отношения параллельности могут дополнять значения агентности и орудийности, накладываясь на них, образуя совмещенные типы.

Несовмещенные встречаются достаточно редко:

1. Действия, состояния — полное подобие действию, состоянию.

2//4. *Во лугах, лугах, шелковых травах.../Там сидел голубь со голубкою.../И целуются и милуются.../Белыми крыльями обнимаются.../Золотым пером утираются (2)...//У нас во тереме, во теремчике.../Там сидел Иван со свет-Марьею.../И целуются и милуются.../Белыми ручками обнимаются.../Шелковым платком утираются (4)... (VI, № 8)*

2. Действие, состояние с опущением повторяющихся элементов. Сходство по результату.

2//4. *Горемычная кукушка,/День и ночь она кукует,/Себе гнездышко любит.../Хоть слюбует не надолго (2):/Либо на день, либо на два,/Либо на неделку...//Уезжает мой любезный/*

* Немаловажна в данном случае и звуковая аттракция.

Жить за Волгу не надолго (4), / Ой, да не надолго: / Ой, да на одно лето (VI, № 32).

3. Действие, состояние — тема действия, состояния.

2*→4. *Верный наш колодец, / Верный наш глубокий, / Чего стоишь, стоишь, воды нет? / Конь воду, воду выпивал... / Копытами выбивал (2)...*→Как поехал наш-то хозяин, / Как поехал наш-то молодой / В Казань-город, город погулять... / Привезет-то наш-то хозяин... / Казанскую умницу (4)... (VI, № 33)*

Колодец без воды, 'высохший' → неудовлетворенность, необходимость жениться.

4. Действие — сокращенная формула другого действия.

2⇒4. *На Дунай-реке / Гуси плавали, / Гуси плавали (2), ⇒ Меня сватали. / Куда сватали, / Туда не отдали (4)... (VI, № 36)*

5. Действия — обстоятельства другого действия, предшествующие либо сопровождающие, с самостоятельным значением и невыраженным соответствием в параллели.

1//→4. *Не шумит, не гремит, / Сильный дождик (1) идет // → Сомневалась девчонка (4), / Кто до дома доведет? / Отозвался казак / Во зеленом саду... (VI, № 37)*

Скрытый смысл, передаваемый в значениях *шуметь, греметь, сильный дождик* (усиление модальности желаемого, предполагаемого), лишь отдаленно соотносится с последующим содержанием песни.

1//→4. *С гор, горы метелица сметает (1), // → С крутой горы Иванушка съезжает (4)... (VI, № 46)*

Метелица — молодец сходно с соответствием ветер — жених. Если тема ветра характерна для свадебных и предсвадебных обрядов, то параллель с метелицей, возможно, была характерна для обрядов ухаживания. Подобный мотив встречается в песнях игровых, хороводных.

Четыре ступени семантического определения структурной основы синтаксической единицы позволяют выявить не только компонентный состав и характер взаимодействий между компонентами. Они позволяют определить интенциональный и коммуникативный смысл текста, изначальный модальный тип структуры текста. Межкомпонентные взаимодействия оказываются значимыми, границы компонентов — особо напряженными в модальном и интенциональном отношениях как места проявления магического, воздействующего смысла, императивных и акциональных устремлений агента, как точки проявлений соответствующих грамматических значений морфологических категорий фольклорной семантики.

Четыре ступени семантического определения — это ступени взаимного проникновения структурной схемы и семантической структуры, валентностей компонентов и семантики предикатов,

синтаксических значений форм смыслов и значений межкомпонентных связей. Каждая последующая ступень одного является началом другого: одно переходит в другое в ступенях семантического оформления.

Синтаксис формы смысла

Форма представляет собой объединение морфологических свойств (принадлежности грамматическому классу, членства в парадигме, значений грамматических категорий) и свойств синтаксической функции. При этом одно обуславливается другим и следует из другого⁸⁹.

В отношениях взаимной обусловленности находятся принадлежность формы грамматическому классу и ее компонентная функция. Характер семантического насыщения, синтаксическая определенность смысла зависят в первую очередь от этого показателя.

Принадлежность грамматическому классу

Традиционный смысл, передаваемый лексемой, будет различным в реализациях в зависимости от грамматического класса, которому он принадлежит, и компонента структурной схемы, с которым он соотносится. Так, лексема *сад* способна реализовать четыре вида значений:

1. Рай, вырий, райский сад, райские кущи в мифе о первотворении, а также загробный мир, место на небе или под землей, куда отправляются и где обитают души умерших родителей, куда улетают на зиму и откуда вылетают весной птицы, уползают и выползают змеи⁹⁰: как следствие — связь души умершего или ушедшего со змеей, птицей⁹¹, землей, садом — грамматический класс модели внешнего, космогонического компонента.

2. Место рождения, родительский дом, своя сторона, рост и созревание, благополучная семейная жизнь, супружеская любовь, дети — акциональный класс, обрядово-культурный компонент.

3. Красота девицы, расцветание, готовность к браку, предбрачное состояние, невестина сторона — ритуальный компонент акционального класса.

4. Место встречи и гуляния с милым — социально-психологический, реально-бытовой компонент внутреннего грамматического класса.

Значения взаимосвязаны. В употреблении, обрядовых и ритуальных контекстах могут реализоваться одновременно не одно, а два, три и даже четыре значения, в зависимости от морфологи-

ческих и синтаксических показателей формы. В семантической структуре лексемы ощутимы два пронизывающих, осевых начала: благополучие своего (семейное, с родителями либо в своей семье) и потусторонность (связь с душами умерших родителей)— значения категорий объективной данности, освоения и причинения. *Сад* обнаруживает связь с родовым и семейным, с началом, продолжением и концом жизни.

На основе общего возникает отвлеченный тематический облик смысла — тема сада. Это тема особого, отмеченного благополучием рождения, воспитания и жизни в родительском доме, родительской заботы и ласки. Для юноши — место рождения, ласка матери и сестры, место обретения невесты. Для девушки — любовь родителей, забота со стороны отца и брата, ухаживание милого и благополучная семейная жизнь с суженым. *Сад* предстает как витальное место, место жизни — ее зарождения, развития, смерти и нового зарождения; воплощение и источник жизненных сил. Отсюда его отмеченность для всякого решающего жизненного поворота, будь то брак, рождение, смерть, отсюда способность влиять на благополучие жизненного развития.

Тема сада раскрывается в лексемах *яблоня, груша, вишня, малина, виноград, калина, яблочко, ягода, черная смородина*. Помимо тематической близости, смыслы, представленные в словах, обнаруживают устойчивость синтаксических связей, постоянно взаимодействуют в тексте и должны рассматриваться как явления парадигматики.

Смысл определяется последовательно как исходное тематическое значение; как член грамматической парадигмы: '*сад—лес (поле)—гора*' (значение своего пространства), '*сад—лес—дорога*' (морфологическое значение внутреннего ближнего пространства); как член тематического ряда: *сад—виноград, сад—груша—яблоня—черная смородина*; в соединении с предикатами — *поливать, садить, засыхать, цвести*; в сочетании с другими смыслами — *бабушка, девушка, молодец*; в составе компонента структурной схемы и, наконец, непосредственно в употреблении.

Морфологические и синтаксические свойства доминирующего в тематическом ряду смысла (*сад, лес, поле, море, гора*) многообразнее, чем свойства остальных членов ряда. Тематическая зависимость накладывает ограничения на сочетаемость, частоту и свободу употребления, проявляясь парадигматически. В семантическом отношении недоминирующие члены ряда более конкретны и потому более связаны.

Раскачалась грушица, / Перед яблонкой стоячи (2), / Расплакалась Авдотьюшка, / Перед батюшкой стоячи (4)... (XXV, 22); Расшаталась грушица, / Расшаталась зеленая, / Перед яблонькой стоячи (2); Расплакалась Лизавета-душа, / Расплакалась Тимофеевна, /

Перед батюшкой стоячи,/Перед матушкой возрыдаючи (4)...
(VII, № 174)

Из прямой параллели второго и четвертого компонентов должно бы следовать простое определение: груша — девушка, яблоня — родитель или родительница. Однако характер употребления в других контекстах дает основание предполагать, что это только одно из возможных значений, одна из возможных синтаксических форм:

Породила да меня матушка (4), /Породила да государыня,
В зеленом-то саду (1) гуляючи,/Что под грушею под зеленою,
Что под яблонью под кудрявою (1).../(XXV, 284); Знать, ее маменька
(4) в саду (1) родила,/Под яблонькою (1)... (VII, № 14)

Можно бы объяснить через связь с рождением, родительским, женским, девичьим, вдовьим, несчастной долей или воспринять как соответствующий символ⁹⁷.

Полно, солнце, из-за лесика светить,/Полно, красно, в саду яблоньку сүшить,/Полно, девица, по милому грустить... (VI, № 64)

Ой, яблоня моя,/Ты садовая.../Полно ль тебе/В садике стоять?—Уж я год стою,/Я другой стою.../А на третий год/Я листья пущу.../—Полно ль тебе,/Да все Дарьюшка.../Полно ль тебе/В девушках сидеть?—Уж я год сижю,/Я другой сижю.../А на третий год/Я замуж пойду (VI, № 73)

Я малешенек у матушки родился,/Я глупешенек у батюшки женился,/Привез себе жену молодую,/Словно грушу зеленую,/Словно яблочко наливное!.. (VIII, № 225)

Где-ко я-то похóдила,/Где-ко слез-то порóнила.../Тут расти да повьрости,/Яблонья кудреватая/С прутьицём да и с листьицём... (I, № 70)

Связь в таком случае должна обладать способностью сужаться и расширяться, символ — в одно и то же время быть конкретным и обобщенным:

Забегал конь/Во зеленый сад.../Поломал в саду/Грушу черную.../Грушу черную,/Вишню красную.../Молода жена/Востужилася.../—Не тужи-ка ся,/Молода жена.../Наживем мы сад,/Сад не этакий.../Сад не этакий,/Со калиною.../Со калиною,/Со малиною.../Со малиною,/С черной смородиной... (VI, № 79)

Через связь и символику можно объяснить лексические значения слов в фольклоре, но не синтаксическое значение, семантику формы смысла. Груша, вишня противопоставляются калине, малине, черной смородине. Если это противопоставление символов, оно должно быть устойчивым. Однако:

По новым сеням решетчатым/Тут ходила красна девица душа,/Пробуждала удалого молодца:/—Уж ты встань-проснись, удалой молодец,/Пробудись, душа отецкий сын,/Отвязался твой удалой конь/От столба, столба дубового,/От колечка полужоно-

го;/Поломал он весь железный тын,/Прищипал весь зеленый сад/
Со калиною, малиною,/С черной ягодой смородиной! — Не тужи
ты, красна девица душа,/Не печаль ты удалого молодца,/Нажи-
ваем с тобой железный тын,/Разведем с тобой зеленой сад,/С кали-
ною, малиною,/С черной ягодой смородиной! (VII, № 235)

В данном случае ожидаемого противопоставления нет. Как
тогда определить значения калины, малины, черной смородины?
Они могут появляться вместе и раздельно, обозначать единое и
разное, сопоставляться и противопоставляться:

как атрибуты девушки-невесты — Соловей мой, соловей,/Отлет-
ная птищечка.../Да куда ж ты, соловей,/Куда лётал, отлетал?... —
Уж я лётал, отлетал,/Я из сада до сада.../До калины с малиной.../
До черной смородины.../— Да куда ж ты, Иван-сударь,/Куда
ездил, отъезжал?.../— Уж я ездил, отъезжал/Из города до села.../
До тестина до двора.../До Марьиной комнаты... (VI, № 169)

как обозначения замужней женщины, вдовы (калина) и молодой
женщины или девушки (малина)—При долине куст калинушки
стоит,/На калине соловей-птица сидит.../Горьку ягоду-калинушку
клюет.../А малиною закусывает.../Как за реченькой слободушка
стоит.../Во слободке молода вдова живет.../У вдовушки дочь кра-
савица растет.../Ах, прошли, прошли веселые часы,/Миновала
наша прежняя гульба—/Доставалася старому молода.../Не пуска-
ет стар на улицу гулять... (XXV, 300)

горькой участи житья со старым и недолгой, но сладкой любви с
милым — Заезжай, моя надежда,/В калинову рощу./Изволь, ми-
ленький, откушать/Горьку ягоду калину./Какова горька калина,
Таково житье за старым... (VI, № 55); Сроду я тебя, кудрявого,
Не любивала,/За малиной в лес за ягодой/Не хаживала!.. (XXIII,
№ 258)

как противопоставление любви женатого и холостого — Распро-
клятая участь,/Кто женатого любит.../Как женатый-то детина,/
Словно горькая калина.../Распремилая участь,/Кто холостого
любит.../Как холостой-то детина,/Словно сладкая малина...
(VI, № 148)

прежней любви умершего мужа и любви холостого, сватающегося
к вдове (как не заменит малины калина, не заменит любви и за-
боты умершего ласка другого, и любовь вдовы тоже горькая)—
Ой, и всплакнула вдовушка,/Вдова молодая,/Глядячи на высокие
хоромы:/«Вы, хоромы мои, хоромушки.../Ой, и что же вам, хо-
ромушкам,/Да хозяина нету?/А моим ли малым детушкам/Нет
батушки родного;/А и мне ли, молодой вдове,/Нет милого дру-
жочка!»/Что озялса холостой,/Холостой, не женатый:/«Ты не
плачь, не плачь, вдовушка,/Вдова молодая!/Как и я твоим хо-
ромушкам/Да хозяином буду».../«Что не быть, не быть калинушке/

Против ягоды-малины,/Что не быть тебе, холóстому,/Против милого дружокка» (XXV, 311).

Противопоставление калины малине может показаться совсем неожиданным — батюшка, матушка/милый друг: *Пришел к Дуне батюшка.../«Перевези меня, Дунюшка!../В роще калина, темно, не видно,/Соловьёшки не поют.../Пришла к Дуне матушка.../Пришел к Дуне милый друг.../В роще малина, все стало видно,/Соловьёшки всё поют (XXV, 296).*

Калина с малиной имеют отношение к свадьбе: *Калинушка с малинушкой—/Лазоревый цвет.../Веселая беседушка,/Где батюшка пьет./Он пить не пьет,/Родимый мой,—/За мной, молодой, шлет... (XXIII, № 215); к любовной связи: Калинушка с малинушкой—/Лазоревый цвет!/Веселая беседушка,/Где миленький пьет./Он пить не пьет,/Голубчик мой,—/За мной, молодой, шлет... (XXIII, № 216); к рождению и горькой судьбе: Калинку с малиною вода поняла,/На ту пору матушка меня родила,/Не собравшись с разумом, замуж отдала.../За неровнюшку.../В чужу сторонушку — во лиху семью (XXIII, № 289).*

В подобном значении и подобной функции может выступать и рябинушка: *Красная рябинушка/Рано расцвела;/Родимая матушка/Сына родила./Вспоила, вскормила,/В солдаты отдала.../«Не жди, не жди, матушка,/Четыре годка,—/Я на пято летечко/К тебе прилечу,/Весь зелен садочек/Горем обнесу,/Все садовые листики/Слезам оболёю!» (XXIII, № 413)*

Калина с малиной могут иметь отношение и к родительской заботе, воспитанию, пестованию: *Сбереженое дитяtko.../Сберегала ее матушка.../Не давала ветру дунути,/Не давала дождю капнути,/Понесла ее в зелен сад,/Во зелен сад, под яблоньку,/Умывала калиною, утирала малиною.../Приговаривала:/—Ну, будь же, мое дитяtko, бела,/Без белен лицо белешенько,/Без румян щечки краснешеньки!.. (VII, № 69)*

Калина и малина могут означать сестру и брата, сестру — на чужой стороне, брата — в родительском доме: *Как клонилась калина/К сладкой ягоде малине,—/Собиралась сестрица/Ко родному братцу в гости (VI, 201).*

Калина-малина — как смешанное именование девушки-невесты и невесты на свадьбе: *Несправедливая калинушка,/Несправедливая малинушка.../Говорила, что я цвeсть не буду.../Несправедливая свет-Дарьюшка... что я замуж не пойду... (VI, № 49)*

В подобном значении возможна и рябинушка: *Ах ты зачем... рябинушка... долго не цвела?/Ах, да поздно зацвела./Ах, не выцвевши, нельзя тебя, рябинушка,/Нельзя заломать!/Ах, да не вызнавши.../Нельзя... девушку... замуж взять! (XXIII, № 238)*

Калина, черная смородина, повязанные в пучки и брошенные на дорогу как атрибуты свадебного обряда, приворотного дей-

ствия, встречаются часто: *Белолица, круглолица/Красная девица/
При долинушке стояла,/Калину ломала.../В пучочки вязала.../В
дорожку бросала.../Дружка ворочала...* (VI, № 138); *Черная смо-
родина/Зелена положана.../Во пухи повязана.../В сине море
поброшена./Как по том синю морю/Плывет лебедь с лебёдкой,/
Молодец — с молодкою...* (VI, № 30)

Если объяснять значения через связи представлений, толкование оказывается слишком широким и неконкретным, утрачиваются оттенки употреблений. Если объяснять через символы, значения предстают отдельными, мало связанными между собой, связи — непонятными либо случайными, теряется семантическое единство лексической единицы.

Примерами из фольклора легко подтверждаются значения символа, но через символ сложно объяснить значения фольклора, многообразия и тонкости употреблений, не потеряв единства и связей.

В последовательности способов толкования фольклорных значений проследивается закономерность, подобная ступеням уточнения смысла:

1. От поиска связей в представлениях — широкий, общий план, определение очерчивающего, задающего смысла-темы. Объясняется единство, его основа, а не отдельные употребления (Костомаров, Афанасьев⁹³, Потебня, Овсяннико-Куликовский⁹⁴).

2. Через символы — определение структурных элементов единства; связи при этом последовательно не выводятся, внимание сосредоточено на отдельных значениях, единство ускользает, основа предполагается, но ясно не осознается (Потебня, Автамонов, Анучин⁹⁵, Данилов⁹⁶, Клиnger⁹⁷, Водарский, Тульцева, Курочкин).

3. Мотивы — структурные формулы закрепленных значений, определенные предикатом развернутые единицы фольклорной семантики, способные к самостоятельным употреблениям. Однако это еще парадигматический, предшествующий контекстному, уровень определения (Веселовский⁹⁸, Никифоров⁹⁹, Пропп¹⁰⁰, Путилов¹⁰¹, Неклюдов¹⁰², Мелетинский¹⁰³).

4. К семантике употреблений, в последовательности уровней и компонентов семантического уточнения (Тэрнер, Толстой, Мальцев, Хроленко).

Способы, единицы и средства определения (4) при этом различны. Темы, доминантные и энклитические (зависимые) символы — у В. Тэрнера: семантика одновременно вербальная и невербальная, единой организации, единого процесса уточнения, взаимодополнений и переходов ритуального исполнения¹⁰⁴. Реальные, акциональные и вербальные символы — у Н. И. Толстого, упорядочиваемые парадигматически и уточняемые в синтагматических

связях: в зависимости от характера и времени исполнения обряда, в зависимости от диалекта (этнолингвистической системы), в зависимости от функций в обряде¹⁰⁵. Традиционные формулы — у Г. И. Мальцева, символические формы со значениями в традиции и функциями в тексте. Ряды поэтических значений, пересекаясь, очерчивают облик традиционного содержания, определяют функционирование формулы в контекстах, выявляя ее различные смысловые интенции. В контексте «формула никогда не реализует все заложенные в ней поэтические ряды, глубинная семантика формулы — не простая совокупность разнородных значений, но единство — сложное синкретическое единство традиционных смыслов»¹⁰⁶.

При подходе к фольклорному значению с позиций художественной образности семантика различий определяется: функциональным значением образов, их положением в тексте, эмоциональным тоном и содержанием — выражение горя/радости, счастья/несчастья, тоски, печали¹⁰⁷; разделением значений на символы — устойчивые, постоянные и строго дифференцированные по содержанию и художественные образы — метафоры, сравнения, эпитеты — значения широкого объема¹⁰⁸.

С позиций лингвистической фольклористики фольклорное слово воспринимается прежде всего как «условный знак для обозначения чего-то, не вполне ясно определенного»¹⁰⁹, как значение, лишенное семантической определенности¹¹⁰. Различия в степени неопределенности вытекают из различий художественно-эстетической функции. Значительную степень семантической конкретности предполагает анализ фольклорного значения по лексическим функциям, учитывающим семантическую иерархию слова в тексте, его синтаксическую роль, модели управления, парадигматику замен, жанр и художественные особенности¹¹¹.

Однако при любой степени семантической конкретности фольклорные значения в лингвистической фольклористике рассматриваются как значения словарные, не синтаксические. Словарными значениями трудно объяснить грамматические оттенки, обусловленные морфологией традиции, местом в структурной схеме, предикативными связями, синтагматической сочетаемостью. Подвижность системе придает представление о форме смысла, включающей лексический, морфологический и синтаксический уровни семантического проявления; предполагающей последовательность четырежды четырех ступеней семантического оформления.

Различия в значениях предстают как действие системы: в одном случае это различие лексических значений, в другом — различие грамматических классов, в третьем — компонентов структурной схемы или семантической структуры, предикатной

схемы или синтаксического окружения. Главное то, что это различие синтаксических форм смысла.

Синтаксическое значение

Проявляясь как значение формы, синтаксическое значение не может объясняться непосредственно из окружения. Степень его семантического согласования с окружением будет зависеть от компонентных связей: компонента, к которому форма относится, его синтаксической функции и его отношения к другим компонентам схемы.

Отличие грушицы, яблоньки в примере «Раскачалась грушица...» от груши, яблони в «Породила меня матушка...» обусловлено прежде всего разностью компонентов (2/4 и 1-4 — отношения параллельности и места, компоненты 2 и 1); отличием морфологических значений — значений объекта, сопричастного продуцирующей силе, рождению, способного защитить, своего, принадлежащего роду (для первого примера), и объекта, сопричастного верху, отмеченного благом, сакральным.

В первом случае груша, яблоня предстают как вместилища душ, поддерживающих и охраняющих: дерево, береза, яблоня = девушка, женщина, человек; вместилище, позднее — воплощение души человека и божества, его ипостаси и затем — живое, связанное кровной связью — побратим, второе «я» (береза в обряде кумления у Веселовского¹¹²). Во втором — деревья мифического райского сада. Приобщенность к ним в момент рождения приносит счастье и благополучие рожденному. Культурная роль деревьев определенной породы, представления об их способности влиять на плодородие, благополучные роды, счастье человека были характерны для индоевропейцев и для славян.

Связь в традиции одного и другого значений была ощутимой. Груша, яблоня потому, видимо, делают благополучным рождение, что являются или становятся в момент рождения вместилищем родственной души — брата, предка либо живым существом-другом. Известен обычай при рождении ребенка высаживать дерево — как оберег, как талисман, как вместилище его души¹¹³; закапывать под дерево послед с той же целью, при этом дерево наделялось свойством таинственной связи с рожденным¹¹⁴. Мотив этот сохранился в сказках, лирических песнях, свадебных причитаниях: дерево зелено — уехавший жив, дерево сохнет — ранен, убит; кровь, молоко — текут из надрезанной коры.

Возможно, значения отражают представления разных этапов и являются следствием наслоения. В любом случае: связанные ли общей принадлежностью традиции и являющиеся проявлением двойственного представления о дереве либо двух разных

представлений двух разных эпох — значения следует рассматривать как единицы двух грамматических классов. Вопрос об их связи — вопрос о связи самих классов. В словарном отношении это, возможно, разные лексические значения одной лексемы.

Синтаксические функции второго компонента в структуре текста «*Раскачалась грушица...*» и первого компонента во втором примере различны: в первом — несущая, передающая структуру действия четвертого компонента. Во втором — задающая тему четвертого (тему благополучия, отмеченности). Межкомпонентные отношения синтаксической схемы в первом случае агентные — усиленное действие через параллель; во втором — орудийно-пассивные, объект — отмеченное место действия. Роли второго и первого компонентов в семантическом определении одного и другого текстов (типы структур по семантической определенности) совпадают. Это структуры первой ступени — структуры, вводящие смысл-тему.

Грамматическое употребление первой ступени обуславливает значение обобщенное, референт его неконкретен. В предложениях: *Дождь в это время года — благо; Все с нетерпением ждали дождя; Я умру, если не прекратится дождь; Дождь бил в окно и своим стуком не давал мне уснуть* — разность референтов также обусловлена синтаксически и может быть объяснена в четырех ступенях. Вводящая — дождь как таковой, как явление (1). Несущая структуру — дождь необходимый, которого ждут, не всякий, а определенного вида, продолжительности, интенсивности (2). Развертывающая — дождь этот, который идет сейчас, но важно не то, что он именно такой, а что он дождь и что идет (3). Насыщающая — дождь конкретно данный, с конкретными свойствами, будь он другим — возможно, не помешал бы (4).

В грамматическом отношении значения слов *грушица*, *яблонька* полностью совпадают, отличие — лексическое и денотативное (ипостаси, видимо, разных душ). Однако синтаксис контекста пренебрегает различием: важно, что души близкие, родственные, поддерживающие; неважно, чьи и какие именно.

Более или менее точно определить лексические значения не просто. Забытая мотивация, смешения, единство морфологических значений и синтаксических функций стирают денотативную определенность. Грамматическое, коммуникативное вытесняет и заслоняет лексическое.

Следы отличий хранят контексты. Так, *яблоня*, *яблоко* связываются с имеющим отношение к рождению, кормлению, воспитанию: рождающее и рожденное, вскармливующее и вскормленное, выращенное. *Яблоня* предстает как женское порождающее: невеста, многодетная мать, вдова. *Яблочки* — дети, жених, милый, жених и невеста, брат, сестра невесты.

В сюжетах сказок яблоня олицетворяет материнское начало: вырастает на могиле коровушки (матушки) и дает яблочки только своей дочери («Крошечка-Хаврошечка»); сестрица с братцем, убегая от бабы-яги, находят приют у яблоньки только после того, как отведают ее яблочек («Гуси-лебеди»).

Метафорические замены карельских причитаний яблоку предполагают соответствие только «мужское рожденное»: сын, жених, муж, брат¹¹⁵. Женскому рожденному соответствует — ягода, вскормленное грудью¹¹⁶. Не в образе ли яблоня представлялась многогрудая богиня плодородия древних Иштар-Церера? Если признать, что в основе ранней символики лежат представления о реальных свойствах — виде, форме, проявлениях, цвете, то соответствие «яблоко — женская грудь» не покажется странным¹¹⁷. Дерево-мать, кормящее дерево, сок которого подобен материнскому молоку и мужскому семени, было известно у ндембу, замбия¹¹⁸.

Груша может быть истолкована как мужское, имеющее отношение к женскому, либо женское, имеющее отношение к мужскому: супружество, любовная игра, связь. Я пойду ли молодёнка, / Во всю тёмну ночь гулять, / Своего дружка искать. / Я нашла дружка милого... / В зеленом саду под грушей... / Уж мы станем-ка, Ванюша, / С тобой горе горевать. / На кого беда сказать?.. / Призадумалась девица, / Она белы ручки ломит, / Горючие слезы ронит, / Свое дитятко качает... (XXIII, № 278)

В зеленом-то саду груша / Зашумела, зашумела. Отчего же в саду груша / Зашумела, зашумела?.. / Молода его жена сына / Породила, породила... (XXIII, № 298); Сокól, Сокóлович / Летал, полетывал... / По садам, по вишеньям... / Под зеленой грушицей / Искал, искал... / Себе лебедушку (IX, № 278).

В зарайском свадебном обряде отец невесты, передавая ее жениху приговаривает: *Вот тебе жана, / От бога саждана. / Сей лен да канапли, / Спрашивай рубашки да партки. / Руби дрова, / Спрашивай щи. / Люби, как душу, / Тряси, как грушу (XXXI, 1, № 427)*. Подобный мотив можно встретить в новеллах Возрождения¹¹⁹. В мифе о появлении людей у замбия первочеловек никакого пола приобретает мужские признаки, съев плод дерева определенной породы. В сказках известен сюжет, когда у поевшего плод вырастают рога (рог, хвост, нос, длинные уши), т. е. приапические атрибуты¹²⁰.

Возможно, груша (укр. дуля), так же как *фига* (инжир), первоначально обладала фаллической семантикой. Или, что также возможно, как лотос у индийцев, на какой-то стадии означала соединение мужского и женского, продолжение жизни, соитие. Этим можно объяснить равную причастность груши мужскому и женскому, постоянную связь в ней того и другого¹²¹.

Повторяющаяся соположенность — *груши и яблоки; калины, малины и черной смородины* — объяснялась через отсутствие определенного значения: как называние единого через два — *hen-diadys*¹²², как ассоциативный тематический ряд с единством темы, как побледнение семантики.

Два и три как единое — такая же форма смысла, как и одно, только более отвлеченного. При объединении не исчезают исходные значения компонентов, появляется совместный смысл, выражаемый своего рода фразеологической единицей — устойчивой формулой.

Груша и яблока совместно обозначают то, что могло быть выражено самостоятельно и отдельно: брак, зачатие, рождение, кормление, воспитание юноши, девушки.

Калина, малина, черная смородина из парадигматики текстовых упогреблений могут быть определены как триединое обозначение жизни в женской ее ипостаси. Актуальность тройки для свадебной обрядности (возможно, женской инициальной обрядности) заставляет искать в ней универсальную символику белого, красного и черного. Цветов жизни, обозначающих начало, верхнее белое, свет, семя, материнское молоко; земную жизнь, рождение, кровь, огонь — красное; и смерть, болезни, уничтожение, прах, кал — черное¹²³.

Белое, красное и черное, как цвета жизни и смерти, по свидетельству Тэрнера, могли употребляться одновременно только в обрядах посвящения и погребальных: обрядах перехода в новое состояние, от жизни к новой жизни. Поскольку обряды посвящения у славян как самостоятельные не сохранились и были ассимилированы свадебными¹²⁴, цветовая триада могла перейти к ним.

Калина в тройке могла осознаваться не только как ягода, но и как цвет либо цвет, переходящий в ягоду (недозревшую калинушку нельзя рвать). Как носитель белого, она становится близкой мужскому началу, верху, свету. Амбивалентность белого, несущего жизнь и смерть (белая смерть, цвет смерти — белый, умершие, выходцы с того света — в белом¹²⁵), особенно в отношении к женскому, убедительно показана В. Тэрнером.

Горечь калины, связанные с ней горькое житье, недоля, жизнь как тяжкий опыт, последовательно отражены в фольклоре. *Калина*, возможно содержит идею перехода белого в красное — цвета и ягоды, идею созревания и его неизбежности, идею перехода в новое состояние, связанное с продолжением жизни.

Формы, определенные состоянием калины: куст, куст в цвету, цвет, куст в ягодах, ветка, ягода, сорванная ягода или цвет, пучок — все это одновременно и формы смысла. Подобно космическому телу у М. Бахтина¹²⁶, калина могла содержать в себе идею начала, продолжения и конца, переходящего в начало, и совокуп-

ность всех своих форм как форм жизни — в единстве. Отсюда сложность определения синтаксического значения формы, поскольку текст редко раскрывает форму и состояние предмета. Отсюда возможность определения смысла в обобщенном, грамматическом виде.

Степень конкретности выраженного значения зависит в первую очередь от синтаксических условий употребления. Именно синтаксическая функция определяет коммуникативную подробность смысла, делает его достаточным для понимания.

Представим, что вдруг забыто значение *дождь*, а из сохранившихся контекстов можно вывести только, что это природное явление, связанное с отсутствием света, тепла, солнца,—значение обрастает определенными коннотациями. Предложение *Дождь в это время года* — благо вряд ли что-нибудь нарушает в сложившихся представлениях. Общее значение, реализуемое в нем, не противоречит предположительному значению. Предположительное значение, согласуясь с употреблением, вместе с тем уточняется.

Можно предположить путь, который, если не приведет к точному значению, не будет в целом противоречить ему. Поскольку таково свойство синтаксической семантики: не всякий раз называется нечто конкретное, коммуникативный смысл может оказаться важнее номинативного.

Вот почему в фольклорной семантике грамматическое, вытесняя лексическое, иногда важнее с коммуникативной и интенциональной точек зрения, чем исходное номинативное значение. Парадигматика текстов сохраняет и передает не столько номинативное, сколько синтаксическое: традиция (словарь) исчезла — употребления остались. Реконструкция словаря по употреблениям невозможна без обращения ко всему, что сохранилось от забытой традиции. В то время как определение коммуникативного и синтаксического значения (лексического лишь отчасти) с опорой на парадигматику текстов возможно.

Так, *виноград*, номинативное значение которого представляет близким значению *груши*, в грамматическом отношении — коммуникативно и синтаксически — от нее отличен.

Пойду, схожу к тятеньке, спрошуся, / Сударыне-матушке доложуся: / «Позволь, позволь, тятенька, в роще погулять, / виноград поспелый посмотреть». / *Рвала, рвала Настенька, устала, / Рвала, рвала Карповна, устала, / Легла полежати — задремала. / К ней ясен соколик, соколик налетал, / Он тихую речь, соколик, говорил: «Спи-ка, спи-ка, Настенька, да проснися: / «Не к отцу идешь ты, а к свекру, / Ты не к матушке, а к свекровке...» / Пробудивши Настеньку, сокол стал дарити... (IX, № 245)*

Пойду ль я, выйду ль я да... / Во дол, во долинушку... / Сорву ль я, вырву ль я... / С винограда ягодку... / С винограда виную... / То

ль мне не ягода.../Я цветочек сорвала.../Я веночек совила.../Кинуся, брошуся.../Ко молодцу на колени.../«Скажи, душа, скажи, свет,/Скажи, любишь али нет?..» (XXV, 333).

Виноград имеет отношение к мужскому, зрелому (зеленому), готовому к браку. Отсюда предикаты *цветети, поспевают, щипать, рвать, угощать* (есть=любить у Потебни). Отсюда соотношенность с третьим компонентом структурной схемы, принадлежность акциональному классу, соответствующие морфологические значения и синтаксические функции:

3 → 4 (состояние, действие — пояснение через подобие)

Виноград расцветает./А ягода поспевают:/Виноград — Сергей-сударь,/Ягода-то — Верушка... (IV, 193)

Виноград цветет.../А ягодка... расцветает./Алексей-от свет... ко жене припадает:/«Уж ты Дарьюшка Афанасьевна.../Роди сына ясна сокола.../Роди дочерь лебедь белую...» (IX, № 391)

3 → 4 (действие, состояние — сигнал, предсказание)

Иван-сударь лебедин.../По новым сеням прошел.../Сапожком скрипанул.../Соловьем свистанул.../Свет-Марьюшку скликанул.../Свет-Марьюшка услышала.../По новым сеням бежала... Повстречалась у ворот.../—Сходить было в огород.../Не поспея ли виноград.../Не пора ли его рвать.../Свет-Ивана угощать... (VI, 97)

Функционально-компонентная закрепленность винограда, постоянство грамматических признаков обусловлены жесткой обрядовой функцией виноградий: отношение к браку, символика брака, пожелания счастливого брака в зимней календарной и свадебной обрядовости¹²⁷.

Виноград — ягода, цвет, веточка, виноградник — при всем различии номинативных сторон значения, в употреблении неизменно сохраняет единство функциональное, единство коммуникативной и синтаксической семантики: Уж ты винная ягодка./Виноградная веточка,/Наливной хорош яблочек.../Удалый добрый молодец Свет-Дмитрий Иванович! (VII, № 73)

Виноград обнаруживает постоянную и закономерную связь с яблочком, ягодой. В ряде случаев возможно совпадение грамматического значения и синтаксической функции: *Князь хорошенький, молоденький,/Князь — верба кудреватая,/Князь наливная ягодка (винная ягодка, тот же виноград)... (IX, № 42); Ой, изюмная ягодка.../Ты Иван Да Васильевич,/Уродился хорош и пригож!/ У тебя ли лицо белое,/Как у лебедя у белого,/А походочка винная... (IX, № 361)*

Ягода, земляничка в отношении к женскому часто употребляются в той же функции и в том же значении, что и *виноград* в отношении к мужскому: *Это ягодка сладка,/Земляничка хоро-*

ша!./Это девица статна./Душа красна хороша. (VII, № 13); У кого бы жена молодая.../Ровно ягода налитая... (VII, № 90)

Ягода в тематическом отношении двузначна. Ягоду рвать, щипать, брать — в саду, на пригорке, полянке и в темном лесе, на крутых горах — не одно и то же. Рвать ягоду в саду предвещает или обозначает брак, счастливую семейную жизнь; в лесу — несчастливую, горькую любовь, женскую долю.

Лес в одной из функций противопоставляется саду. Не лексическое значение противопоставляется лексическому значению, а морфологическая форма смысла в своем морфологическом значении другой форме в пределах одной парадигмы. *Еще с гор-горы метелца сметает./Со другой горы не сват ли созжает?/Шалку снял, коня унял, послушал./Не кукует ли в темном лесе кукушка?/Не свищут ли в зеленом саду соловьи?/Ему чайло — кукушечка кукует./Ажно в горнице Прасковьюшка рыдае (IX, № 254)*

В другом употреблении лес и сад представляют смыслы функционально и грамматически совпадающие: *Из-за гор, гор высоких./Да из-за лесу, лесу темного.../Да из-за садику зеленого.../Да из-за моря, моря синего.../Да поднялася туча грозная... (IX, № 269)*

Лес и сад как темы ни параллельны, ни противопоставлены. Семантикой употреблений, т. е. коммуникативно-синтаксической семантикой, могут актуализироваться тематические признаки, в одном случае способные быть основанием сходства, в другом — противоположности.

Лес ни в одном из контекстов не связывается с мотивом родителей, выращивания, кормления. Лес — место, куда отправляются в силу необходимости. Действия, безопасно совершаемые в саду, в лесу могут быть сопряжены с неожиданностью и опасностью: в лес по ягоды пойти — заночевать под кустом, заблудиться, в траве запутаться. Благословение, даваемое матерью, — от огня, от воды, от леса (в лесу не заблудящее).

Эпитеты *лесу* и *саду* (темный и зеленый) точно передают темоорганизующие признаки и характер соотносительности одного и другого: благополучие и надежность — для сада, таинственность, угрюмость, гиблость — для леса. Лесная кукушка горька и печальна (садовая — гнездо вьет). Молодцы, встречаемые в лесу, таинственно проходят мимо, с ними нет разговора, нет контакта. Лес становится в один ряд с болотами зыбучими, грязями черными. Приезжающие из леса — чужие, разлучники, похитители.

Темные леса — рубеж дальнего перехода в ряду *море, поле, река, мостки, досточки* — перехода из потустороннего мира в этот мир. Домипирующие определители леса «то» и «чужое» (темное) — два теомобразующих признака его семантики и одновременно

менно морфологические значения категории освоения модели внешнего.

В *лесе* и *саде* смешаны мотивы чужого и своего. Отсюда настороженность: *Да из-за лесу, лесу темного, / Из-за садика зеленого / Да там летит стадышко серых гусей, / Было стадо белых лебедей. / Да стадо со стадом смешалось, / Да в стаде лебедь потерялась.* (IX, № 268) *Лес* — лебеди // *Сад* — гуси. *Лес* — лебеди — неженатый, чужой // *Сад* — гуси — брак, семья. Часто лебеди-гуси выступают как объединенная форма смысла, связанного с лесом.

Лес, море, поле, гора принадлежат одному грамматическому классу и потому могут быть взаимосвязанными парадигматически и функционально. При этом соотношенность *горы* с *лесом* отлична от соотношенности *леса* с *морем*, *леса* с *полем*. На *горе* *лес* растет, *гора* и *лес* часто пространственно совмещены: *Ты взойди-ка, красно солнышко, / Над горой взойди над высокой, / Над дубровушкою взойди над зеленою* (XXV, 280). С *горой* (камнем), как и с *лесом*, связано *море*: пойдю на круту гору, посмотрю ли я на сине море; можете, ветры, горами качати, горами, лесами; за горы высокие, за моря за глубокие.

Лес на горе — часто дубрава. *Гора* в *море*, *дуб* на *горе* — пространства первотворения, место связи между верхом и низом¹²⁸. Тема *леса* — это и тема пути, нехоженной, неезженной, дороги, пути из-за моря, *леса* (горы), поля, к реке (переправе), по мосткам, по грязям, болотам, водам, к дому, саду, и пути туда, на тот свет, на ту сторону, от дома¹²⁹.

Лес, в одном из значений, не место обитания, а место посещения и встречи, место остановки на пути от дома и к дому. Души *леса* в какой-то период — души умерших: не успокоившиеся еще, не завершившие свой путь¹³⁰. Незавершенность их воплощается позднее в представлениях о лесной нежити как о бездуховных сущностях: люди и нелюди в одно время, не бессмертные души и не мертвецы, а формы — нежить¹³¹. Животные и птицы *леса* ни враждебны, ни дружественны. Они выступают как посредники только в ответ на добро и, отплатив, освобождают себя от необходимости помогать впрод. Сила их несовершенна, она темна и ограничена.

Положение *леса* в модели мира можно определить как промежуточное: на *горе*, на пути между землей и небом, между тем светом и этим.

В зависимости от грамматического класса *лес* способен передавать различные морфологические значения, вступая в разные парадигматические и синтагматические соотношения. *Лес* — чужое, неопределенное, темное (морфологические значения категории освоения, отмеченности, причинения, свойства, действия — акциональный класс). *Лес* — место встречи с приходящими с того

света, промежуточное на пути место остановки и пребывания незавершенных и темных сил — ср. лес в «Божественной комедии» Данте (морфологические значения объективной данности, вертикально-горизонтального устройства, оформленности — грамматический класс модели внешнего). Лес — место встречи суженого, место гуляния девушек, сбора грибов и ягод, умыкания и охоты на куну, лисицу; чужая, мужняя сторона (морфологические значения включения, социального устройства, приобщения, рода — социально-внутренний класс).

Синтаксис форм, воплощаемых в *лесе*, неизбежно связан с особенностями тематические устройства, обусловлен морфологическими. Вербальный тематический ряд и морфологическая парадигматика смыслов, не совпадая, пересекаются в синтагматике, во взаимодействии, порождают семантику синтаксической формы.

В парадигмах 'лес — гора', 'лес — сад — дорога', 'море — лес — поле — река — мостки (доска)' лес может замещаться словами *бор*, *дубрава*, *роща*, *ельничек*, *березничек*, *осинничек*: 'роща — гора', 'дубрава — гора', 'роща — доска', 'бор (дубрава) — сад — дорога', 'ельник, березник, осинник — мостки'.

Заместители уточняют смысловую форму, и в этом их роль в тексте. *Роща* — не всякий лес, а лес третьего или четвертого компонента, место действия (калинова роща, в роще вырубить доску). *Дубрава*, *бор* в реализациях обнаруживают связи с *горой*, *соловьем*. Это лес первого или второго компонентов, положительные, светлые начала леса. *Ельник*, *березник*, *осинник* воплощают тему чужой стороны, обнаруживают связь со свадебной обрядностью, часто встречаясь в причитаниях невесты.

Заместители *сада*, *горы*, *моря*, *поля*, *реки* не столь многочисленны. Иногда это могут быть отношения подчиненной парности, и пара выступает как наименование единого: *сад-огород*, *сад-виноград*, *море-озеро*. Чаще это функциональные заместители с приращением смысла: *гора — угор — берег*, *река — ручей*, *поле — поляна*, *море — озеро*, *сад — огород*.

Пара *гора — берег* характеризуется равностью обоих членов, каждый из них может быть и наименованием собственной темы, и пересечением двух тем. Об этом свидетельствует общий эпитет: *гора — крутая*, *берег — крутой*, и общая связь с *водой*, *морем*. Замещения (тематические определители и парные наименования) — разновидности вербального оформления смысловой формы и одновременно уточнители смысла.

Следующая ступень семантического уточнения — уточнение в сочетаемых, в предикатах и синтагматической роли.

Синтагматические сочетаемости

Предикаты и роли

Синтагматика семантики в основе своей предикатна. Все разновидности синтаксических структур и единиц можно интерпретировать как разновидности предикатных проявлений, предикатных ролей и ролей при предикатах.

Предикат выступает как объединяющий центр, импульсатор ролей, валентная деятельность которого predeterminedена грамматически. Предикат управляет смыслами, синтагматической ролью. Предикатом управляет грамматика фольклорной семантики. Во всех своих признаках, следовательно, предикат проявляет себя так же, как любой традиционный смысл, но это смысл, способный к собственной грамматической активности, к управлению, к построению структуры. Притягивая роли, предикат распространяется в них, проявляя тем самым валентные свойства.

Предикаты структур находятся в отношениях взаимного подчинения. Синтагматическая роль при предикате может быть занята другим предикатом, который способен к разворачиванию собственной структуры синтагматических ролей.

Так, пространственные отношения в традиции могут быть интерпретированы предикатно, последовательным включением и взаимным пересечением предикатных действий и синтагматических ролей. Отношения распадаются на две группы предикатных проявлений: локутивной функции и направления. Локутивная функция может быть двух видов: местонахождение (там, где) и движение (туда, куда или откуда). Направления — это векторы движения или точки нахождения внутри/внутри, вне/вовне.

	Местонахождение	Движение	
Внутри	Вне	Внутри (внутри)	Вовне
В пределах	Рядом	К пределам	За пределы
На границе (с краю)	Далеко	В пределы	Рядом и вдоль границ
	В промежутке между этим и тем	В пределах	За пределами (за дальним краем)
		Насквозь	
		По границе (по краю)	

Частные значения — результат насыщения одного из общих либо объединение нескольких общих: место обретения, место призыва, обращения, место встречи, место выполнения действия и др. Степень семантической определенности функции зависит от морфологических и синтаксических значений предиката.

Производная от местонахождения и движения — функция **рубежа**. Значения рубежа могут быть следующими: исходный, промежуточный (преграды либо препятствия), пограничный.

Семантика **агентно-контрагентных** отношений может быть определена в предикатах сочетанием показателей способа действия и вида действия по источнику:

1. Призыв к изменению местонахождения и характера проявления признака в свою пользу, призыв к соучастию и поддержке: действие собственное, произвольное с целью вызвать ответное действие в свою пользу (собственное и закономерное): *Ты взойди, взойди, красно солнышко, над горой взойди над высокою.*

2. Направленное перемещение (собственное, произвольное) вдоль границ и в промежутке. Действия могут быть выражены глаголами идти, брести, ковылять, ехать: *Мимо лесуку, мимо сидуку пролегла, легла дороженька, там шли-прошли добры молодцы.*

3. Действие — изменение объекта (собственное, закономерное) с целью приобретения другого объекта: *Уж я вырублю доску, доску дубовую — сделаю гусли, гусли звончатые.*

4. Действие — импульс по отношению к другому действию. *Как сказали свет-Марье Иван-сударь едет — не успела свет-Марья со скамьи шубу взять* (Сказали — едет → взять шубу).

Схемы сочетаемости в синтагматической роли приобретают большую определенность, становятся выражением почти конкретного смысла (полная определенность достигается в условиях исполнения). Действие синтагматической роли можно показать на примерах перехода к реализациям.

Первая колонка — схемы сочетаемости, вторая — предикатные выразители синтагматической роли, третья — вербализация, четвертая — возможное значение.

	Шататься	— не травушка, не ковылушка в поле шатается	— молодец ранен, убит
Поле-травка	Сохнуть, вянуть	— сохнет, вянет в поле травка	— одиночество девицы
	Шелковая	— все шелковая в полюшке травка	— ожидание милого
Ветер-поле	Чистое дунуть	— дунули ветры по чистым полям	— ожидаемое сватовство, приезд незваных гостей
Поле—море	Отправиться	— во чисто поле, на сине море	— предстоящая разлука с милым
(Поле)—море—вода	Носить	— как во поле в синем море девки воду носят	— ожидание и предстоящая встреча с милым

Поле—(я)	Чисто глядеть	— гляну в чисто поле — мой ми- ленький едет	— встреча с ми- лым, ожида- ние милого в разлуке (воз- можно, смерть милого на чуж- бине)
Поле—мо- ре—ряби- на—ветер— дождь— солнце	Стоять буйный качать мочить сушить	— в чистом поле к синю морю рябина стояла, буйным ветром рябину качает, сильным дождем рябинушку мочит, красным солн- цем — сушит	— разлука с ми- лым, грусть, тоска в одино- честве без него
Поле—жни- во	Жать яровое чужое	— яровое поле жать, чужое жниво— жать	— любить свою/ чужую жену
Поле— ячмень	Жать зелен	— в чистом поле зелен ячмень жала по колосонку	— ожидание встречи с ми- лым

Схемы первой колонки при любых условиях сохраняют доминирующую тему связи: *моря и поля, поля и травы, поля и жать*. Поле — постоянный носитель темы независимо от употреблений, постоянный сигнал предиката перемещения, сигнал пограничного рубежа на пути к дому или от дома и связанного с ним ожидания.

Схемы третьей колонки — объединители входящих значений и предикатов. Они позволяют более определенно судить о возможной реализации. Устойчивые вербализованные схемы-формулы часто становятся носителями собственного значения, степень полноты которого зависит от синтаксической функции. При этом может раскрываться и общий, тематический признак значения схемы: настороженность, предчувствие, ожидание, тоска — без дальнейшей конкретизации.

Вербализованные схемы в своей грамматической и функциональной устойчивости могут характеризовать жанр. Предикат жанра оказывается закрепленным в синтагматической роли; роли — выражены и вербально устойчивы, слова в сочетаниях становятся сигналом жанра, их значения — постоянными в загдах, заклиниях, заговорах, плачах, гаданиях. Постоянство жанрового значения вербализованной схемы, его устойчивость и утраченная мотивированность делают необходимым знание предикатной фразеологии жанра.

В этом отношении интересны подблюдные песни. Вербализованная схема в них предстает как носитель ситуативно заполняемого, но всегда определенного смысла. Значения объединяют гадательный и заклинательный комплексы; что выпадет — будет и пусть будет. Основу составляет предикат, и внутренний и проявляемый словесно: предикат связи ситуации, референта, слова, желаемого, возможного и действительного.

Предикаты жанра (подблюдные песни)

Подблюдные песни обладают собственной семантической устроенностью. Характерной чертой является доминирование нескольких схем-типов при довольно большой свободе выбора средств выражения — черта, характерная для загадок¹³².

Такими предикатными схемами-типами можно считать: развести квашню — наполнилась до краев; курочка-погребушечка — греблась на завалищке, выгребла золот перстень; две жемчужины, кот-кошурка, пара — два яблочка, два клубочка — катались, ходят вместе, сталкиваются, раскатываются; кузнец, мельник, мужик, старушка — идет, бредет; предикаты — ехать, идти, попасть куда-либо, искать, найти, принести что-либо; печь пироги; расплетать косу; ковать; кататься на саночках. Что означает неожиданные и случайные изменения, продолжение длящихся состояний, соединения, разъединения, ожидания, поиски, столкновения.

Семантика строится на соответствии/несоответствии предикатной пары *ждать — получить*, первый член который не выражен, он — в ситуации, второй — раскрывается в тексте. Объединяющий предикат предстает как последовательно развивающаяся общая идея: *Ходит Никола по погребу, ищет Никола неполного, что неполного, непокрытого, хочет Никола дополнить (чего кому недостает — тому Никола, бог даст)*.

В связи с отношением к предикату слова в тексте приобретают не только собственное, но и предикатно-ролевое значение — чего не ждешь, не хочешь, что неприятно: блоха, таракан, рогатый баран, веник, лапша, толкач, подворотня, корыто, пузище, крючок и др. Предикатная обусловленность порождает возможность лексических замещений: *Уж ты, цветочка-богатырочка... Кто не идет, поглядит и любитесь... (V, № 224); Вясит рушник на воротах... Кто ни идет, им вытирается... (V, № 225); Стоит церковка благовеценья... Кто ни идет мимо — богу молится... (V, № 226)*. Общность коммуникативно-синтаксических значений создается общностью синтагматической роли при предикате: кто ни идет — поглядит, кто ни идет — вытирается, кто ни идет — богу молится.

Возможен обратный случай: слово под влиянием роли приобретает разные, иногда противоположные синтаксические значения. *Я брошу подушку / Через ворота, / Ты пади, моя подушка, / Через ворота... / Во высокой терем, / Из высока терема / На гесовую кровать, / Да кому на той подушке / Спать-почивать? / Еще отроку / С отроцицею, / Добру молодцу / Со девицею... (XX, № 243); Бросали подушки / Через ворота... / Пади, моя подушка, / Не на землю... / В саночки... / В возки-скачки / Пошевёночки... / Кому а*

этих саночках ехати?.. /Отроку со отрочицею.../ Добру молодцу со девичею... (XX, № 244); Ой, валялась подушечка /По подволоке (чердак)... думала подушечка, В грязь упадет... упала подушечка... в золотце/ Да возле молодца... (V, № 231)

Подушка, таким образом, имеет четыре предикатных приращения: кидать через ворота, во высокий терем на тесовую кровать; попасть в золотце, возле молодца; упасть в грязь, на землю (валяться на чердаке); упасть в саночки. Первое — гадаательно-заклинательное, желание благополучного исхода. Второе — собственно благополучный исход: удачное замужество. Третье — неблагоприятный исход: упасть в грязь, мимо либо остаться в девках (валяться на чердаке). Четвертое — близкая свадьба.

Подушка, следовательно, приобретает значение в зависимости от предикатной роли, вне ее оно неопределенно. Ожидать ли замужества или нет и какого — зависит от того, куда попадет подушка, от ее предикатных характеристик. Предмет — воплощенное ожидание в подблюдной песне — может оказаться знаком равно сбывающегося и обманутого ожидания: то, чего ждешь, не происходит, а происходит другое либо обратное.

Предикатная характеристика для предметов второго и третьего грамматического классов очень важна. Это определитель их синтаксического значения. Подушка в зависимости от синтагматической роли, обусловленной жанром, может стать знаком различных, иногда прямо противоположных состояний: одиночества без милого либо сиротства — в слезах потонула, омочилась, предстоящей свадьбы либо ее расстройстве — как в приведенных примерах; присутствовать как тема брачной ночи или любовной связи — постель стелить, изголовье класть.

Полотенце — это долгое ожидание и предстоящая дорога: *По колодцу хожу, /Полотенчик стелю (V, № 222); По горам хожу, полотно стелю.../ Еще похожу, еще постелю (V, № 246)*. И любовная связь: *Покрывала бы я садочек, /Покрывала бы зеленый/ Тонким белым полотенцем... /Кто женатого любит.../ Он жене своей накажет... /Он накажет ей, расскажет... (V, № 403); Как андроновски ребята вороваты... хотяг Маринушку поймати... хотяг Петровну целовати... Через тонкое бело полотенце... Догадался Павел-сударь, догадался... Не пустил свою Марину за ворота...— Уж я сам свою Марину поцелую... Через тонкое бело полотенце... (VI, № 131)*. Семантика полотенца, полотна, полотница становится понятной в связи с его функцией в свадебном обряде: соединение жениха и невесты полотенцем, полотенца — на дружке и поезжанах¹³³.

Саночки обнаруживают связь с календарными (масленица, святки), похоронными, свадебными обрядами: семантика движе-

ния, перемещения в пространстве, перехода на чужую сторону, на тот свет, вверх, к небу, по небу, к солнцу, от земли, от дома. На санях хоронили у восточных славян¹³⁴; приезжали за невестой (свадебный поезд), возили молодых, катали их на масленицу. Считалось, что катание на санках с горы способствует росту посевов, плодородию новобрачной пары¹³⁵.

Для подблюдных гаданий характерны три значения: готовность выйти замуж (саночки снаряжены, подушечки раскладены); предстоящая свадьба (подушка падает в саночки); готовность выйти за первого встречного (саночки, самокаточки — куда поглядят, туда и покатают). Между употреблениями одного слова обнаруживается связь, однако именно предикат уточняет значение — как организатор структуры и как насыщающее.

Предикат как насыщающее — это прежде всего носитель собственного значения: по воду ходить — искать встречи с милым; постелюшку стлать — мила друга ждать; у изголовья стоять — выражать покорность мужу, необходимую по обряду; сидеть на берегу реки — ожидать вести от милого, иногда с того света; рвать цветы — перед гаданием на судьбу, на суженого; рвать ягоды — искать встречи с милым. Отношения между предметом и предикатом можно рассматривать как равные отношения взаимного дополнения.

Характер отмеченности называемых действий часто прямо обусловлен их ритуальным, обрядовым смыслом: черную смородину, калину во пучки вязать, на дорогу бросать — действия, означавшие совершение сговора, согласие отдать невесту; разувать девушке молодца — действие, предшествовавшее совершению обряда брачной ночи, первоначально имело продуцирующий смысл, позднее осмыслилось как выражение покорности мужу; бить, хлестать плетью со стороны мужа — обладало тем же значением¹³⁶; есть вишни и виноград — знак заключения свадебного договора; вырубить доску, сосновую, дубовую, кленовую, мосты мостить — встречать гостей с того света (святки), встречать поезжан (свадьба); завивать кудри, развивать кудри, расплетать косу — действия перед свадьбой, соединением молодых, как знак перехода их в новое состояние; в дудочку, на гусях играть — мотивы любовной игры (семик, русальная неделя); охотиться на куну, лисицу — добывать невесту. Характер закреплённости может быть иным, обрядовый смысл — забытым.

Первоначальное «как делается то-то и то-то, так будет (пусть будет) другое» лежит в основе закреплённого предиката вербальной схемы. Так, развязывание узлов, завязок, раскрывание ящиков, сундуков, крышек, замков, распускание веревок, отвязывание от столбов, откапывание камней, спускание коней с узды, выпускание животных из стойла, загона, распуты-

вание, распахивание ворот, дверей, расстегивание застёжек — все это должно было стимулятивно способствовать достижению желаемого (облегчить роды), имело не реальный, а магический смысл. Действию предшествовали действия, усиливающие его необходимость, обязательность своим подобием и предшествованием.

Коня поить, кормить, седлать, объезжать, на коне ехать, уздам звенеть, коней вести, коня беречь, коня дарить, табун гонять, траву топтать, копьем в ворота ударять, траву косить, белье колотить, поле жать; ткать, прясть, шить, вышивать — все это в семейных обрядах и обрядах ухода за животными имело определенный смысл: что желалось и чему следовало способствовать либо то, от чего следовало себя оградить.

Первоначальный смысл отождествления забывается, остается элемент игры — обрядовой, ритуальной, гадательной. Игра значениями создает ситуацию приобщения, включения в род — загадки¹³⁷, похоронные, свадебные обряды, святки (три загадки жениху в сказках, три загадки молодца — девице в лирической песне: *Что растет без кореньев, / Что цветет без алого цвету, / Что шумит без буйного ветру?*). Такую же функцию имели загадки сфинкса Эдипу¹³⁸.

Первоначальная реальная основа магических действий, их реальная мотивированность способствуют закреплению вербально-предикатной схемы. Совместные действия, совместная еда — что как не знаки согласия, почтения, любви, а отказ — знак иного отношения: *не сяду я, не сяду на чужого коня доброго, — не поила, не кормила, на речушку не водила; Я не буду твоего коня поить... не буду вороново... Не твоя я слуга — батюшкова... Не тебя я слушать — магушку... Когда буду твоя... стану слушать тебя* (1, 264)

В зависимости от условий исполнения, от контекста вербальные схемы могут обладать как реально-бытовым, так и обрядово-магическим значениями, проявляя их совместно и одиночно. Условия реализации во многом предсказываются схемой внутреннего предиката модально-интенциональной схемы.

Внутренний предикат модально-интенциональной схемы

Схемы внутреннего предиката — это схемы предиката текста, который восстанавливается по проявленным функциям (местам схемы) на основе парадигматики текстов данного предикатного типа. Типология внутренних предикатов, таким образом, представляет собой структурную типологию текстов. Текст, как правило, актуализирует один из предикатов традиции.

Предикат, подобный предикату класса мотивов-актов в понимании Мелетинского¹³⁹.

Внутренний предикат можно представить в виде пирамиды с вершиной и исходящими от нее лучами, на гранях которой размещаются места и функции других предикатов. Ощущение связующей вершины может быть далеким и близким, в зависимости от дальности и глубины, от степени погруженности предиката в традиции.

Схемы предикатов проявляются в сюжетном движении, основу которого составляет путь к равновесию от нарушенного равновесия, к полноте, удовлетворенности от неполноты, неудовлетворенности — гомеостазис (Пропп, Греймас, Бремон). Компонентная принадлежность предикатных мест — этапов движения (мифологическая, обрядово-культурная, ритуальная, социально-психологическая, реально-бытовая) ощутима в схеме внутреннего предиката. В ней находят отражение управляющие и валентные свойства, характер строевых и насыщающих взаимодействий элементов текста. Это фактически семантическая структура отношений текста. Внутренняя модель синтаксической единицы, соотносимой со сложным предложением.

Внутренний предикат передает также виды модально-интенциональных значений и может считаться поэтому предикатом модально-интенциональной схемы. В фольклорной лирике наиболее регулярны схемы зова — опасности, ожидания, выбора, приворота.

Схема зова — опасности, структурный вид (1).

I. /Неудовлетворенность/ → /Поиск/ → Препрада ↔ Зов

↓
Возможность преодоления → Опасность

↓
Что ожидает

↓↑
/Разрешение/

(в косых представлены этапы сюжетного движения — предикатные места, в текстах часто не выраженные).

— Молодка, молодка, молоденькая, /С кем тебе, молодка, ночку ночевать? /С кем тебе, молодка, зимню коротать? /Лягу спать одна, да без милá дружка, / Без милá дружка обуяла грусть-тоска. /Грусть-тоска, горе берет, далеко милый живет, / Далеко-далеко на той стороне. /Машет мне милой правою рукой, / Правою рукой, шляпой пуховой: /— Перейди, сударушка, на мою сторонушку. / — Рада бы я перешла, да перелода не нашла, / Переход нашла, жердочка тонка, / Жердочка тонка, речка глубока. / Как на той на речке купался бобёр, / Купался, купался, не

Обрядовые пространства семика — река, берег, (гора), лес, поле; основные действия — завивание венков, бросание в реку, девичьи кумления, обряжение и завивание березки, кумление с кукушкой и березкой, бросание дерева в реку. Каждый элемент и действие, обладая собственным значением, выступает одновременно как носитель общего, представитель общей предикатной схемы. Можно выделить следующие сочетаемостные (1) и предикатные (2) единства в их модально-интенциональных значениях (3):

(1)

Березанька = девица-парень

Девица — Речка
Окно

Девицы — Венки
Березка
Лужок

(Я) — Трава — Венок
Цветок
Прутик
Веточка

(Я) — Дубовая ветка
Гора — Речка

(Я) — Цепочка — Лесок
Речка — Бережок — Лужок

Девица — Речка — Венок
Бережок

Гора — (Я)
Кумушки

(2)

Колыхаться = парня дожидаться, придать, есть вместе

Под окном у девицы речка разливается

Гуляние на лужке, завивание венков, березки, кумление девушек

Из травы цветочки рвали, веночки плели

Пойти на гору, срубить дубовую ветку, бросить в речку

Бросить золотую цепочку в речку — плывет, тонет, ко бережку клонит, песком засыпает, лужком зарастает

Пойти на речку, на берег, на бережок, стать вета на берегу, кинуть венки: плывет/тонет?

На горюшке четыре двора, в тех дворах четыре кумы, кумушки-голубушки, сестрицы мои

(3)

Схема приворота, схема связи

Схема связи с потуречкой стороной, схема той стороны

Схема обрядовых действий

Схема обрядового действия: плетение венков

Схема обрядового действия: гадание

Схема гадания и ответа

Схема гадания и открут бережок, стать вета

Схема кумления

последовательный отказ жениха от них и выбор последнего (девицы) — вариация схемы выбора, обрядовый смысл которой состоит в имитации нежелания, вынужденности отдавания невесты¹⁴⁰.

Инвариант этой схемы — перебор и выбор одного из возможных. Схема сохраняет определенность даже в том случае, если начальная и конечная точки, иногда сама троекратность, в тексте не выражены. *Нам сказали: наш Иван-то грозён, / Он грозён, грозён да не милостивый. / Он проехал мимо тестина двора, / Он ударил копьём в новы ворота: / — Дома ль тесть, дома ль теща моя, / Дома ль жизнь-радость Танюшка моя?* (троекратность) / *Если дома, чтобы вышла ко мне, / Чтобы вышла ко мне и со встрела меня. / А Татьяна испугалася, / За подружек хоронилася. / Уж вы, девушки, подружки мои, / Схороните меня, горькую...* (VI, № 6)

В том случае, когда схема редуцирована и троекратность не развернута, распознавание схемы оказывается возможным благодаря особой отмеченности предикатных единиц — носителей типовой ситуативности: ударить копьём в ворота (трижды), проехать мимо двора, позвать, ответить.

Возможны вариации и объединения схем. При объединении схемы обычно редуцируются. Возможно введение в схему звена другой схемы, что сопровождается изменением обеих — основной и включенной. Развитие схем, их структурные и исторические трансформации требуют специального структурно-типологического рассмотрения. В основе всех схем независимо от вида частного модально-интенционального значения лежит схема единой предикатно-волевой интенции: предикатная схема парадигматики традиции.

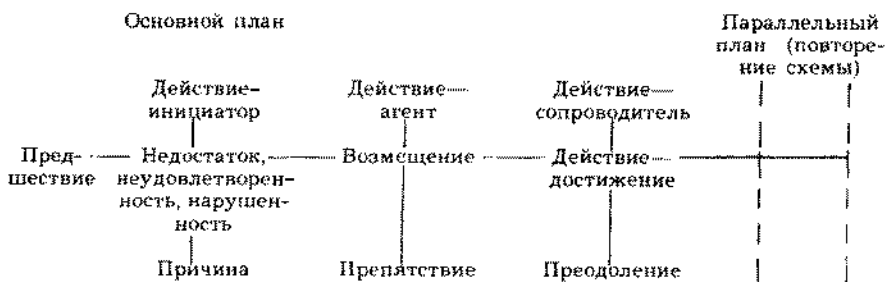

Схема двуполюсна, имеет основной план и параллельный. Параллельный план не обязательно полностью повторяет конфигурацию основной схемы, поскольку переходом к нему может быть любой предикат ролевой структуры основного плана, а

вид параллельной схемы зависит от входного предиката — вершины всего построения.

Тема единой ролевой интенции по-разному способна интерпретироваться и уточняться в зависимости от текста. Исходная структура распространяется, детерминируется, редуцируется, в результате чего схемы текстов перестают восприниматься как проявления единой схемы.

Процесс этот можно наблюдать на примере обрядового цикла: единое интенциональное действие развивается, опосредуется, предикаты расходятся, образуют собственные схемы. Общая схема (модель) обрядового цикла как синтаксическая единица может быть соотнесена со сложным синтаксическим целым — со своими закономерностями, связями, семантикой переходов, взаимодействием полипредикативных частей-компонентов. Входящие синтаксические значения, определяясь последовательностью компонентных, функциональных, сочетаемостных, предикатных, структурных признаков, предстают как глубокие и многоместные образования.

Синтагматика обрядового цикла (песни семика, масленицы)

Обрядовое действие представляет собой взаимодействие вербального и невербального компонентов смысла, находящихся в отношениях взаимного уточнения и дополнения¹⁴¹. Внутреннему предикату подчинены обе составляющие. Будет рассмотрен только вербальный, песенно-текстовый компонент.

Обрядовый цикл семика, или русальной недели, отмечаемого в конце весны — начале лета, в культовом отношении трехосновен: культ растительных сил, культ умерших и девичий культ¹⁴². Все три основания находятся в отношении взаимной обусловленности и взаимной стимуляции. Взаимообусловленность порождает неоднозначность, семантическую тройственность употреблений. Мир природы, мир умерших, мир живых связуются женским молодым началом (агентом обряда). Именно девушки и молодые женщины — основные и единственные производители обрядовых действий. Исключение составляет день поминовения на русальной неделе, в котором участвуют все члены коллектива — и мужчины, и женщины, и молодые, и старые¹⁴³.

В текстах семика находят отражение схемы общефольклорные, общеобрядовые и собственные, семицкие. Общее проявляется в структуре и синтагматике; собственное — в характере семантических насыщений, в акцентах, в ключевых предикатах, развивающих идею обряда.

Обрядовые пространства семика — река, берег, (гора), лес, поле; основные действия — завивание венков, бросание в реку, девичьи кумления, обряжение и завивание березки, кумление с кукушкой и березкой, бросание дерева в реку. Каждый элемент и действие, обладая собственным значением, выступает одновременно как носитель общего, представитель общей предикатной схемы. Можно выделить следующие сочетаемостные (1) и предикатные (2) единства в их модально-интенциональных значениях (3):

(1)

Березанька = девица-парень

Девича — Речка
 \ О /
 /

Девича — Венки
 \ Березка /
 \ Лужок /

(Я) — Трава — Венок
 \ Цветок /
 \ Прутик /
 \ Веточка /

(Я) — Дубовая ветка
 \ Гора — Речка /

(Я) — Целочка — Лесок
 \ Речка — Бережок — Лужок /

Девича — Речка — Венок
 \ Бережок /

Гора — (Я)
 \ Кумушки /

(2) Колыхаться = парня дожидаться, придти, есть вместе

(3) Схема приворота, схема связи
 Под окном у девичья речка разливается

Схема связи с потусторонним, схема той стороны
 Гуляние на лужке, завивание венков, березки, кумление девушек

Схема обрядового действия: плетение венков
 Из травы цветочки рвали, веночки плели

Схема обрядового действия: гадание
 Пойти на гору, срубить дубовую ветку, бросить в реку

Схема гадания и ответа
 Бросить золотую целочку в речку — плывет, тонет, ко бережку клонит, песком засыпает, лужком зарастает

Схема гадания и открута
 Пойти на речку, на бережок, стать вета на берегу, кинуть венки: плывет/тонет?

Схема кумления
 На горюшке четыре двора, в тех дворах четыре кумы, кумушки-голубушки, сестрицы мои

Зелен сад — (Я)
 Подружки — Батюшка

Пойдем в зелен сад с подружками, спро- Схема вопрошения
 сить у батюшки о ми- умершего родителя
 лом дружке

Поле-Сад — Вода
 Батюшка-(Я)-Полотенце

Не у места садов вы- Схема неблагополуч-
 рос, у батюшки в ого- ной любви и пре-
 роде, в чистом поле, рере, в чистом поле, прятствия к ней (же-
 поливала б я садочек натый) водку ключевую, по-
 крывала б я зеленый чистым белым поло-
 тенцем

Поле — Девица
 Липенька
 Береза
 (ель, сосна)

Во поле липенька (бере- Схема кумления с
 за), около нее ходит, под березой (липой)
 ней сидит девица

Девица-Венок-Старый
 Цветок Молодой

Кому доставался — ста- Схема предска-
 рому (молодость не сдер- ния
 жать), молодому, ровне

(Я) — Калина — (В город)
 Лужок — Венок — Река
 Ручьи

Калину ломать, венок Схема обрядового
 вить, в новый город слать вопрошения
 милому: замуж иди, умершего жениха
 вдовой сидеть?—вдовой (жених-мертвец,
 посиди, я сам к тебе буду, жених с того све-
 как реки разольются, ру- та, с той стороны)
 чечки пополнятся

(Я)-Цветок — На головоньку
 Лесок — Венок
 Направо/налево

Склонить голову нале- Схема гадания,
 во—измена милого, рас- предсказания
 ставание

Берег — Венок — (Я) —
 Подруженьки
 -Гроб — Дом — Милый
 Венец — Окно

Вы подруженьки мои, Обрядово-куль-
 приходите ко мне, снаря- говая схема (за-
 дите меня как невесту к гробное общение
 венцу, положите во гроб, возлюбленных,
 несите мимо дому его,—я брак); возможно,
 бы рад, открыл; либо ми- остатки мифоло-
 мо несут милого — мать гической схемы
 окошко заперт

Девка-Вода-Гора-Яблоня
 Ведро Дубь
 Коромысло

Пошла девка по воду, Обрядовая игро-
 бросила ведры под гору, вая схема: загад-
 коромысло — на гору, ка
 станьте-ка ведры дубчи-
 ком, коромысло—ябло-
 ной

Жара-Калина-Цвет-Белый
Дождь (малина) Красный

Калина-малина, в лозе Схема параллель-
стоишь, не процветаете? по-предсказую-
жары боишься? дождю щего плана (кали-
ждешь?—зацвела б я бел- на-девица)
лым — пташки облюют,
зацвету я красным—лю-
ди обломают

(Я)—Калина — Дружок
Лужок Батюшкин сад

Во лужку куст калины, Схема параллель-
срублю под корешок, по- ного плана (кали-
сажу в сад; расти, кали- на-любовь с мо-
на, не качайся, живи, лодцем)
дружок, не печалься

Соловей-Гнездо-Кукушка
Долина — Дубрава

Кукушка, не вей гнез- Схема параллельно-
да край долины, а го плана (остатки
свивай край дубра- мифологической
вы—никто дерева не схемы)
подрубит, соловья не
погубит

Птичка-Травка-Сокол
Поле — Дуб

Птичка по полю лета- Схема параллельно-
ла, в травке сокола го плана (предска-
искала, сокол взлетел зующего, объясняю-
на дубочек щего, гадательного)

Лес—(Я)—Три пружочка
Поле—Береза—Три гудочка
Балалаечка

(Схема песни «Во по- Схема заламывания
ле береза стояла») березки, обрядовой
игры, гудения

Девки-Лен-Паренек-Речка-
(Я)—Дол-Цветочек
Гора, бережок
Яр
Березка Песок

Посеяли девки лен во Обрядовая игровая
долу на горе, повадил- схема выбора, лю-
ся паренек, лен топ- бовной игры и изме-
тал, цветы рвал, в ны (прибило к берез-
речку кидал—приби- ке)
ло к березке, к яру,
к желтому мелкому
песочку

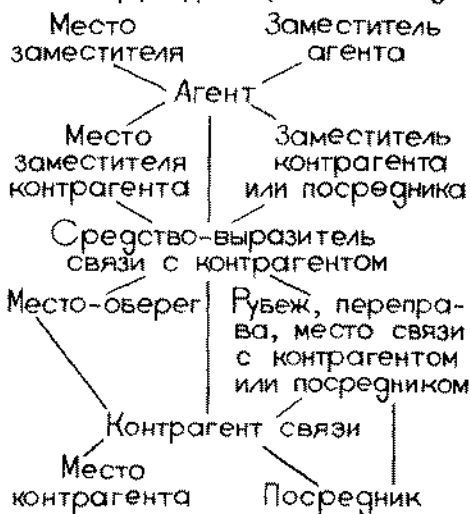
В обряде возможны общефольклорные игровые схемы: на море белье колотить, поджидать милого на коне (схемы обрядов ухаживания); идти домой после встречи с милым задней улицей, переулочком, серой уточкой, горностаюшкой, колечушком, семечком; из колодца воду брать, коня поить; постель стелить, изголовье класть; разливалась вода, расстилалась трава, собирались девицы; ходить в лес (сад) гулять; косить травку-муравку; в поле, долинке соловьюшко калинку клевал, малинкой закусьвал, прилетели два сокола, сажали в клетку (вынужденный брачный выбор); вода заливала луга и болота, калин мостик.

Объединение схем дает возможность представить вероятную предикатную структуру обрядового цикла в целом:

Схема насыщения:

Ее структурно-ролевой вид:

Составляющие элементы схемы функциональны и знаменательны каждый в отдельности. Соединяясь, они образуют линии взаимодействия: линию связи (береза = девушка — молодец), линию замещения (береза — девушка, цветок — молодец), линию опосредования (девушка — венок — молодец), линию берега (девушка — берег). Самостоятельно значимы отношения венок — девушка, венок — молодец, молодец — речка, речка — девушка. Их направленность и смысл различны.

По вертикали схема представляет собой сочетание комплексов замещения — поле, девушка, береза; опосредования — девушка, лужок, цветок, венок; гадательного комплекса — венок, берег, речка; комплекса отношений контрагента — берег, речка, молодец; место/, молодец, бабушка; комплекса посредника — молодец, речка, бабушка. Каждый из них воплощается в обрядовом действии кумления, гуляния, плетения венков, завивания, заламывания березы, бросания венков в речку.

Левая и правая части схемы — это соответственно места и контрагенты ключевых предикатов. Осевая линия (девушка — венок — молодец) наиболее существенна — это линия связи, контакта, линия агентно-контрагентного отношения.

Схема отношений строится с учетом местоположения элемента. Логика построений (место — агент — контрагент) дает возможность выявлять отсутствующие, не выраженные значения. Так, схема посредника недостаточно очевидна: агент этой

схемы — умерший родитель, контрагент — молодец (одновременно контрагент центрального отношения), в то время как место (речка) — не место его нахождения, а место контакта с ним. Местонахождение, видимо, общеизвестно, недостижимо (загробный мир) или табуировано.

Не полна также схема контрагента (*молодец*), в ней не определено место: возможно, оно известно и его узнавать не надо, либо его надо узнать, и это составляет одну из задач гадания — где находится молодец и что с ним? Связь посредника и контрагента ощутима: умерший родитель, видимо, знает о молодце, поскольку к нему обращаются с вопросом (вещее знание умершего, общность местонахождения — загробный мир, та сторона).

Смысл и назначение обряда выводятся по отношениям осевой и складываются из соединения мифологического, обрядово-культурного и ритуального значений. Мифологические элементы выступают как насыщающие и мотивирующие распространители схемы: мотив кручения колеса, мертвая подруженька, смерть одного из возлюбленных, измена одного из них, мотив инцеста брата и сестры. Обрядово-культурный компонент отражен в действиях кумления (с березой, кукушкой), гадания (контакт с умершими, вопрошения, знаки-ответы), оградительных (береза, липа, сосна).

Цель обряда (как следует из предикатной схемы) — не только предсказать, узнать, но прежде всего сделать контрагент агентом действия, побудить его к ответу, движению (продуцирующие функции весенней обрядовости). Морфологические категории императива и действия становятся центральными. Симметрическое построение предикатной схемы отражает интенцию: воздействовать с целью получить ответ либо добиться ответного действия (предикатное эхо контрагента).

Предикатная структура масленицы отлична от структуры семика. Отсутствует как таковой гадательно-предсказующий комплекс, характер агентных отношений и сам агент иные. Смысл обрядовых действий состоит не в приобщении миру сил, не в стремлении ими преисполниться, не в вопрошении и предсказаниях, а в стимуляции, способствовании, вызывании, кликанье. Смысл масленичных отождествлений (*колесо, гора, блины, солнце, катания, кручения, чучело Масленицы*) не в переходе сущностей, как в семике (*береза — девица, молодец — цветок; связующие венки, цепочка, веточка*), а в стимулировании результата путем игры подобий, через их множественность, полифункциональность¹⁴⁴.

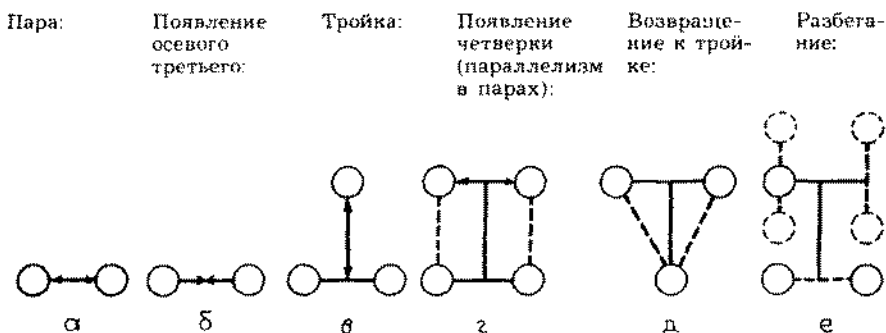
Масленица (первая неделя марта, языческий новый год) связывается с культом растительных и природных сил (аграрный культ), культом умерших и культом самой Масленицы.

Центральные отношения в масленице и семике различны. В семике это отношение желаемого соединения, агент — женское молодое, контрагент — мужское отсутствующее, умершее, либо ушедшее, старое, либо молодое. В масленице — отношение встречи/прощания, прихода и отправления. Агент и контрагент осевого предиката — коллектив, люди и Масленица (*праздник, чучело, человек-заместитель, само божество*).

Осевой предикат масленицы имеет два полюса, тем самым порождая отношения регулярной парности. В масленичном цикле характерная для фольклорной традиции двоичность становится смыслодержающей и смыслонаполняющей. Пара не обязательно выражена, однако отсутствие одного из членов не создает неполноты, второй член присутствует в сознании.

Отношение пары не самостоятелно, оно требует разрешения и подразумевает третий член как основание или продолжение пары. Равновесие достигается в тройке, о чем свидетельствуют наблюдения над бинарными оппозициями и троичными классификациями¹⁴⁵, отношениями симметрии и асимметрии¹⁴⁶. Каждый из членов пары вступает в равные, но различные по значению отношения к основанию, к центру (рис. а), в результате чего формируется третье, промежуточное звено (рис. б), еще не самостоятельный член, но способный стать самостоятельным (рис. в).

Третье, вступая в отношения к основанию пары, создает двоично-троичную одновременность (2 + 1, третье из двух), получая тем самым способность раздваиваться (2 и 1, 1 и 2). Создается отношение четверки (рис. г), которая предполагает сложный, неоднородный характер взаимодействия членов: в комбинациях и совместно, по основаниям и по элементам. Способность к раздвоению (рис. е) и соединению с рядом стоящим (рис. д) — свойство любого из членов, вариации числовых групп многообразны. Число в фольклоре потенциально множественно и подвижно.

Отмеченные числа фольклора и наделенные значением¹⁴ 1, 2, 3, 4, (5), (6), 7, (8), 9, 12 могут быть интерпретированы в различных соотношениях:

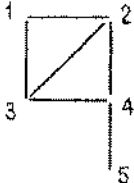
1 — единица, целое, верховное божество, космос, начало;

2 (1+1) — контраст, пара, женское, земля/небо;

3 (2+1) — равновесие, мужское, законченность, вертикальное устройство мира (верх, низ, середина), тройственность божества (троица), семья (отец, мать, дитя);

4 (2+2) (3+1) — статичность, опоры начал, образование, четыре стороны света, четыре конца, четыре угла, четыре окна, четыре времени года;

5 (4+1) — развитие, продолжение с изменением, переход от четверки к последующему, кольцо, круг, круг, четыре угла и центр, крест, ритмическая фигура развертывания в плаче, ¹ причете, песне: *Ой, как сёго дни (1), сёго денька (2), / Ой, сёго дни (3), денька белова (4), / Да по утрице ранова (5)...* (III, 90);

6 — двоичные (3+3, 4+2) и троичные (2+2+2, 3+2+1) комбинации и структуры, значимые числовые соотношения значимых компонентов; встречается также как ритмическая фигура организации в текстах песен составлением двух шестерок (6+6), т. е. двенадцати — числа завершенности, совершенства и окончательности;

7 — магическое, вертикально-горизонтальное устройство мира (3 и 4), семерка верховных богов в славянской традиции, дни недели, комбинация 4+3;

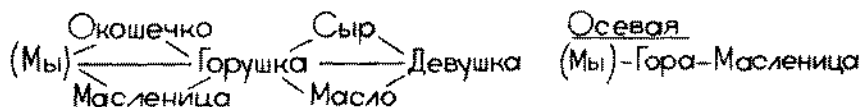
8 — число различных комбинаций с четверкой (4+4), двойкой (2+2+2+2), семеркой (7+1), завершение плюс продолжение, круг — крест с промежуточными осями, роза ветров;

9, 12 — комбинации чисел с различными значениями производных, числа завершенности и конца.

Числовой предикатный классификатор масленицы — двоично-троичная одновременность тройки в сочетаниях 1+2 и 2+1 (девушка и два молодца — черный и белый; сыр, маслице — горушка; речка — два купались, старый с молодым; я — соловейко и перепелка; девица — теща и зять; сыр с маслицем — ямочка; князь — брат с сестрой; два молодца — князь), а также равнозначные тройки: три горы каменные, три ямы глубокие, три луга зеленые и др.

Осевое звено единой предикатной схемы обряда — встреча/прощание, приход/отправление — последовательно отражается в производных структурах и схемах. Это прежде всего схема обрядо-

вого сооружения горы в ожидании масленицы:

А мы масленицу дожидали, /В окошечку поглядали.../ Сыром, маслицем поливали, /На горушку выходили, /Сыр и с маслицем выносили. /Сыром, маслицем поливали... (V, № 273).

Желаемые свойства горы связываются со свойствами молодого женского, которое выступает в данном случае не как агент, а как сопутствующее и параллельное контрагенту: *Чтобы горушки были катливые, /Чтобы девушки были гудливые (Молодушки лопотливы, /Девчонки балматливы)... (V, № 275)*

Агентно-контрагентное отношение может быть и таким:

Против милого двора /Сумаченная гора, /Сукачена, сумаслена, /Пивом, медом улита, /Каблучками прибита, /Пошатнулся каблучок, /Да повалилась на бочок, /Погляжу молода — лежу, /Я на левом на боку... (V, № 277)

Агентно-контрагентные связи, будучи обратимыми, реализуют подобие семидкой тройки (девушка — венок — милый): гора — Масленица — женское/мужское. Масленица в предикатном отношении оказывается не безразличной к признаку пола, однако он не детерминирован и совместен. Можно предположить возможность различных вариаций: травестированный образ, андрогин, воплощение в женском мужского и в мужском женского, мужское старое (ослабленное мужское), что можно рассматривать как появление общего в паре мужское/женское — то и другое одновременно (продуцирующий смысл обряда).

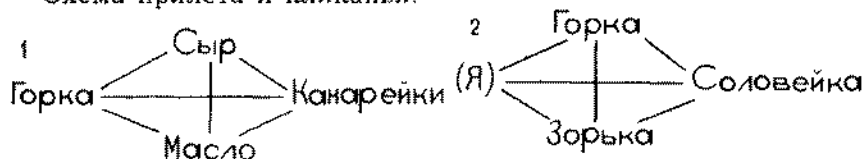
Прилетающие на гору птицы, клюющие сыр, масло, разбирающиеся (канарейки, ласточки), — вероятно, отголоски древних мифологических представлений: птицы, которые вылетают из загробного мира, вырия, и приносят веспу. Главная птица масленицы, судя по текстам, соловей. Его зовут, кличут «с горки под зорьку», называют «братчиком».

С соловьем связываются остатки древнего мифологического сюжета¹⁴⁸: гнездо при долине, в дубраве, у дороги, пожар, гнездо сторело, перепелка — его сестрица. Если поставить это в ряд

с отголосками других мотивов, отраженных в масленице,— борьба двух начал, белого и черного, старого и молодого, холодного и горячего, то можно восстановить вероятные связи: приход весны — появление соловья — рождение молодого мужского (тепла, света, солнца).

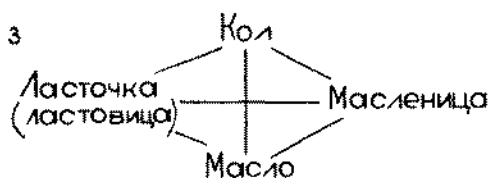
Похожий сюжет сохранился в шотландской сказке. Два великана, злой и добрый, холодный и теплый, вступают в единоборство. Теплый великан погибает. При помощи огня к жизни его возвратили две птички — малиновка и крапивница, отчего перышки у малиновки вспыхнули и сгорели. Потом отросли, однако грудка малиновки с наступлением холодов становится красной. Смена времен года, переход от холодного к теплему, ожидание солнца, кликанье весны и тепла находят отражение в масленице, и элементы соотносимого с этим мифологического сюжета, видимо, не случайны.

Схема прилета и кликанья:

1. Налетели канарейки... Нашу горку раскопали... Сыр и масло поклевали... (V, № 279)

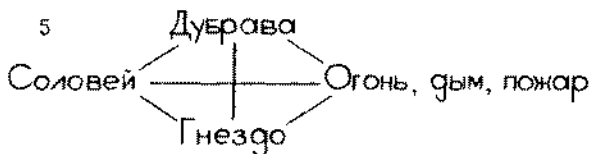
2. Крикну я, свистну я под зорьку... Соловейку, люли, соловейку. Соловейка ты ж мой, родный братчик... А чего ж ты ко мне в гости не летаешь?... А я прилечу — ты ж все плачешь... А как улечу — зарыдаешь. А я, сясстрица, — за лесок, а ты в голосок. (V, № 283)

3. Прилетела к нам ластовица, /Села ж она на колу,/ Кидает масло по колу... (V, № 284)

4. О, братенька мой, соловейка... — Ох, мы прилетим, а ты п(ы)лачешь. Далека ты нас провожаешь... За т(ы)ри горы, за крутыя... За три й церкви, каменныя... За три ямы глубокия... За три й луга зеленые ...За три поля широкия... За три леса й за тёмныя... Я горы пройду з заступами... Я церкви пройду... Я реки пройду... (V, № 291)

4. Горы — церкви — ямы — луга — поля — леса (схема встречи/прихода с чужой стороны, преодоления рубежа на пути)

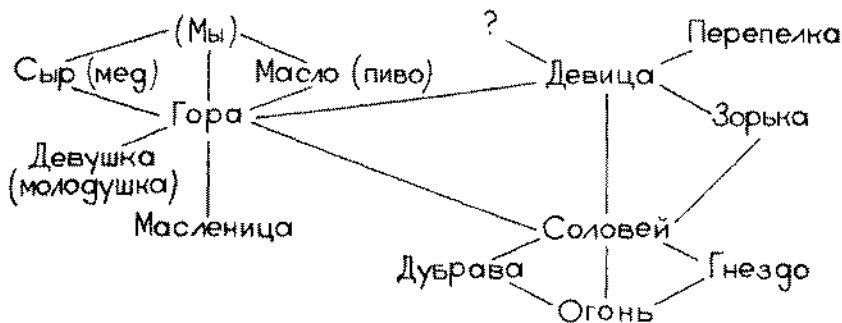
5. Как ишли-прошли скоморошки... /Ийны срезали по прутку.../ И сделали по гудочку... /Сеяли жар по полям.../ Да пускали дым по дубравы... /Соловьево гнездо спопалено,/ Как и сам соловей под небес полетел... (V, № 286)

Тексты масленицы в жанровом отношении разнообразны. Предикаты — темы свадебной обрядности (катание на вороных конях, вытаптывание травы, огорода, купание в быстрой речке) подчас перекликаются со схемами, характерными для семика, купалы, петрова дня: батюшка — за рекою; веночек носить; срезание прутчков-гудочков.

Не закрепленными в жанровом отношении, всеобщими оказываются многие схемы: верба — вода; брат — сестра; двор — ключи; конь — отъезд, разлука; расчесывание волос — заплетение косы, плетение кудели; смерть возлюбленных — вырастание деревьев на могиле (дуба, березы); туман — солнце — дуб, гуляние под дубом; завивание кудрей, раскачивание яблони в саду; охота на рысь, бобра, шитье шубы и др.

Собственно масленичных тем и предикатов меньше: поиски огня, поджог, имитация смерти милого, два молодца (черный и белый) и одна девица, гуляние на горе, вода с горы, катание на саних с горы. Объединяясь с общетрадиционными, они оказываются включенными в единую предикатно-ролевою схему обрядового действия.

Предикатная структура масленицы имеет три совмещенных осевых отношения, три основания: мы — гора — масленица, девица — гора — соловей, девица — соловей — огонь.

Схему третьего основания можно восстановить в полном виде следующим образом:

Смысл отношений схемы можно бы представить как известный мифологический сюжет умирающего и рождающегося вновь мужского начала: нарушенная вредителем связь — вынужденная разлука — ожидание — возможность встречи в определенное время — зов. Отмеченность зари (солнца, света), леса, горы (место встречи), соловья, перепелки (заместители душ, приносящие весну и тепло), огня (одновременно положительное и негативное начала — тепло и уничтожение). Однако отсутствие достаточных свидетельств восточнославянской мифологии не позволяет делать определенные выводы. Предикатная схема обряда подверглась редукции и трансформации, поэтому первоначальный смысл масленичного культа можно представить в самом общем виде, с опорой на необходимое единство обрядов календарно-аграрного цикла, о котором писал В. Я. Пропп¹⁴⁹.

Если поставить отношения третьей оси в связь с двумя предыдущими: ось горы — масленицы (ожидание прихода) и ось горы — девушек (приобретение свойств горы), возникает вопрос о роли горы в обряде. Гора — это способствование: ее поливают маслом, сытят сыром (угощение, привлечение, облегчение пути, прихода). Это место связи с потусторонним, откуда ожидается приход. Это место обитания либо место контакта с контрагентом. Кто он? небесный жених? — на это указывают мотивы свадебного обряда в цикле ожиданий и встреч. Вероятно, масле-

ница связана и с тем, и с другим, и с третьим. Однако остаются неясными мифологические основы.

Гора обнаруживает связь с *солнцем*: *огонь*, *зорька*, имеющие отношение к горе, имеют отношение к *солнцу*. Однако связь слишком общую, общемифологическую (солнце встает из-за горы, ночует за горой, за горой место его обитания). Собственно масляничный смысл связи *горы* и *солнца* не вполне ясен. Если обряд — это часто проигрывание мифологической ситуации, а на такой обряд похожа масленица, то, какой именно миф (а не только мотив) лежит в ее основе, ответить трудно. Выходов и связей много, но связи слишком общие. Необходимо определение смысла насыщающей и предикатной основы всего годового календарно-обрядового цикла, для того чтобы установить в ней место масленицы.

Функциональные типы лексических фольклорных значений

Лексические значения в фольклоре вывести сложно. Необходимо этимологическое исследование семантики отдельных слов, подобное исследованиям обрядовых и мифологических значений. Поскольку в фольклоре взаимодействуют значения коммуникативно-синтаксические, значения-функции, первоначальные номинативные значения из парадигматики текстов с достаточной определенностью не выводятся. Забытая традиция сохраняет грамматическое единство. Един грамматический облик смыслов фольклорной парадигматики, смыслов, обладающих собственными морфологией и синтаксисом, общих у фольклора с традицией. Слова же суть выражения грамматических форм, морфологических и синтаксических форм традиционных смыслов. Вербальный и смысловой ряды в фольклоре с точки зрения устройства самостоятельны.

Понятия «словарь фольклора», «лексическое фольклорное значение» к слову, т. е. вербальному плану выражения, имеют не прямое отношение: опосредованное смыслом — как лексической и грамматической единицей семантики. Соотносимый с другими формами — предметными, акциональными, кинетическими — смысл внешне безразличен к характеру выражения. Равным образом он может быть передан вербально, предметом, ритуальным действием, движением танца, жестом¹⁵⁰. Внутренне он неразделен с ним: предмет, слово, действие не носители смысла, а сам смысл (Леви-Брюль, Зеленин, Тэрнер). Следовательно, и понятия «словарь фольклора», «лексическое фольклорное значение», с одной стороны, безразличны к слову как форме выражения, с другой — одновременно для смысла и того, что его передает, т. е. и для слова.

Слова в фольклоре прежде всего выразители синтаксических значений, но в синтаксическом значении лексическое оказывается невыделимым, совпадающим с ним. Смысл и синтаксическая роль, воплощаясь в лексической функции, образуют единство лексико-синтаксического значения слова. Номинативная сторона фольклорного значения слова оказывается незначимой без синтаксической модально-интенциональной, компонентной, ролевой, структурной, предикатной — одним словом, без его функциональной стороны.

Слово в фольклоре вступает в парадигматические и синтагматические взаимодействия. Важно увидеть смысл, передаваемый словом, определить его функциональный вид, степень конкретности, морфологические значения, разграничив тем самым лексическое (номинативное), морфологическое и синтаксическое. Лексические значения в фольклоре, сохраняя синтаксическую функцию, восстанавливаются лишь в известных пределах, обусловленных степенью коммуникативно-интенциональной конкретности передаваемого смысла.

Воспринимаемые как многозначные, с неопределенной семантикой, синонимичные, антонимичные, семантически близкие или тождественные, слова-лексемы фольклора суть воплощения синтаксических, коммуникативно обусловленных функций. Функции вступают в отношения замещения, близости, противоположности, нелексические (номинативные) значения традиции, не сохранившей свое референтное (денотативное).

Денотаты, лексические значения и функции, образуя взаимодействующие, но не пересекающиеся ряды, могли бы каждый быть определены через собственный словарь и свою грамматику. Денотативно значимое, переходя в лексическое, отражается синтаксической функцией и закрепляется ею. Функция несет отпечаток денотативных, лексических различий, но только тех, которые были функционально значимы.

Взаимодействия и связи лексических значений слов в фольклоре определяются, таким образом, не степенью их семантической близости, не отношением к лексической системе (синонимия, антонимия, многозначность), а отношением к синтаксической функции.

Так, регулярное в фольклоре противопоставление мужского и женского можно передать рядами и парами слов-соответствий, но показать денотативные различия их лексических значений можно только в употреблении. Имя в фольклоре (слово, либо другая форма) отражает реальное в его функциональном, движущемся проявлении, в состояниях и видах, отождествляющих его с другим, способным иметь такие же состояния и виды, проявляться так же.

Калина и рябина, виноград и яблочко, лебедь со лебедкою и голубь со голубкою в определенной функции означают одно (девица на выданье, вдова, молодец-жених, муж и жена, пара), но по-разному. И, следовательно, имеют разное лексическое наполнение.

Возможна и обратная зависимость: калина, рябина способны иметь отношение к мужскому рожденному, яблочко, виноград — к невесте. Значения передают не столько реально-предметное, сколько функционально-соотносительное, называя в предмете его состояние, вид, фиксируя не предметы, а их отношения и свойства, актуальные для традиции и тем самым грамматикализованные: женское молодое, рождающее, рожденное, зрелое, здоровое, крепкое; мужское зрелое, мужское рожденное, сильное, наделенное продуцирующей силой, способное к браку.

Актуальные признаки функций (молодое, зрелое, способное к браку, отмеченное благополучием) способны вытеснять номинативные признаки, нарушая подчас исходную детерминированность мужского и женского, пересекаясь и соприкасаясь в употреблениях. Груша, яблоня, дуб, вишенья, птичка, малина, ягодка не только по смежности (женское в его отношении к мужскому, мужское в его отношении к женскому), но и функционально способны к замещениям и подменам. Значения тем самым приобретают грамматическую, а не номинативно-лексическую детерминированность как значения морфологических категорий жизненного цикла (молодое/старое, незрелое/зрелое), отмеченности, включения, приобщения, социального устройства, рода.

Мужское (имеющее отношение к мужскому)

Месяц, солнце, ветер, соловей, сокол, голубь, лебедь, селезень, дуб, хмель, вьюн, клен, заяц, горностай, воробей, бобр, канарейка, волк, груша, виноград, винная ягодка, изюм, конь, груздь, гриб, гусли, гудочек, пруттик, смычок (скрипочка), веточка, кудри, колос, сери, полено, яблочко, ключ, крючок, стрелы (лук), сучок, коромысло с ведрами, пест, яхонты

Женское (имеющее отношение к женскому)

Зорюшка, звездочка, кукушка, перепелка, птичка, голубка, лебедушка, утушка, куна, лисица, ель, сосна, береза, липа, яблоня, ягода, земляника, вишня, коро-вухка, калина-малина, беляночка, веночек, колечко, веник, сковорода, замок, сени, терем, чашка, ворота, вода, колодец, озеро, коса, трава, ступа, жемчуг, (наливное) яблочко

Предикаты, как имена отношений и функций, в фольклоре более определены, поскольку важно было именно состояние предмета и действие, производимое над ним, действие и состоя-

**Взаимообусловленность лексических значений, компонентных функций,
традиционного смысла на примере свадебного**

Ж е н и х					
Лексические значения — замещения	Компонент	Синтаксические значения	Морфологические значения	Морфологические категории	Номинативный тип
1 месяц 2 солнце	1	оценка данных по роду по способности к выбору	агента благополучия происхождения зрелости	отмеченности рода жизненного цикла свойства	космические начала
3 сокол 4 лебедь	2	потенция направленности	силы способствования	свойства действия	души-заместители
5 селезень 6 голубь 7 соловей 8 заяка	2	носитель силы пара невесте	желательного блага (брак, семейная жизнь)	императива причинения	посредники предсказатели
9 воробей	2	носитель зротической силы	силы, желательной усилить	свойства императива сопричастности	соперники жениха побратимы невесты
10 яблочко 11 виноград 12 винная ягодка	2(3)	плод, дитя, семья рода, созревшее к продолжению рода	силы зрелой готовой к браку рожденной выросшей посвященной	свойства жизненного цикла рода приобщения	признаки, свойства проявления формы
13 гриб 14 груздь 15 копые	3	носитель направленной и активной продуцирующей силы	силы способной активной причиняющей благо-«вред» желательной придать, усилить	свойства действия причинения императива сопричастности	форма — вид
16 яхонт(ы)	3	оценка внешних достоинств	признака желательного блага	свойства императива отмеченности	знаки-
17 конь 18 конь(и) 19 ветер 20 кудри	3	продуцирующая сила ожидание отъезд готовность зрелость и ветерение	придать желательному силу способствования и совершения	сопричастности императива свойства действия причинения	посетители знаки-сигналы
21 гусли 22 смычок (скрипочка)	3(4)	брачное состояние, супружество	желательного способствования близости посвященного брачного	императива действия включения приобщения жизненного цикла	орудия, предикаты функции

синтаксических и морфологических значений и номинативных типов
обряда (отношения пары жених — невеста)

Невеста					
Морфологические категории	Морфологические значения	Синтаксические значения	Компонент	Лексические значения — замещения	
отмеченности свойства	агента благополучия	хороший выбор	1	зорюшка	1
	внешних достоинств хорошего происхождения			звездочка	2
свойства императива действия причинения	подчинения силе «нежелательного»	согласие	2	лебедушка	3
	«желательного»	подходящая пара жениху		утица	4
	направленной к агенту			голубка	5
				кукушка	6
свойства императива действия сопричастности	носителя силы, способной защитить от нежелательного	неизбежность ожидаемого приговoreние к нему (браку)	2(3)	яблоня	8
	усилить			рябина	9
				калина	10
свойства жизненного цикла рода	агента свойств зрелого внешних достоинств рожденного вскормленного	дитя взлелеянное в семье любимое не безродное	2(3)	ягодка	11
				земляничка	12
действия включения приобщения	признака свойств готового принять чужого (гостя)	неотвратимость подчинения силе	3	беляночка	13
	приобщить его роду, себе			ворота	14
свойства императива отмеченности действия причинения жизненного цикла	признака желательного блага	оценка внешних достоинств и обеспеченности	3	жемчуг	15
	соответствия способствования совершаемому благу — «вреда»	причастность продуцирующей силе, связь с ней		3(4)	кольцо
действия жизненного цикла	зрелость	ожидание отъезда	колодец		17
		прощание	коса		18
		соединение	венок		19
действия включения приобщения	способствования близости соединения посвященного брачного	соединение брак супружество	3(4)	трава	20
				сени	21
				чашка	22

ние, знаком которого он являлся и носителем силы которого был. С точки зрения традиции (ритуала) это отражено в фольклоре, предмет обретал силу, становился носителем свойства и тем самым значения в определенное время, в определенном месте, определенной формы, вида и цвета. Не всякий петух или курица, а красный петух и белая курица¹⁵¹ либо курица особо отмеченная (троецпылятница), белый конь и единственный конь у славян, белый бык с черным пятном и единственный бык — воплощение божества у египтян (Апис), определенного вида и белым должен был быть священный олень сэвэк у эвенков¹⁵².

Признак в предмете приобретает характер самостоятельного означаемого и, закрепляясь, становится его лексическим значением, не сам предмет. Слово в фольклоре редко дает представление об этом лексическом значении, поскольку редко содержит указание на признак, номинативное состояние и свойство предмета. Цвет или ветвь калины, куст или ягода, шишки хмеля, ветки его или само растение, венок из каких цветов — очевидные в обрядовом действии и существенные с точки зрения денотативной — вербально не отражены, поскольку слово только часть плана выражения и часть той формы, в которой обнаруживают себя лексические значения и парадигматические формы традиционных смыслов.

Отношение мужского/женского может быть парным. Однако смысл парности не одинаков: парность параллели (месяц — зорюшка, звездочка; соловей — кукушка, перепелка; сокол — лебедь, утица; лебедь (лебедин) — лебедушка; селезнь — утушка; кот — кошечка; голубь — голубка); парность проявлений признаков (виноград — ягода, груша — яблоня, кудри — коса); парность акциональной взаимообусловленности (венки — веточки, яхонт — жемчуг, копьё — ворота, ключ — замок). Отсюда возможность зависимых и независимых употреблений: мужское (женское) вне отношения к женскому (мужскому), мужское в отношении к женскому и одновременно мужское-женское. Зависимость проявляется номинативно как обозначение космогонических начал, души-вместилища, обозначение признака-свойства-проявления, формы-вида, поведения-действия, производимого над предметом (функция).

Слово в фольклоре, таким образом, объединяет функциональные и номинативные свойства значений. В употреблении также возможна одновременность, поскольку самому денотату приписываются свойства силы по совокупности признаков формы и проявления. Свойства мужского — крепость, сила, яркость, сухость, упругость, твердость, горячность, острота, верткость, прыгучесть, прыткость, быстрота, гибкость и свойства женского — тусклость, влажность, мягкость, пушистость, округлость, соч-

ность, тяжелость, налитость — проявляются в фольклоре номинативно и предикатно.

Номинативно — в социальном, хозяйственном, обрядовом, агентном и физиологическом отношениях, как правило, нераздельных. Предикатно — в распределении сочетаемостей по признаку «мужское»: гнуться, стелиться, ломаться, виться, развиваться, вырастать, ходить, бить, стрелять, искать, бродить, скакать, топтать, седлать, ехать, косить, мять, и «женское»: нести, тяжело нести, плести, лить, поливать, кормить, поить, сажать, сеять, собирать, белье стирать, прясть, по воду ходить, ходить в лес по ягоды, шить, вышивать, крутить, водить, беречь, хранить. Общие предикаты могут обозначать самые общие свойства (зреть, спеть, вырастать), либо совместные действия (есть, пить, гулять, кататься на саночках, ходить по саду, переправляться через ручей, речку по мосткам, жердочке), либо действия с разным смыслом для мужского и женского (рвать, трепать, щипать).

Предмет, обладающий свойством мужского (женского), становится носителем мужской (женской) производящей силы. Ему приписывается способность магического влияния и магической передачи свойств человеку. Номинативный смысл приобретает в обряде модально-интенциональный и предикатный характер, становится перемещающимся, движущимся, заменяемым. Ступени замещения зависят от номинативных типов и определяют компонентной и синтаксической функцией (таблица).

Взаимная обусловленность номинативных и функциональных типов лексических значений, зависимость замещения от номинативного типа и компонента закономерны, поскольку грамматическая семантика обобщает лексическую, морфологическое и синтаксическое, опираясь на номинативное, укрупняет его. Функциональные смыслы фольклора можно представить как обобщения (отвлечения) лексических номинативных значений — забытых, неоднозначных, исторически и территориально подвижных.

ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Термин передает типологическое. Отражение грамматических черт фольклорной семантики в поэтических текстах и поэтических системах не предполагает обязательной генетической связи поэзии и фольклора. Соответствия могут оказаться результатом совпадения, заимствования в данную поэтическую систему из другой, проявлением общих свойств поэтической традиции, результатом действия единого порождающего механизма. В любом случае рассматривалось одно только типологическое сходство поэтического и фольклорного. Проблемы «фольклор — литература», «фольклоризм литературы», «заимствования из фольклора» во внимание не брались.

Грамматика поэтической системы (грамматика идиостиля¹⁵³), какой бы она ни представлялась, отлична от грамматики фольклорной традиции. Язык смыслов в поэзии (в национальной традиции) — не язык традиционных смыслов фольклора. Однако рассматривалось не грамматическое построение семантики поэзии и не отличие его от фольклорного, а то грамматическое в семантике фольклора, которое способно к перемещениям, существованию в других системах — с другой грамматикой, другим синтаксисом. Рассматривались типы, степень и характер семантических смещений в межсистемных типологических соответствиях семантики поэзии и семантики фольклора.

Четыре избранных поэта — это четыре изобразительно-художественных принципа, четыре отдельные традиции в единой национально-поэтической традиции. Взаимодействие их можно представить как отталкивающиеся прикосновения к общему. Поэтому поиск отражений, поиск соотносимых с фольклором средств в системах названных поэтов не менее интересен, чем сопоставление их семантик.

Противопоставление Блок, Ахматова /Пастернак, Цветаева — противопоставление двух способов видения, двух принципов по-

строения категории объективной данности (видимого/ невидимого, внешнего /внутреннего) и двух направленностей — изнутри вовне и извне внутрь. Блок, Ахматова — взгляд из себя и доминирующе внутренняя организованность изображаемого. Мир вне — это отраженный мир внутри, одновременный поиск в нем, отбор созвучного себе в момент изображения. Пастернак, Цветаева — видимая и очевидная независимость, подчас неожиданная неподчиненность внешнего неорганизованным, стремительным структурам внутреннего. Мир вне — мир самостоятельных и воздействующих сущностей. Заряд, импульс, семантическая заданность исходят от него.

Противопоставление Блок/Ахматова — разность моделей внешнего. Космический хаос блоковских пространств, их парадоксальная окрашенность и приглушенность, порой несвязанное бегство впечатлений, выхваченный и статичный мир. И строгая ахматовская организованность, гармония предметов при диссонансе с внутренним, но постоянным, развивающимся чувством. Мир предметный помещен у Ахматовой в пространство между, он посредник, соучастник и сигнал, знак происходящего. Пространство полюсов то сжато и накалено, то разведено, спокойно и внешне независимо. Отсюда разность функций внешнего в ее поэзии. То импульсивность и предопределенность, то отклик, параллель, то отвлеченная, с трудом улавливаемая близость сходства, то острое напоминание, то средство утишения, забвения, отхода.

Противопоставление Пастернак/Цветаева — противопоставление философски-отвлеченного и эмоционального обретения сущности. Мир внешний у Пастернака самостоятелен и служит параллелью ощущений. Комбинациями слов-предметов, их предикатными взаимодействиями создается образ-мысль. Размещением элементов осуществляется мыслительный процесс, определяется смысл носителей отождествленных сущностей. У Цветаевой мир внешний несуществен. Он лишь отдельными приметами присутствует в изображаемом. Он внешний мир и не передает свойств внутреннего, но он эмоционален в свойствах. Эмоциональное напряжение синтагматической структуры передается внешнему, оно приобретает свойства напряжения, которых не имеет объективно.

Блок/Пастернак — два семантизирующих принципа: парадигматического и синтагматического. Значения у Блока парадигматичны, закреплены и тематически окрашены. Пространство значений рассечено на взаимообусловленные группы — вне текста и до текста. У Пастернака каждый элемент приобретает смысл только в тексте, его значение создается на глазах, оно не словарно.

Ахматова/Цветаева — противопоставленность двух принципов смыслового насыщения. У Ахматовой смысл обусловлен предикатно и синтагматически. У Цветаевой — принадлежностью эмоционально-стилистическому слою.

Мир Блока, таким образом, — мир тематически предопределенных парадигматических значимостей. Пастернак в изображаемом создает образ мысли, подбирает отождествляющее определение сущности предмета. Ахматова — мир значимых ситуаций и знаков-смыслов некоего ощущения. Цветаева — мир эмоциональных сфер и их взаимодействий.

Акцент на пространства, мысль, ощущение, эмоцию определяет различие в характере индивидуальных семантических смещений. Трансформационный тип задан изначально, структурная и семантическая его определенность зависит далее от синтагматических свойств семантики поэта.

Под трансформацией будем понимать **перенесение** формы — грамматической, синтаксической, структурной формы смысла — не столько в семантику стиха, сколько в порождающую стих систему. Включение фольклорных единиц и схем в систему — процесс ее внутреннего движения, процесс органический и не всегда осознанный.

Включение не обязательно сопровождается изменением формы. Подвижно насыщающее смысла, а не несущий компонент, и соответствие угадывается в основе смысла, в его структуре. Отмеченное знаком грамматической принадлежности фольклору, свойством иного видения, иной интенцией и модальностью, фольклорное включение индивидуально для поэта синтагматически, своеобразием его порождающей семантики.

Типы включений у каждого зависят от периода, цикла, отдельного произведения, темы, но есть и доминирующий тип, связанный с изобразительным принципом, способом видения, подходом к семантическому материалу. У Блока это парадигматическая предопределенность, тематическая заданность лексических значений.

А. Блок

Употребления слова

Возможно, это связано со стремлением к символизирующей кодовости, грамматизации значений. Со стремлением к созданию внутреннего словаря, где каждое слово имело бы свой собственный и закрепленный смысл. Возможно, с явлением функционально-семантического обогащения: слово в начале стиха и оно же в конце стиха передают два разных смысла — общий и обогащен-

ный. Слово постепенно впитывает все новые и новые оттенки, усложняется, становится неоднозначным.

Возможно, это связано со стремлением к созданию семантически отмеченных картин и образов, вербально закрепленных в ключевых словах и сочетаемостных группах. Сочетаемостные группы Блока, как в фольклоре, обладают тематической и задающей функцией: скок — степь — конь — свет; пожар — огонь — полыхание — метание — красный; месяц — свет — мрак — дорога; солнце — туман — поле; луна — море — месяц; поле — путь — океан — трава; ручей — цветы — трава; сумрак — птица — утро; окно — дверь; река — поле — берег; цветы — гроб — ночь; облака — лес — дорога; ветер — ночь; ночь — луна — звезды; город — фонарь — человек; город — дома — окна.

Возможно — со стремлением к выделению доминирующих космогонических начал, организующих семантику: ветер, ночь, свет, мрак, город, степь, море (океан), дорога (путь, стезя, тропинка), гора (храм, терем), песня, поле, лес, вечер, огонь — семантики одновременно внешнего и внутреннего.

Пусть светит месяц — ночь темна. / Пусть жизнь принесит людям счастье; / В моей душе любви в е с н а / Не сменит бурного ненастья (1, 3).*

Стихии (вьюга, ненастье, метель, буря, дождь), явления природы (месяц, ночь, луна, день, лето, весна, утро, осень, зима, вечер, звезда, море, мгла, сияние, свет) не просто мифологические знаки душевных состояний. Они контрагентны, наделены природой существа и потому подвержены состояниям и активны. Для Блока характерно отношение: герой (агент) — явление природы (контрагент).

Смысл отношения в совмещении, стремлении к переходу, в движении от агента к контрагенту и обратном ожидаемом движении: звездное море — на которое смотришь, холодная луна — к которой стремятся, синяя даль — в которую распахивается окно, месяц — ответа которого ждут, бездорожья — которые малят в бесконечность.

Пространства не просто места и не просто участники драмы-действия у Блока, они — само действие, имя его сложных, едва уловимых, но очевидных движений. Их прощупать, прочувствовать, чем сформулировать и осознать как значения, выразить как оформленные смыслы: дорога, окно, свеча, корабль, туман, цветок, огонь, птица, фонарь, ступени, лестница, мост, стена, трава, степь, город, дома, дождь, туча. Смыслы распределены по предикатам драмы, взаимодействуя вне и внутри текста.

* В скобках даны том, страница по соответствующим изданиям поэтов (см. источники).

Месяц: Полный месяц стал над лугом /Неизменным дивным кругом/ Светит и молчит. (1, 6); Месяц холодный тебе не ответит,/Звезд отдаленных достигнуть нет сил... (1, 7); И в туманном и чистом везде /Чует сердце блаженство свидания,/ Бледный месяц блестит на воде (1, 29).

Общая семантика выводится из единства синтагматических и предикатно-ролевых проявлений: *месяц* — явление природы, знак ощущения, контрагент предикатного отношения (месяц ответа, месяц ухода, месяц появления), агент самостоятельных действий (месяц встал, блестит, светит, молчит), космический агент недоступного и назависимого, таинственного и холодного.

Луна: Жутко выйти на дорогу: /Непонятная тревога/ Под лунной царит... (1, 6); Шли мы — луна поднималась /Выше их темных оград,/ Ложной дорога казалась — /Я не вернулся назад... (1, 26); Не легли еще тени вечерние, /А луна уж блестит на воде./ Всё туманнее, всё сучевнее /На душе и на сердце — везде... (1, 29); И крадусь я, как тень, у лунных стен./ Меняются, темнеют, гложут стены (1, 217)

Парадигматический смысл луны обнаруживает связь, с одной стороны, с месяцем, с другой — с тенями и ночью. Но если *месяц* — светлое начало, то *луна* — обманчивое и непостоянное. *Луна* рождает страх и неуверенность, *луна туманна*, это порождение тревоги, жути; *луна* в городе между стен — завлекающий и предательский призрак света, создание ночи.

Мгла (тьма): И тщегно, страсти затая, /В холодной мгле передраассветной/ Среди толпы блуждаю я /С одной лишь думою заветной... (1, 3); Наша любовь обманулась, /Или стезя увлекла— /Только во мне шевельнулась /Синяя города мгла... (1, 26); Город спит, окутан мглою, /Чуть мерцают фонари... /Там далеко, за Невою, /Вижу отблески зари (1, 27); Я шел во тьме дождливой ночи /И в старом доме, у окна, /Узнал задумчивые очи /Моей тоски... (1, 40); Буду прежнюю думой болеть /В непогодной полночной мгле... (1, 84)

Семантика *мглы* — в ее эпитетах, проявляющих тенденцию к постоянству: *холодная, непогодная, полночная. Мгла* — внешнее во внутреннем, знак тоски, небытия, ненастья, блуждания. Смыслы объединяются и присутствуют как нераздельные в одном употреблении.

Ночь. Я чувствовал вверху незыблемое счастье, /Вокруг себя — безжалостную ночь... (1, 12); /Спи пока! Душа моя с тобой, Красота, /Ты проснешься, будет ночь и вьюга /Холодна... (1, 16); Шли мы стезею лазурною, /Только расстались давно... /В ночь непроглядную, лунную /Вдруг распахнулось окно (1, 38); Я шел во тьме дождливой ночи... (1, 40); Близка разлука. Ночь темна... (1, 46); Самый день — темнее ночи /Усыпленному

душой... (1, 86); Я помню час глухой, бессонной ночи... (1, 104);
Ночную тайну разрушит слово.../Помилуй, Боже, ночи в
души! (1, 108); Живая ночь заглянет скоро./В твои бессонные
глаза... (1, 159); Он будет ночью — светлый серп,/Сверкающий
на жатве ночи... (1, 228)

Значения ночи парадигматичны: это вечный покой, смерть,
пугающее и успокаивающее одновременно, Ночь — в противо-
поставлении света и тьмы, тепла и холода, души и недуги.
В зависимости от употреблений это и время, и пространство, и
агент, и контрагент.

Море (океан): Ко мне незримый дух слетел,/Открыв-
ший полных звуков море... (1, 5); Полно смотреть в это звезд-
ное море,/ Полно стремиться к холодной луне... (1, 7); ...Дале-
кий голос песнь рассвета./Рассвета песнь, когда зоря/ Стреми-
лась гаснуть, звезды рдели,/И неба вешние моря/ Вечерним
пурпуром горели... (1, 20); Так — белых птиц над океаном/
Неразлученные сердца/ Звучат призывом за туманом,/Понят-
ным им лишь до конца (1, 78); Моря души — просторны и без-
брежны,/Погибнет песнь, в безбрежность удалясь... (1, 114)

Море обнаруживает связь с безбрежностью, простором, звуча-
нием, песней, которая у Блока — воплощение поэзии и души.
Море — это пространство и сфера, небо и ночь, смерть и беско-
нечность.

Солнце: ...утром рано/Солнце выйдет из тумана,/Поле
озарит... (1, 6); Ярким солнцем, синей далью/В летний пол-
день любоваться —/Непонятную печалью/Дали солнечной
терзаться... (1, 35); Целый день передо мною,/Молодая, золотая/
Ярким солнцем залитая,/Шла Ты яркою стезею... (1, 174);
Вдруг примчалась на север угрюмый,/В небывалой предстала
красе,/ Назвала себя смертною думой,/Солнце, месяц и звезды
в косе... (1, 201)

Солнце обнаруживает связь с далью, надеждой и горой, гор-
ним светом. Это светлое, яркое начало, противопоставленное
туману и тьме, знак ясности и определенности.

Дорога (путь, стезя): Помнишь ли город тревожный,/
Синюю дымку вдали?/Этой дорогою ложной/Молча с тобою
мы шли... (1, 26); Я шел к блаженству. Путь блеснул/Росы ве-
черней красным светом,/А в сердце, замирая, пел/Далекий голос
песнь рассвета... (1, 20); Поэт в изгнании и в сомнении/На пере-
путь и двух дорог... (1, 42); Отдых напрасен./Дороги круга/
Вечер прекрасен./Стучу в ворота... (1, 74); Ты говорила: «При-
ду»,—/Жди на распутии — вдали/Людных и ярких дорог...
(1, 140); Ужасен холод вечеров,/Их ветер, вьющийся в тревоге/
Несуществующих шагов,/Тревожный шорох на дороге...
(1, 208); Этих снов золотых, этой веры глубокой.../Безнадежен

мой путь... (1, 97); Мне — другая и жизнь, и другая дорога,/ И душе — не до сна... (1, 97); Так стоял один — без тревоги./ Смотрел на горы вдаль./ А там — по крутой дороге —/ Уж клубилось в красной пыли (1, 205). Дорога, путь, стезя у Блока — воплощенное движение. Это и жизненный путь, и предчувствие пути в неизвестное, и приход, и поиск (распутья)¹³⁴.

Лес: Мой конь угомился, хранил подо мной./ Когда-то родимый приют?./ А там, далеко, из-за чащи лесной.../ Какую-то песню поют... (1, 37); Толпится вокруг меня лесных деревьев громада./ Но явственно доносится молва/ Далекое, неизвестное грома... (1, 69); Там, над горой Твоей высокой/ Зубчатый простирался лес. (1, 102); Нет конца лесным тропинкам/ Только встретить до звезды/ Чуть заметные следы.../ Внемлет слух лесным былинкам./ Всюду ясная молва/ Об утраченных и близких.../ По верхушкам елок низким/ Перелетные слова... (1, 129); Остановясь на перекрестке, в поле,/ Я наблюдал зубчатые леса. Но даже здесь, под игом чуждой воли,/ Казалось тяжки были небеса... (1, 178)

Лес, чаща у Блока связываются с говором, молвой, сомнениями. *Лес* обнаруживает соотношенность с небом и горой. *Лес* — это рубеж, преграда на пути к горе, свету, и толпа, многолюдство, голоса. За лесом слышится песня. *Лес* — ни положительное, ни отрицательное начало, поскольку проявления могут быть различны: причастность леса к горе освящает его, в то время как шум и голоса леса отвлекают, порождают сомнения, неуверенность.

Гора (терем, храм): Торжественно звучит на небе звездный хор. Меня клянут людские поколенья. Я для Тебя в горах зажег костер. Но Ты — виденье... (1, 68); Уходит ночь. Бежит сомненье. Там сходишь Ты с далеких светлых гор. (1, 68); Ты горьшишь над высокой горой/ Недоступна в своем тереме./ Я примчуся вечерней порою,/ В упоеньи мечту обниму... (1, 120); Идешь ты к дому на горах,/ Полдненным светом залитая... (1, 220); Предвечернюю порою/ Сходил я в сумерки с горы,/ И вот передо мной — за мглою —/ Черты печальные сестры... (2, 189)

Гора обнаруживает связь с огнем и верхом. Это прежде всего место обитания Ее, мечты, надежды, света, место далекое, к которому стремятся, которое волнует. *Гора* покрыта лесом, путь на гору всегда долог и труден, в то время как Она, огонь, источник вдохновения, мечта легко нисходит и потому часто связаны с течением, ручьем, рекой, погоком.

В поэмах и в поздней лирике первоначальные значения меняют характер, семантика слов развивается, получает иную направленность. Различные периоды в различных циклах характеризуются преобразованием значений. Появляются новые смыслы, частота употреблений одних слов снижается, других — возраста-

ет. Месяц, луна, храм, гора, цветы, травы, ручей, день, море, утро, мгла характерны для ранней поэзии. Позднее появляются выюга, тени, окно, огонь, свечи, лестница, двери, дорога, распутье, лес, сумрак, кони, снег. Слова ночь, ветер, дождь, земля, свет, поле меняют семантику в зависимости от периода, от цикла.

Слова у Блока способны объединяться в группы, образуя подобия фольклорных схем сочетаемости. Однако у поэта это скорее семантические, чем вербальные единства. Слова в составе групп подвижны, легко меняют смысл, легко переходят из одной в другую: месяц — ночь, месяц — луг; море — лазурь, море — хор — корабль; утро — солнце — туман, поле — солнце — дорога; река — берег — цветы, берег — вал — скала; ручей — цветы — трава, цветы — гроб — ночь, цветы — розы; ночь — выюга, небо — ночь — лес, ночь — туманы, ночь — гость — вино, ночь — небо — звезды.

Схемы сочетаемости в фольклоре — это жесткие ритуальные схемы, обусловленные тематически, модально-интенционально и предикатно. Схемы поэзии подвижны в силу ассоциативности рождающегося смысла, в силу семантической необходимости изображаемого.

У Блока можно встретить и предикатные, фразеологизованного типа, объединения с обусловленным словарным значением: соляне выйдут из тумана — неопределенность сменится ясностью, наступит озарение, уйдут сомнения; источник иссяк — кончилось вдохновение, что-то важное утратило ценность, в душе погасло; цветы увяли — поблекли краски юного, ушли порывы, произошла перемена; выйти на дорогу — искать ответа, находиться в неуверенности, в сомнении; плыть под луной — быть в состоянии неопределенности, испытывать ощущение внутренней пустоты; река идет — движение жизни, ожидание перемен, нового, свежего и т. д.

Обнаруживаются общие с фольклором модально-интенциональные значения предикатных схем: ночь часто предполагает призыв, зов таинственного, верхнего, обнаруживающего связь с нездешним и непостижимым (предикат зова в фольклорной схеме опасности). Ветер растрепывает кудри, но смысл иной: *Не мани меня ты, воля, / Не зови в поля! / Пировать нам вместе, что ли, / Матушка-земля? / Кудри ветром растрепала / Ты издалека, / Но меня благославляла / Белая рука* (2. 77). Не обрядовое обозначение зрелости, готовности к браку, а ощущение воли и буйство сил.

Общность задающего (тревожность предсказания, знак недоброго) обнаруживает схема: ветер — ворон на сосне (в фольклоре ворон обычно предвестник несчастья, беды, злой доли).

Утихает светлый ветер,/Наступает серый вечер,/Ворон канул на сосну,/Тронул сонную струну./В стороне чужой и темной/Как ты вспомнишь обо мне?/О моей любви скрою/Закручинишься ль во сне?.. (2, 82) Отталкиваясь от фольклорной схемы, поэт намеренно стилизует повествование, подменяя сон смерти, смерть забвением (предсказание ворона), живым сном воспоминаний. Мотив чужой стороны сочетается с ощущением воспокоенности и отрешенности (ср. мотивы в «Вороне» Эдгара По).

Намеренные включения фольклорных схем вводятся у Блока в парадигматику, подчиняясь тематической и структурной организации его поэтической семантики: *чистое поле, широкое поле, высохий терем, темная ночь*. Собственные — *холодная луна, холодный месяц, синяя даль, немая ночь, бурная ночь, синие окна, крутая дорога, далекая песня* — и фольклорны, и не фольклорны, поскольку органичны системе Блока.

Варьирование многозначного смысла у Блока происходит в синтагматически изменяемых сочетаниях. Слово словаря Блока, как фольклорное слово, очень широко в своем значении, многое допускает. В стихе оно насыщается, опосредуясь не столько контекстом, сколько синтагматически значимыми схемами сочетаемости.

Мир Блока космогоничен и строго организован. В этой связи можно говорить о мифологичности его семантики. Это мир стихий опустошающих — ветра, вьюги, бури, ненастья — тревожных предвестников, неизменных в своем постоянстве. И стихий равновесия — света, горы, солнца, океана, неба. Стихий хаоса и порядка, уничтожения и гармонии.

В ранних циклах, в цикле «Родина», в «Двенадцати» по-разному передаются ощущения ветра, степи, поля, мглы. При этом лексическая, словарная семантика не изменяется, меняется предикатная характеристика и синтагматическая функция: значения постоянны, отношения — изменчивы.

Пространства Блока

У Блока несколько основных пространств, несколько моделей внутри единой общей модели. Общее — в ощущении недостижимости и чуждости, стремлении и противоборстве. Это связи внутреннего предикатно-ролевого характера. Блок как бы помещает систему единых отношений в плоскость разных пространств разных моделей.

Пространства горы — недостижимость и высота стремлений. Составляющие — терем, храм, море (небо, поле, овраг, луг) — принадлежат и другим пространствам. Пространство предикатно организовано, это и место и цель. Отношение цели пронизы-

вает все составляющие. Раннего Блока можно считать поэтом недостижимой местоцелевой устремленности.

Агентно-контрагентные отношения явны, при этом место контрагента причастно горе. Отношения — зова, ответа, ожидания, встречи, движения, смятенности — могут рассматриваться как проявления основного, образуя с ним систему взаимного подчинения. Все элементы горы предикатно определены, и определенность их парадигматична.

Предикату движения, порыва свойственны следующие распространители: дорога, путь, бездорожье, распутья, тропинка, даль, поле. Предикату ожидания — дождливость, болото, слеза, луна, месяц, окно, поле. Предикату смятенности — конь, луг, поле, степь, ночь, буря, ненастье, ветер, пламя, огонь. Многие элементы независимо от предикатной принадлежности приобретают характер предвестников, знаков состояния или отношения: туман, облако, мгла, утро, сумрак, тени, вечер, свет, лес, лазурь, солнце, луг, почь, толпа.

Характерное для Блока противопоставление света и тьмы, дня и ночи — не просто контраст положительного и негативного, это выражение меняющихся отношений агента и контрагента.

Предикатная парадигматическая обусловленность элементов предполагает синтагматическое уточнение значения. Слово, сочетаясь с разными предикатами, передает различные оттенки значения: месяц — светит и месяц — холодный. В одном случае это знак надежды и света, в другом — эта надежда неверна и обманчива. Месяц — это свет во мраке, свет в ночи, неверный холодный свет.

Синтагматикой создается акцентная определенность значения. Множественность предикатных характеристик — свидетельство связей и близости предикатов, не разности исходных значений.

Значения и парадигматика пространства города сходны с пространством горы. Предикаты же и контрагент меняют характер. Контрагент — город; агент — не единственный, агентом становится женщина, толпа, страждущие и обманутые. Вектор отношения смещается, становясь между точками человек — город (в пространстве горы это отношение между точками я — Она).

Предикаты — ожидание, встреча (столкновение), обманутое ожидание — меняют не только направленность, но и напряженность. Элементов знаковых, элементов-символов становится меньше. Пространство города — уже, однообразнее, значения определеннее. Появляются новые предикаты, продолжающие цепочку предикатов горы: встреча, обманутое ожидание, обманутая встреча, разочарование, окрашенные в тона грусти, трез-

ности, знания. Внешне спокойный характер повествования приобретает определенность и напряжение в предикатных схемах. Блок осваивает новые семантико-организующие средства.

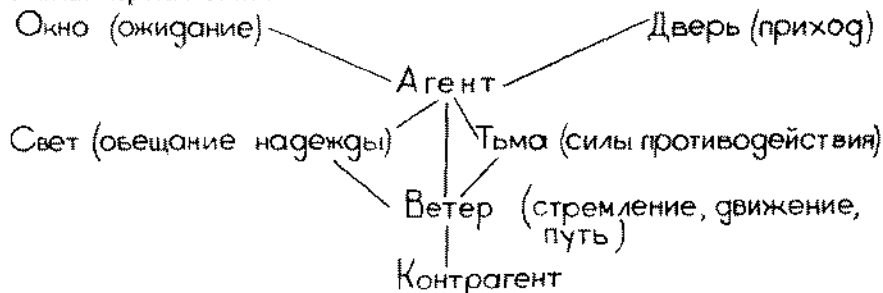
Пространство города характеризуется элементами тех же и новых значений: окно, свечи, фонарь, верба, ворота, лучи, дождь, тучи, стекла, свет, мрак, храм, сад, двор, стены, ветер, мгла, дверь, дымы, заря, туман, диск луны, солнца.

Третье пространство двойственно: лес (болото) и степь (поле). Противостоящие городу начала стихий простора и шири, не подчиняющиеся, не управляемые, столкновение с которыми тревожно, маняще, а соединение невозможно. Это начала вис, чуждые и иные.

Двойственность пространства шире отражает два полюса природных начал пространства горы и города. Гора обнаруживает связь со степью. Степь, как и гора, светла, в ней — огонь, стремление и напрасный бег, невозможное, неосуществимое, скачущее и далекое. Гора и степь обнаруживают предикатное сходство и сходство сочетаемых групп — ожидание, зов, манящая видимость и неосуществимость стремлений, высота, глубина, даль, ночь, поле, луна, луг, путь. Степь более холодна, строга и еще более неосуществима, невозможность в ней очевиднее, резче, степь не дает надежды.

Город обнаруживает связь с лесом (болотом). Лес (болото) — нечистое, смрадное место, испорченное, но близкое и тем привлекательное. Свет, искры болота — это фонарики маскарада, игры, пляски, — мотивы циклов «Пузыри земли», «Город», «Снежная маска», «Страшный мир».

Однако значения Блока зависят не только от цикла, пространства, периода. Сквозные, проходящие через все пространства тематические объединители проявляют действие общего предиката, отражая векторы общей семантики. Общепредикатные выражители резко очерчены в функциях, закреплены в местах общей схемы: ветер, огонь, дверь, свет, тьма, путь. Общая схема, насыщаясь в моделях пространств, приобретает вид частной схемы, схемы проявления:

А. Ахматова

Трансформации Ахматовой совсем иного рода, поскольку иными предстают семантизирующие принципы. Центральными оказываются трансформации схем, трансформации синтагматические.

Поэт не стремится к созданию собственной парадигматики. Внешне неброский поэтический словарь Ахматовой почти ничем не отличается от общезыкового. Для нее характерны поэтические употребления, а не поэтические значения. Не создает Ахматова и собственной модели мира, собственных пространств, она лишь придает общезначимым пространствам особый, индивидуальный смысл, помещая их в индивидуальные сочетаемостные и предикатно-ролевые схемы. Ахматова — поэт отношений, синтагматики и предикатов, которые неожиданным образом обнаруживают сходство с фольклорными отношениями, предикатами и схемами.

Глубинность при внешней неброскости поэтического мировосприятия проявляется в особой напряженности основного отношения. Отношение агента — контрагента не просто постоянно, направленно и определено, оно подчиняет остальное. При ослаблении либо отсутствии его в стихе семантические элементы продолжают восприниматься в предикатном повороте основного отношения. Схема я — ты (он), близкая по смыслу обрядовым, гадательным и воздействующим фольклорным схемам, у Ахматовой едва ли не единственная парадигматически и семантически насыщенная схема в первом периоде творчества. В последующих стихах ее проекции и влияние также ощутимы, хотя и непоследовательны.

Пространства и предметы внешнего, значимые общей значимостью, в изображаемом получают причастность переживанию, становятся ему контагиозны, связываются с ним неразрывной, воздействующей и обуславливающей связью, входят в сферу предиката, становятся не просто предикатно значимыми, но предикатно обязательными, наделяются едва ли не предсказующей и магической силой.

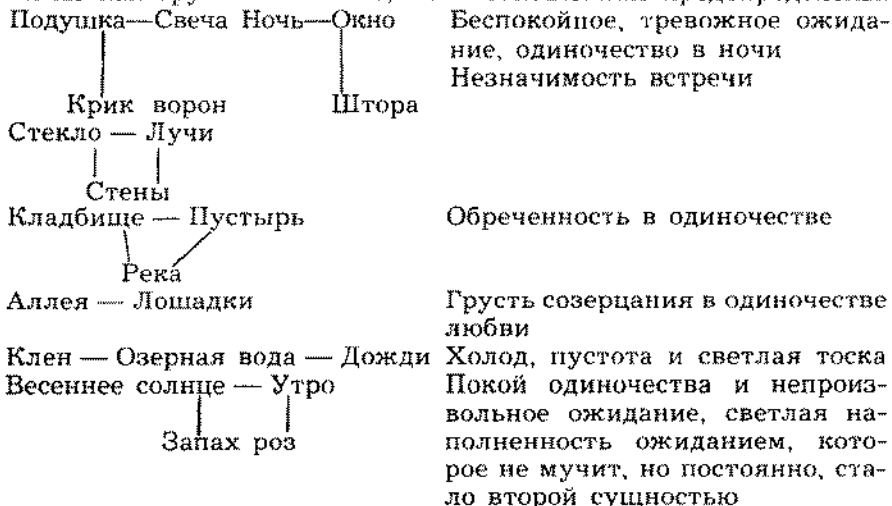
Отнесенность к контрагенту, отношение к встрече, переживанию, разлуке, соединение либо разделение с контрагентом становятся основанием включения элемента в схему, его предикатным свойством. Обязательность настолько последовательна, что остается элементов, не подчиненных основному предикату. Подчиненность поглощает, не оставляя места для других семантических проявлений.

Слово Ахматовой не наслаивает значений, не размывает исходную семантическую структуру, а поворачивается в сторону

синтагматической роли, в сторону места в сочетаемостной группе, в сторону внутреннего предиката — общего всей поэтической системе и актуализируемого в стихе.

Сочетаемостные группы

Есть отношения, предикатно предопределенные, и есть элементы, могущие стать элементами состава. Определенность связи, ее семантическая характеристика отдельна для элементов и отношений, их совмещение в схеме синтагматично. Таково основание сочетаемостной группы у Ахматовой. В этом отличие ее от парадигматических схем сочетаемости фольклора. В этом отличие от групп у Блока с выборочной, но симметрической соотношенностью элементов и предикатов. Группы у Ахматовой значимы как группы в тексте, но в отношениях предопределены.

В структуре схем возможны элементы, общие и близкие по значению фольклорным: подушка, свеча, вороны, река, клен, озеро воды, дождь, утро. Сходство проявляется синтагматически: подушечка потонула в слезах, одеяльце заиндевело (одиночество без милого — в фольклоре) — подушка уже горяча с обеих сторон (томление, одиночество — у Ахматовой.)

Свеча в фольклоре имеет отношение к девичьему, свадебному как элемент модально-предикативной схемы гадания, выбора суженого и предсказания, ожидание и тревожность в ней опосредованы. У Ахматовой — *Вот и вторая свеча гаснет* — тема бессонной ночи и тревожного неосознанного ожидания становится основной.

Включения у Ахматовой расширяют ассоциативную сферу, меняют акценты, приобретают дополнительные оттенки и свойства. Теряя первоначальную, получают иную определенность, предикатно и акцентно смещенную:

Змейка — Клубок — Сердце

Милая сердцу, щемящая грусть любви

Голубок — Белое окошко

Сладкая, воркующая любовь

Поле — Огонек — Лес,

Чужое счастье, далекое и невозможное для себя

Две тропинки

Путь — Ветер — Крики пастухов

Разлука, одиночество, тоска

Овраг — Лопухи — Гроздь

Спокойствие в одиночестве, самоуглубленность, простота и мудрость

рябины

Дорога — Дождь — Ветер —

Поиски, неприкаянность, тоска одиночества и безответность

Туман

Путь

Соловей — Ветки раки

Мука затянувшегося ожидания, есть далекое и чужое, но нет своей песни и радости

Ветер — Окно — Печь

Решимость, бегство

Степь — Ветры

Обреченность на одиночество, затворничество вдали

Фольклорная схема часто бывает исходной, дополняясь впоследствии, расширяясь, получая синтагматическое развитие: *То змейкой, свернувшись клубком,—/У самого сердца колдует,/То целые дни голубком/На белом окошке воркует,—>То в инее ярком блеснет,/Почудится в дреме левкой.../Но верно и тайно ведет/От радости и от покоя./Умеет ли сладко рыдать/В молитве тоскующей скрипки./И страшно ее угадать/В еще незнакомой улыбке* (16).

От фольклорного (змейка — клубок — голубок — окошко) поэт переходит к индивидуальному, продолжая ряд (иной — левкой — скрипка — улыбка), помещая фольклорное в сферу индивидуально-авторского. Включением достигается своеобразная фольклорно-лирическая двойственность переживания. Ахматовские фольклорные включения свободно входят в структуру стиха, не подвергаясь коренным преобразованиям смысла, подчас сохраняя его почти полностью: *Серой белкой прыгну на ольху,/Ласочкой пугливой пробегу,/Лебедью тебя я стану звать,/Чтоб не страшно было женигу/В голубом кружащемся снегу/Мертвую невесту поджидать* (180).

Ожидание, мертвая невеста, умершая душа — животное или птица, предикатная схема: белкой — на ольху, ласочкой — про-

бегу, лебедью — стану звать (в фольклоре ряд: утушкой, горностающком, колечком, семечком) — соотносимы с фольклорными. Изменен модально-интенциональный смысл схемы. У Ахматовой — мотив зова и ожидаемой встречи. В фольклоре — прощание после свидания с милым, возвращение домой.

Предикатные единицы

Аналогичным образом происходит включение предикатных устойчивых единиц. При узнаваемости исходной строевой схемы, ее синтагматическом соответствии фольклорной меняются состав и предикатная характеристика единицы. Новое управление и новое место в общей предикатной схеме и схеме внутреннего предиката могут, однако, значительно нарушить связи типологических соответствий.

Бежать до ворот
Я бежала, перил не касаясь,/
Я бежала за ним до ворот
— разлука, место последней встречи

В фольклоре — проводить до ворот, выйти встретить у ворот — место встречи гостя (жениха) с чужой стороны, граница, рубеж дома в обряде

Напоить допьяна
...я терпкой печалью/Напоила
его допьяна.../Он вышел шата-
таясь...

— объединение в пределах одной, двух предикатных единиц фольклора: напоить печалью (вместо утолить любовь), вышел шатаясь — в тоске, печали — состояние после встречи, уход; фольклорное значение присутствует тематически

Играть на волынке
И мальчик, что играет на во-
лынке...

близко значению фольклорному, изменен состав единицы
Плести венки

И девочка, что свой плетет
венки...

— употреблено в фольклорном значении; функция ору-

1. Поить, кормить милого — приворотная предикатная схема
2. Шататься (о молодце) — раненому, после боя либо в печали (не былинуска в чистом поле зашаталась, зашаталась моя головка молодецкая!)

В дудочку (гудочек) играти — в обрядах ухаживания; любовная игра, предшествующая сватовству, браку

Плести венки — перед гаданием на судьбу в семицком, купальском обряде: венки бросают в речку, надевают на голову ми-

дия действия заменена на функцию признака; по сравнению с фольклорной единицей изменена предикатная характеристика

Желтая трава

Память о солнце в сердце слабеет. Желтой трава... Может быть, лучше, что я не стала Вашей женой — осень, забвение, остывание чувств. не параллель, но есть связь соответствий: желтой трава — что было, прошло, и так должно быть

Лебеду полоть

На коленях в огороде лебеду полю / Вырываю и бросаю — пусть простит меня...

лебеда — то, что вырывают, а не то, за чем ухаживают, лебеда мертва; любовь в одиночестве, которую надо вырвать, — преобразование фольклорного радостного в печальное

Сидеть в окошке

Для тебя в окошке створчатом / Я всю ночь сижу с огнем ожидания милого, смысл близок фольклорному, однако нет противопоставления своего / чужого, существенного в фольклоре

Хлестать ремнем

Муж хлестал меня узорчатым, / Вдвое сложенным ремнем, / Для тебя в окошке створчатом...

— нелюбовь к супругу и ожидание милого; обрядовое действие приобретает реальную определенность и изменяется: наказывать за неверность, учить жену

лого, венки обладает предсказующей силой; знак женского начала в фольклоре

Жухнет, вянет в поле травка (без дождя)

— тоска, грусть, сухота, одиночество в разлуке с милым, параллель травка//девица

Лен полоть, лебеду сеять, поливать, полоть

— в хороводных, игровых песнях молодежи (в обрядах ухаживания) обозначение девичьей зрелости, готовности к браку, ожидания милого, любовной игры

Сидеть у окошка, смотреть в окошко (не сидела бы я подпершись, не смотрела бы я в чисто поле) — ожидать милого с чужой стороны либо смотреть, тоскуя, на родную сторону

Бить плетью, хлестать жену — действие свадебного обряда, имевшее первоначально продуцирующий смысл — передать силу, здоровье и плодородие; демонстрация принадлежности жены мужу, проявление власти мужа — позднее переосмысление

Предикатная характеристика по признаку женское/мужское у Ахматовой обнаруживает соответствие фольклорной: вить венки, бежать до ворот, полоть лебеду, сидеть в окошке, поить милого, жечь свечу — ожидать, встречать милого — женские действия; хлестать (бить) плетью (ремнем), играть на дудочке (вольтке) — мужские.

Тематическая обусловленность семантических насыщений также может быть соотносимой:

Жечь свечу

*Свечи в гостиной зажгут
Дверь не заперла я, не за-
жигала свеч — ожидание и
одиночество в ночи: означает
надежду, возможность встре-
чи; свечи воплощают обре-
ченность, постоянство пусто-
ты, тоскливого одиночества*

Жечь свечу — обрядово-культу-
рый смысл, в память об умер-
ших или ушедших; огонь, све-
чи — как воплощение и вмести-
лище души; большие свечи
(громницы) обнаруживают связь
с культом основного бога сла-
вян — громовника¹⁶⁵

Фольклорные предикатные единицы часто отражаются как структуры. При внешнем соответствии семантика может быть совершенно иной.

Искать ключи

*«Нам бы только до взморья
добраться, / Дорогая моя!» / —
«Молчи...» И по лестнице ста-
ли спускаться, / Задыхаясь,
искали ключи...*

— уход, освобождение от ста-
рого, того, что держит

Хранить платок

*Со дня Купальницы-Аграфе-
ны / Малиновый платок хра-
нит... приду и стану на порог,
/ Скажу: «Отдай мне мой пла-
ток!»*

— память принадлежащего,
обязательства перед возлюб-
ленным

Гроздь рябины

*Когда шуршат в овраге лопу-
хи / И никнет грозь рябины
желто-красной, / Слагаю я ве-
селье стихи / О жизни тлен-
ной, тленной и прекрасной
— покой, свобода, ощущение*

Искать ключи (от сундуков) —
действие, предшествующее сва-
товству или сопровождающее
его: невеста говорит отцу, мате-
ри — я вам больше не ключни-
ца; передавать ключи жениху
означает передавать невесту

Платок — девичество; снять
платок — выйти замуж; ветер
срывает с головы платок — ожи-
даемое сватовство: в свадебных
обрядках, обрядках ухаживания, в
игровых, хороводных, лириче-
ских песнях

Гроздь, пучок, пук калины (во
пучки повязана — на дорожку
брошена) — в свадебных обря-
дах; рябина — качается, дож-
дем ее мочит, солнцем сушит;
одиночество в разлуке с милым

ушедшего и забытого как переставшей мучить боли:
И если в дверь мою ты поступишь, / Мне кажется, я даже не услышу

*Пить вино с милым
Я с тобой не стану пить вино, / Оттого что ты мальчишка
Отстойной*

— смысл соотносится с фольклорным: совместная еда, питье как выражение расположенности, единения в любви: *Не будем пить из одного стакана / Ни воду мы, ни сладкое вино, / Не поцелуемся мы утром рано, / А ввечеру не поглядим в окно!*

*Заплести косу (косы)
И туго косы на ночь заплетя, / Как будто завтра нужны
будут косы, / В окно гляжу я...*
— напрасное ожидание прихода

*Осина не дрожит
Пахнет гарью. Четыре недели / Торф сухой по болотам горит, / Даже птицы сегодня не пели, / И осина уже не дрожит*
— крайняя степень печали, скорби (июль 1914); осина в фольклоре — печаль, грусть
Владеть (чудесным) садом

А я иду владеть чудесным садом, / Где шелест трав и восклицанья муз

— вдохновенное одиночество в разлуке с любимым, поэзия
Прятаться в лесу

По волнам блуждаю и прячусь в лесу... / Разлуку, наверно, неплохо снесу, / Но встречу с тобой — едва ли

— фольклорное значение ле-

Совместная еда, питье в фольклоре имеют ритуальный смысл; в свадебном обряде предшествуют сватовству; приобщение, освоение, согласие, проявление расположенности; пить, есть из одной посуды — знак близости, родства

Заплести косу (переплести косу на две) — в свадебном обряде предшествует бракосочетанию, соединению

Осина — недоброе, злое, горестное (женатый молодец — что горькая осина), обозначение злой и лютой судьбы

Садом владеет батюшка — семья, дом, очаг, родительская опека, ласка, брак, дети, супружеская любовь

В фольклоре — чужая сторона, место на пути, тот свет, место встречи с незнакомым-чужим (ходить в лес, гулять в лесу)

са присутствует как мотив, тема, ощутима связь с чужой стороной (уход), с милым (разлука, встреча)

Изменения семантики предикатных единиц-соответствий не затрагивают, как правило, общетематического ядра. Ахматовские предикатные единицы индивидуальны в синтагматическом отношении. В то время как включения Блока принимают обычно значения его поэтического словаря, Ахматова сохраняет значения, их тематический, структурный, иногда полный вид. Индивидуальное проявляется в сопряжении схемы и означаемого — характерный ахматовский асимметризм, несовпадение исходного с его синтагматической функцией. Синтаксическое значение оказывается смещенным.

Предикатные единицы идиостиля так же сигнальны и тематичны, как единицы фольклорного соответствия. Единым оказывается принцип их семантической устроенности: не запирает двери (оставлять дверь полуоткрытой) — ночью, в ожидании прихода, предикат — ожидание; тронуть теплую ладонь — знак внимания без внутреннего участия, предикат — контакт, встреча; гудят колокола — торжественность и предвестие, знак высоты, духовности, предикат — одинокое созерцание; бродить по аллеям — грустное одиночество и созерцание вне, предикат — ощущение освобожденности от ожиданий, стремлений, поисков, тема затворничества, ухода в поэзию, искусство; греться у огня — душевный уют, тепло, предикат — одиночество; сжать (спрятать) руки под вуалью (в муфту) — холод и боль, смятение, предикат — обманутое ожидание, напрасная, незначащая встреча; забыть предмет (хлыстик, перчатку), забыть погасить свет, что-нибудь перепутать — смятенность, потеря, несобранность, смешение чувств, предикат — напрасная встреча; держаться за перила, прощаясь, — искать опоры, поддержки, испытывать слабость при расставании, неоправдавшиеся надежды, смятенность перед прощанием, разлукой, предикат — прощание; комкать письмо — проявлять досаду, недовольство (со стороны контрагента), предикат — контакт, известие; плющ завил окно — уединение, затворничество, нежелание видеть, ждать, помнить, предикат — уединение; чернеет дорога (вода) — непрошеное напоминание, от которого стремится уйти, путь к забытой любви и разъединяющий рубеж, предикат — уединение, разлука.

Подобные употребления не часты, каждое из них единично, повторяется лишь способность обозначать иное, особая закрепленность несобственного значения.

Несобственным закрепленным значением могут обладать сло-

ва — организующие пространство и сопровождающие событий. Отмеченность элементов пространства у Ахматовой сходна с отмеченностью фольклорных пространств — постоянных мест повторяющихся событий.

Модель дома, внутренняя модель у Ахматовой, так же как и модель дома в традиции и фольклоре¹⁵⁶, пространственно и предметно значима. Элементы образуют круги, значимость которых определена предикатно и синтагматически. При этом значимость определяется принадлежностью кругу:

Дверь — окно — став-	Ведущие вовне границы	Надежда на приход
ни	дома	
Свеча — постель —	Элементы внутреннего	Одиночество в но-
подушка	пространства	чи, его осознание
Окно — свеча	Знаки внутреннего для	Ожидание
	внешнего	
Ступеньки — пери-	Промежутки дома на пу-	Прощание
ла — ворота	ти вовне	
Сад — фонари —	Пространства около и	Забвение
ограда	вокруг	
Крыльцо — порог	Границы входа	Встреча/проводы

Аналогичным образом оказываются значимыми пространства внешнего — поле, луг, лес, море; явления и стихии — дождь, ветер, солнце, луна, месяц, звезды; элементы пути и связи — дорога, тропинка, ворота, мост, вода (река). Пространства при этом не рассечены и не противопоставлены, как у Блока, не образуют моделей. Это закрепленные места событий, признаки и предикаты переживаний, не парадигматические миры или контр-агенты.

У Ахматовой есть один парадигматический образ, собственное, необусловленное и непредикатное значение. Это птица. Имя агента.

Имя агента (птицы Ахматовой)

Они обнаруживают связь с фольклором: птица — как вместилище души и как сама душа в ее осязаемом облике.

Обобщение в птице «я», воплощение агента, возникая постепенно, складывается из совмещения птицы родовой, птицы вообще и белой птицы, птицы стиха, из уподобления стихов белой стае, поэзии — полету.

Птицы Ахматовой (по видам) — ворона, голубь, кукушка, соловей, журавль, аист, чайка, лебедь — фольклорно соотносимы. Голубь (голубка) — вестник либо параллель любви счастливой; соловей (певец безголосый) — обнаруживает связь с поэзией,

творчеством, пением; кукушка — предсказывает число лет; журавль — зов и клик над полем, напоминание в уединении, уход; ворона — тревожный вестник недоброго, неосуществленность желаний.

Характер и степень отмеченности птиц различны. Есть птицы как таковые и есть птицы душевных состояний. Благодаря соотношению птицы — душа становятся возможными отвлечение и парадигматизация птиц. Птицы, с одной стороны, — выразители чувств и отношений; с другой — сам агент либо заместитель агента. Тоска, любовь, боль, воля, полет, счастье, поэзия и человек воплощаются в птицах.

Птица обнаруживает связь с цветком, письмом, листом бумаги. При этом связь различную. Птица и цветок часто соположены, будучи смежны по своей природе и происхождению. Птица с письмом (листом) обнаруживает заместительное сходство, в основу которого положен признак белизны и способность лететь пластаясь (птица-письмо-весть); позднее это череда, полет стихов, страниц, белой стаи. Многие из птиц у Ахматовой — белые: голубь, чайка, аист, лебедь.

Оформление парадигматического значения происходит постепенно. В начале это нарисованная птица либо птица в доме: *На стенах цветы и птицы томятся по облакам...* (59); *Он мне сказал: «Я верный друг!»/И моего коснулся платья.../Так глядят кошек или птиц...* (58)

Затем это птица ночи, обнаруживающая связь с домом, стихами (ненаписанной белой страницей): *Вечерние часы перед столом./Неоправимо белая страница./Мимоза пахнет Ниццей и теплом./В луче луны летит большая птица...* (92)

Позднее — птица тоски, душевной боли и сама душа (агентное отождествление): *Углем наметил на левом боку/Место, куда стрелять,/Чтобы выпустить птицу — мою тоску/В пустынную ночь опять.../Вылетит птица — моя тоска,/Сядет на ветку и станет петь...* (81)

Птицы воспоминаний, сна-смерти: *Был голос как крик ястребиный./Но странно на чей-то похожий./Все тело мое изгибалось,/Почувствовав смертную дрожь...* (42)

Птицы бесед одиночества: *Как хорошо в моем затворе тесном!/О самом нежном, о всегда чудесном/Со мной сегодня птицы говорят...* (144)

Птицы разлуки, любви: *Тайная боль разлуки/Застонала белою чайкой/Над серой полярной степью...* (192); *...любовь ... Ты кроткою голубкой не прильнула к моей груди, но коршунном коггилла... вином проклятья/Ты напоила друга своего...* (228)

Птицы внутренних состояний, внутреннего облика и представлений о себе: *Не с тобой ли говорю/В остром крике хищных*

птиц,/Не в твои ль глаза смотрю/С белых матовых стра-
лиц?... (157); И придя в свою светлицу,/Застонала глицейной пти-
цей,/Повалилась на кровать... (248)

Птицы — люди: Оттого и друзья мои,/Как вечерние грустные
птицы,/О небывшей поют любви... (185)

И птицы неволи, которую нельзя приручить: Так птица о
прозрачное стекло/Всем телом бьется в зимнее ненастье,/И кровь
пятает белое крыло (275).

Доминанта значения птицы у Ахматовой включает призна-
ки: живое, одухотворенное, летящее, едва уловимое, наделенное
голосом, способностью предсказывать, непокорное чужой воле,
легко погибающее, но неизменно появляющееся снова — как па-
мять, сон, поэзия, воспоминание, человек.

Предикатные схемы

Соотнесенность с фольклором у Анны Ахматовой обнаружи-
вается в типичных переходах, пограничных межкомпонентных
связях. Место события, случайно отмеченный взглядом предмет,
обстоятельства могут быть так же агенты, орудийны и парал-
лельны переживанию, как и в фольклоре. Образы внешние,
провоцируемые внутренним выбором, становятся импульсом
ощущения. Переживание, набрасывая сеть отношений на окру-
жающий мир, оказывается подчиненным ему, с ним согласо-
ванным.

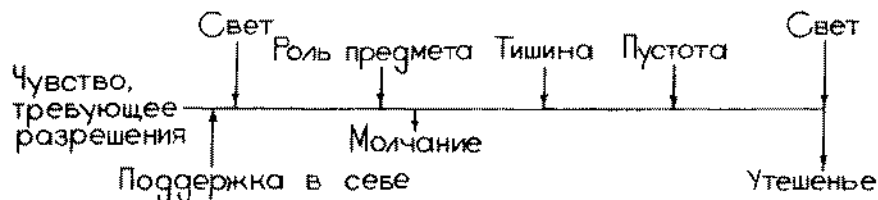
Для Ахматовой характерны совмещения: агентного и локаль-
ного (место приобретает значение категории императива), реаль-
ного и воображаемого — фольклорного, поэтического общекуль-
турного. Если у Блока совмещение осуществляется как способ
двуполусного усложнения семантики за счет перенесения полю-
са окружения в структуру значения: слово (+) — окруже-
ние (—) → слово (\pm), то у Ахматовой совмещение проявляется
в связях и носит характер совмещения функций: полюсы внеш-
него и внутреннего проявляются в механизмах оформления
смысла.

Отнесенность всего в стихе к переживанию создает особую
роль внутреннего предиката. Если Блок уточняет общую пре-
дикатную схему в цикле, в пространстве горы, города, леса, сте-
пи и стихотворение предстает как часть, то у Ахматовой отдель-
ный стих в предикатном отношении вполне самостоятелен, воп-
лощая действие общей предикатной схемы: ожидание, встречу,
уход, прощание, уединение, обманутое ожидание, обещание,
поиск, побег, непонимание, спокойствие, воспоминание, уста-
лость, отказ. Каждый элемент стиха имеет одновременно общую

и частную предикатную отнесенность. Стих передает событие в цепи других событий.

Молюсь оконному лучу — /Он бледен, тонок, прям./Сегодня я с утра молчу,/А сердце — пополам./На ручкойнике моем/Позеленела медь./Но так играет луч на нем,/Что весело глядеть./Такой невинный и простой/В вечерней тишине,/Но в этой храмине пустой/Он словно праздник золотой/И утешенье мне (11).

Связь внешнего и внутреннего на границе ощущения, переживания (чувства, требующего разрешения), их воздействие на ощущение и выход могут быть показаны следующим образом:

Пятью точками (левая — вход, сопровождение, причина; правая — выход, разрешение, результат; верхняя — развитие, параллель, обоснование; нижняя — строй, основание, поддержка; центр — определяемое) можно показать статический и динамический вид схемы внутреннего предиката, составленный предикатами и элементами стиха, функционально соотносенными между собой по основаниям точек.

Схема насыщения (статический вид)

Роль света (луча) в обретении выхода доминирующая. Луч становится центром схемы:

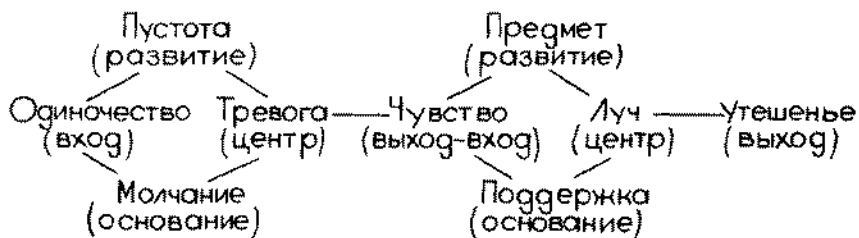
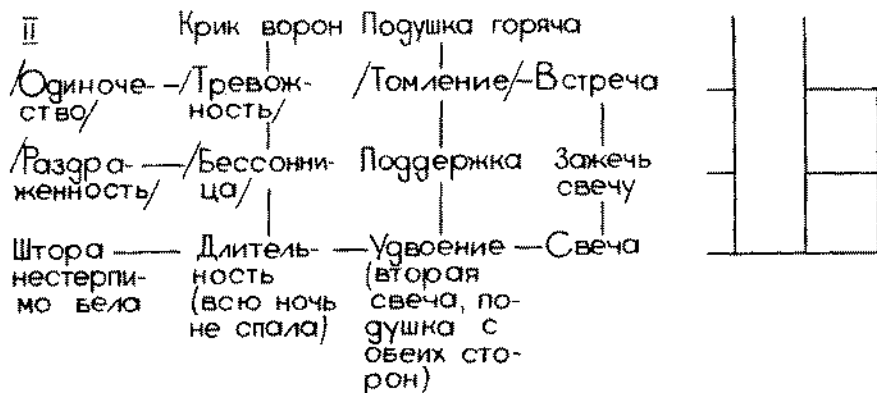

Схема предикатных переходов (динамический вид)

Подушка уже горяча/С обеих сторон./Вот и вторая свеча/Гаснет, и крик ворон/Становится все слышней./Я эту ночь не спала,/Поздно думать о сне.../Как нестерпимо бела/Штора на белом окне./Здравствуй! (12)

Схема насыщения выглядит иначе (в косых даны непроявленные элементы):

Центральными в схеме (развитыми по всем пяти точкам) оказываются непроявленные элементы — томление и тревожность. Проявлены вертикальные элементы (развивающие и строевые) — признаки состояний. Входы и выходы — мотивы и разрешения чувств и состояний — опущены.

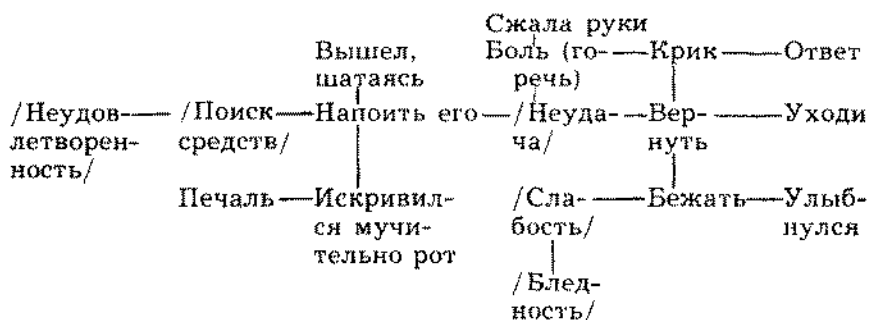
Призначный характер проявлений схемы — отличительная особенность поэзии Ахматовой. Если в фольклоре насыщающими были действия по возмещению либо по преодолению препятствий, действия, провоцирующие ответные действия сопровождения и достижения (агентный характер семантической устроенности предикатной схемы), у Ахматовой действия не собственные, они — признаки чувств.

Сжали руки под темной вуалью.../«Отчего ты сегодня блед-

на?»/—Оттого, что я терпкой печалью/Напоила его допьяна./
 Как забуду? Он вышел, шатаясь,/Искарился мучительно рот.../
 Я сбегала, перил не касаясь,/Я бежала за ним до ворот./Зады-
 хаясь, я крикнула: «Шутка/Все, что было. Уйдешь, я умру»./
 Улыбнулся спокойно и жутко/И сказал мне: «Не стой на вет-
 ру» (20).

Соответствия ахматовских и фольклорных схем наблюдаются только в строе, сущность которого сводится к двух- и трехкратному ходу от неудовлетворенности, нарушенного равновесия, чувства, требующего разрешения, к разрешению, обретению выхода. По такой схеме построены стихи «Сжала руки под темной вуалью», «Память о солнце в сердце слабеет», «Синий вечер», «Ветры кротко стихли», «Сладок запах синих виноградин», «Муж хлестгал меня узорчатым», «Сад», «Хорони, хорони меня, ветер!»

III

Три типа построения — поперечный двухтактный (I), доле-
 вой (II) и поперечный трехтактный (III) — наиболее регулярные
 схемы-соответствия у Ахматовой. Основная тенденция ахматов-
 ских ролевых включений проявляется в сохранении строя, замене
 ролей и переракцентации насыщений.

В поэзии Ахматовой получил воплощение один, обрядовый в
 своей основе, вид фольклорной схемы внутреннего предиката:
 от неудовлетворенности через поиск к обретению выхода, к разре-
 шению, распространенный в лирической необрядовой поэзии.
 Другие схемы (гадания, заклинания, привороты) в ее поэзии отра-
 жения не находят. Возможен мотив — предикатная единица
 (напоила допьяна, платок дала, пить из одного стакана), но не
 схема. Агент Ахматовой пассивен, он не стремится воздействовать
 на волю контрагента, не управляет им. Фольклористичность ее

поэзии — это фольклористичность необрядовой семейно-бытовой лирики с ее героем (женский образ страдательной печали), с ее средствами и ее ролевой характерностью.

Общее обнаруживается в особенностях организации агентно-контрагентных отношений. Предикатный вид схемы, в том случае, если осью становятся типично фольклорные обрядовые агент — контрагент, также сходен в строе и отличен по характеру насыщения. Ахматовское включение предикатной схемы — это прежде всего включение оси; развитие и насыщение схемы индивидуальны.

Предметы в поэзии Ахматовой обладают силой напоминания, силой вызова впечатлений, императивом переживания, а не действия. Это усугубляет обреченность и безнадежность чувства. Поиск поддержки, заранее обреченный, оканчивается неудачей, и предметы становятся напоминанием безуспешности: «постылое окно» ожидания; свеча, которую не зажигают; дверь, которая открыта ли, закрыта, полуоткрыта — неважно.

В схеме не обнаруживается более или менее постоянного средства, обеспечивающего контакт (как, скажем, венки в семицком обряде), часто нет никакого средства. Общая предикатная схема достаточно отвлеченна. Набор предикатов определен и ограничен: встреча, прощание, ожидание, воспоминание. Места схемы в обобщенно-ролевом отношении постоянны. Их значения уточняются в схемах стиха.

Для Ахматовой характерно равенство проявлений агентной и контрагентной частей. Ось контакта, центральная ось, обладает собственными значениями, отличными от фольклорных. Количество связей центра делает его активным и значительным узлом схемы. Центр восьмиосновен, его семантика распадается на две: *осевую* — агент, контрагент и проявления контакта — результат (сфера контрагента) и реакция переживанием (сфера агента) и *сопровождающую* — четыре промежуточных вектора связи с проявлениями агента и контрагента. Полный смысл центра создается объединением обеих частей.

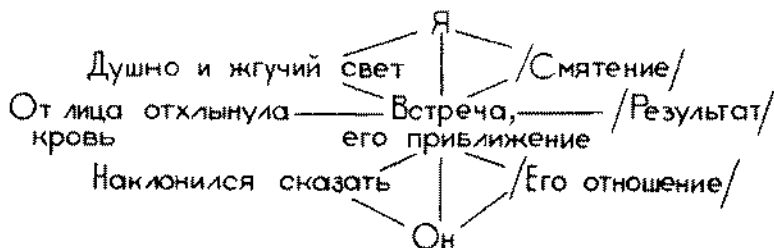
Верхняя часть схемы — агентная, нижняя — контрагентная. Однако помимо основного деления есть дополнительное — по

признаку правое/левое. Левое обнаруживает связь с агентом, правое — с контрагентом. Верхнее левое, таким образом, имеет наибольшее отношение к агенту и наименьшую направленность к контрагенту, в то время как нижнее правое — наоборот. Верхнее правое и нижнее левое проявляют стремление к направленности: у агента это переживание, направленное на контрагент, им обусловленное, у контрагента — проявление себя в отношении агента каким-либо образом. При этом важно, что проявление себя, а не своего чувства, поскольку конфликт в схеме создается именно отсутствием переживания со стороны контрагента. Контакт, следовательно, необходимо воспринимать как локальную соположенность с отсутствующей реальной связью. Напряжение в схеме создается несовпадением (асимметрией) ролевых значений агента и контрагента при их строевом параллелизме (несовпадение желательного и реального).

Центр совмещает поля агента и контрагента. Он равноместен. Соответственно левое и правое центра — его агентное (реакция) и контрагентное (результат).

В зависимости от условий схема может принимать различный вид. Рассмотрим предикатные проявления **встречи** и **воспоминания**. Значения схемы даны по строкам с сохранением размещений левой и правой частей, верха и низа.

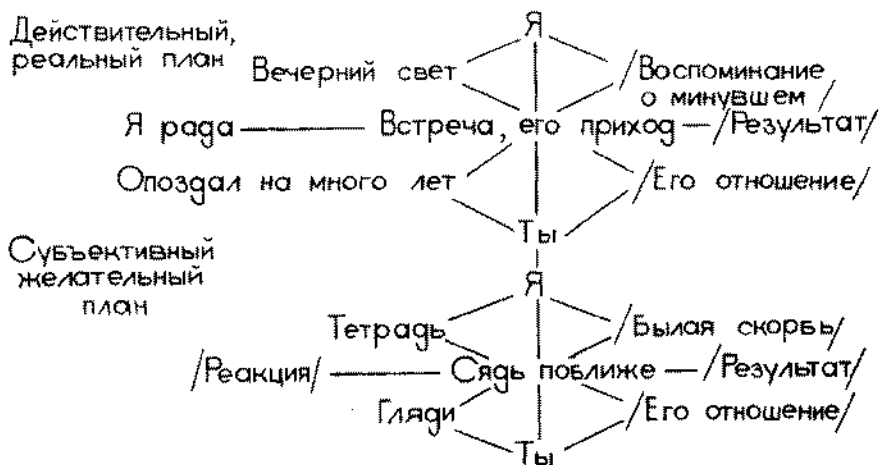
*Было душно от жгучего света,/А взгляды его — как лучи./
Я только вздрогнула: этот/Может меня приручить./Наклонился — он что-то скажет.../От лица отхлынула кровь./Пусть камнем надгробным ляжет/На жизни моей любовь (53).*

Семантика центра включает также ожидание, надежду, осознание неосуществленности. Смысл результата заключен в последних двух строчках стихотворения. Невыраженность, недосказанность характерны для элементов правой части (части контрагента); переживание, результат, отношение, элементы признаков и проявления (левые) обычно не опускаются.

*Широк и желт вечерний свет,/Нежна апрельская прохлада./
Ты опоздал на много лет,/Но все-таки тебе я рада./Сюда ко мне*

поближе сядь, /Гляди веселыми глазами, /Вот эта синяя тетрадь — /С моими детскими стихами, /Прости, что я жила скорбь /И солнцу радовалась мало, /Прости, прости, что за тебя /Я слишком многих принимала (171).

Включения Ахматовой синтагматичны и предикатны, однако фольклорная конкретность действий, при обобщенно-ролевом сходстве, заменяется призначностью; действия становятся проявлениями, обозначениями отличительных свойств. Типологическая разность включений обусловлена разностью семантического строя, разностью осевого отношения, отраженного в предикатной схеме. Если у Блока пространства, предметы и их комбинации — средства выражения отношения к миру, живая формула меняющегося отношения, то у Ахматовой это средство передачи развивающегося переживания, отношения агента и контрагента.

Б. Пастернак

Мир Пастернака объективен, бесконечен, подробен. Организованность предметов сложна не столько их множеством, сколько тем, что это организованность сущностей, а не ролей.

Пастернак обнаруживает глубинное сходство с фольклорным в стремлении к упорядочению. При том, что в проявлениях оно с традиционно-фольклорным не совпадает. Это не мифологизация, поскольку не воссоздается первооснов, пространств и первоэлементов мира. Хотя активен принцип мифологизации — отождест-

вление. Не предопределенность, вытекающая из повторяемости, замкнутых соответствий, хотя сильно ощущение постоянства, органично присущего и независимого от какой-либо воли. Пастернак не вторгается в мир и не организует его сообразно своим представлениям, предметы мира не становятся у него признаками переживания — мир сам вторгается, приходит к нему, он ощущим и осязаем в своей первоизданности, но ощути-мость эта осуществляется изнутри: взгляд из окна, из дома либо взгляд из себя вовне¹⁵⁷.

Объективность и беспристрастность взгляда во многом фольклористичны. Мир зависимостей в фольклоре делит все окружающее на подвластное и неподвластное. Неподвластное регулярно испытывает воздействие со стороны агента через посредство подвластного. У Пастернака сфера неподвластного расширяется до границ мира, но при этом нет стремления к воздействию на него. Мир самостоятельных сущностей может напомнить сходством схемы нечто в мире людей и в ощущениях поэта. Внешнее несет следы впечатлений, содержит внутреннее, но это единство общего, тождество сущностей, свойство зеркала отражать, а не обусловленность, не подверженность действию.

Элементы внешнего — пространства, предметы — не задают состояний и неподвластны им. Они независимы: *Не поправить дня усильями светилен./Не поднять теням крещенских покрывал./На земле зима, и дым огней бессилен/Распрямить дома, полегшие вповал* (73).

Внешнее и внутреннее

Соединение внешнего и внутреннего всегда неожиданно: *Встав из грохочущего ромба/Передрассветных площадей,/Напев мой опечатан пломбой/Неизбываемых дождей* (72); *Под ясным небом не ищите/Меня в толпе сухих коллег./Я смок до нитки от наитий,/И север с детства мой ночлег* (72).

Внешнее и внутреннее, природное и человеческое обладают не свойством взаимного перехода или сплетения, они обладают единым свойством: *Пью горечь тубероз, небес осенних горечь/И в них твоих измен горящую струю./Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ, Рыдающей строфы сырую горечь пью* (72).

Свойства не закреплены за чем-то определенным и могут быть свойствами любого другого: *Из сада, с качелей, с бухты-барухты/Вбегает ветка в трюмо!../Дорожкой в сад, в бурелом и хаос/К качелям бежит трюмо* (115); *Ты в ветре, веткой пробуящим.../Намокшая воробышком/Сиреневая ветвь!* (115); *Лодка колотится в сонной груди./Ивы нависли, целуя в ключицы,/В*

локти, в уключины... (123); *Прислушайся к вьюге, сквозь десны процеженной, / Прислушайся к голой побежке бесснежья* (75).

Текущей признаков — следствие особого устройства категории объективной данности, категории внешнего и внутреннего, видимого/невидимого. У Пастернака, как и у Ахматовой, нет собственного словаря значений. Однако значения не синтагматичны, не окрашены переживанием, отношением к предикату; значения Пастернака — это своего рода понятия с более подробным, углубленным, терминологизированным видом семантической структуры. Снег, ветер, слякоть, весна, рассвет — проявления мира у Пастернака, его жизнь. Через проникновение в предметы, в систему внешних связей поэт стремится понять закономерности мышления, психологии, чувств. Социальное и внутреннее осознаются через ощущения внешнего.

Опираясь на эту зависимость, можно подходить к анализу межкомпонентных и функциональных связей, определять их соответствие фольклорным связям.

Поэзия Пастернака мгновенна, время спрессовано таким образом, что мир приобретает постоянство вечности, а вечность отражается в увиденном, изображенном миге. Отсюда важное следствие для функциональных связей: у Пастернака нарушается привычная, и в фольклоре обязательная, иерархия компонентов. Представления внешнего и внутреннего равно и взаимно обратимы в последовательности агентного, орудийного и параллельного.

Вот почему возможен путь не только от внешнего к внутреннему (внешнее — задающее, импульс), но и обратный. Импульсом становится внутреннее, отношение внешнего и внутреннего часто равное, двунаправленное, координативное: *И, как в неслышанную веру, / Я в эту ночь перехожу* (66); *И как с небес добывший крови сокол, / Спускалось солнце на руку тебе* (67).

Координативность приводит к взаимоусилению, взаимопобуждению элементов, чередованию по принципу шахматной доски, где внешнее и внутреннее, перемежаясь, создают эффект постоянства смены: *Февраль. → Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд, → Пока трохочущая слякоть / Весною черною горит. → Достать пролетку. За шесть гривен, / Через благовест, → чрез клик → колес → Перенестись туда, где ливень → Еще шумней чернил и слез... (65)*

Агентность приобретает у Пастернака характер двунаправленный, становясь действием взаимного инициирования: *Где, как обугленные груши, / С деревьев тысячи грачей / Сорвутся в лужи и обрушат / Сухую грусть на дно очей* (65). Объединением свойств (груши = грачи → обугленные = черные) воссоздается неэксплицированная картина: обугленные груши → обгоревшие де-

ревья, пожар (весною черною горит), возникает связь — между внутренним, непредставленным, и увиденным.

Изображение двойственно и развивается одновременно как перемежающиеся — видимое, внешнее (1) и невидимое, внутреннее (2): *Но время шло¹, → и старилось, иглохло². И, поволокой рамы серебра, / Заря из сада отдавала стекла¹ → кровавым слезам² → сентября¹. Но время шло и старилось. И рыхлый / Как лед¹, → трещал и таял¹ → кресла шелк¹. Вдруг прошедшая², → загнулась ты и стихла¹, → И сон² → как отзвук колокола² → смолк² (67).*

Чередование элементов, неодинаправленность связей придают стиху особую заданность — заданность внутренней организации. Двухкомпонентным может оказаться один элемент, семантически напряженный, диполюсный: *И ветер, удаляясь, нес / Как за возом бегущий дождь с о л о м и н, / Граду бегущих по небу берез (67).*

Двойственность элемента при переносе в видимое невидимого, внутреннего во внешнее свойственны поэтике Блока, Ахматовой. Однако проявления различны: двойственность Блока — следствие парадигматизации синтагматического значения, второе значение втягивается в семантическую структуру единицы из окружения, у Ахматовой — двойственность совмещенной связи, двойственность функций синтагматической схемы. Двойственность Пастернака представляет совместный тип: с ахматовской ее объединяет то, что она проявляется на стыке двух компонентов, но не в связи, а в единице, чем обнаруживает сходство с блоковской. В отличие от блоковской двойственность Пастернака не парадигматична, а синтагматична, как у Ахматовой.

Принцип и производные принципа

Глубинная пастернаковская фольклористичность ощутима только как способ восприятия, отождествляющий принцип. Действие принципа, его проявления с фольклорными не совпадают.

Все изображаемое членится у Пастернака на две части: дом и не дом, свое и не свое. Это исходная точка, от которой два направления — вовне и внутрь. При этом внутреннее способно переходить вовне. И тогда пространство внутри сокращается. Сначала до комнаты, потом и комната становится пространством вне. Обратное направление, извне внутрь, для Пастернака не характерно. Возможно лишь вторжение в комнату, но этим не разрушается замкнутость внутреннего, не раздвигаются его рамки: *Огромный сад тормозится в зале / В трюмо — и не бьет стекла! (114)*

Пространство внутреннего, отражая внешнее, остается нетронутым и потусторонним, оно не раскрывается у Пастернака, в то время как внешнее разворачивается во всей подробности, чувствуется стремление найти более точное ему определение; об устройстве внутреннего ничего не известно.

У поэта нет заданности в подборе элементов внешнего, их сопряжении и синтагматике. Его слова не обладают функциональной и ролевой отмеченностью, как у Ахматовой, воспроизводимостью в одном, всегда определенном значении, как у Блока. Нет сочетаемых групп как единств с дотекстовым значением, есть только принцип групп, группы создаются непосредственно в тексте.

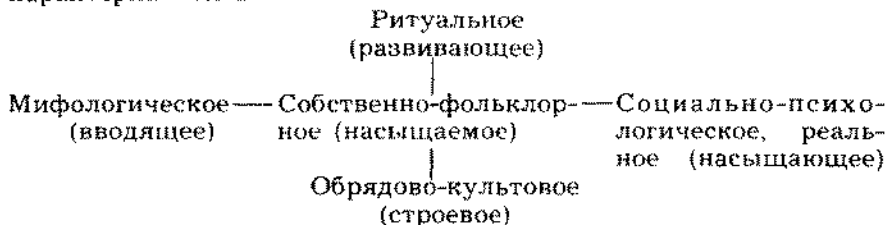
Пастернак парадигматичен в синтаксисе, в непосредственном проявлении. Каждый текст обладает собственным словарем, собственными группами, предикатными отношениями. В его поэзии все создается в данный момент, нет внешних включений, есть лишь внутренние глубокие основания и механизмы, по которым можно определять соответствия.

Таково соответствие механизма сочетаемостной группы. Сочетаемостная группа, как правило, носитель собственного, дотекстового либо внетекстового значения. Ее значение управляет смыслом текста, обладая тем самым не только выражающей, но и организующей способностью.

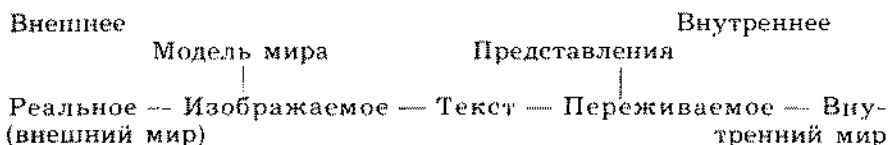
Элементы в группе закреплены и постоянны, но вербально это постоянство в фольклоре, в поэзии оно тематично: фольклорный смысл парадигматически более определен и конкретен, поэтический — обобщен, это смысл темы значения, а не значения.

Элементы группы связываются отношениями, семантика которых подчинена предикату темы. Темы соответствуют узловым частям системы представлений порождающего сознания — сознания поэта, сознания фольклорной традиции.

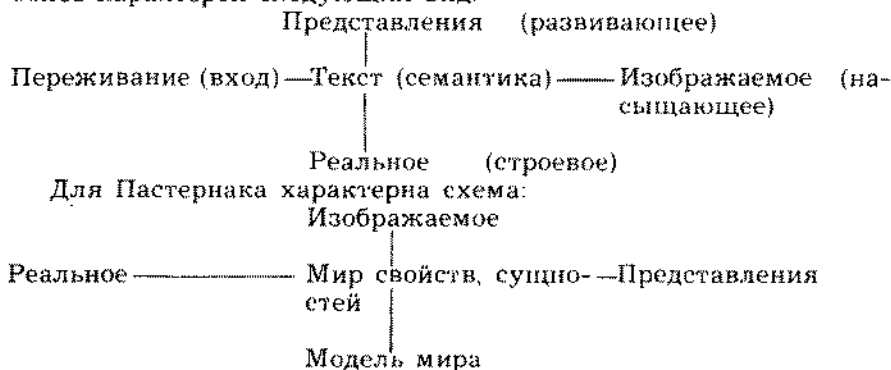
Фольклорная схема сочетаемости значима как сокращенная схема мифа, культовая, обрядовая, магическая, заклинательная, гадательная. Отмеченность фольклорной схемы — отмеченность компонентная и функциональная. Для фольклорной семантики характерна схема:

В поэзии компонентно-функциональный набор выглядит по-другому:

Шесть исходных в разных поэтических системах по-разному отражаются в четырех основаниях схемы. Возможны вариации в творчестве одного поэта. Схема насыщения типологична. Наиболее характерен следующий вид:

Соответствие фольклорной обнаруживается в функционально-ролевом интерпретирующем отношении: реальное сущностно мифологической, внешней сущностью, в то время как мир свойств формируется представлениями. Реальное в фольклоре, как и у Пастернака, отражено в конце и в начале схемы: реальное — мифологическое и внешнее (вход) и реальное — социально-психологическое и внутреннее (выход).

В смысловом насыщении (оформлении схемы) можно выделить ступени. Описывается круг — будущая тема, вход, она компонентна (реальное, изображаемое, представление, модель), этот круг предикатен — то, что относится ко мне созерцающему, наблюдающему в поисках сущности. В круге высвечиваются, проступают опорные, ролевые выразители состояния — взгляд, место, покой, тьма, одиночество — это строй схемы. Намечаются пути семантизирующего выхода, пути поиска вербализующих оформителей. Одновременно включаются другие тематические сферы, схема динамизируется изнутри и извне — развитие схемы. И наконец, наступает завершение — схема приобретает конкретность, оформленность: *Со мной, с моей свечою вровень/Миры рас-*

цветшие висят... И, как в неслыханную веру, / Я в эту ночь
перехожу (66)

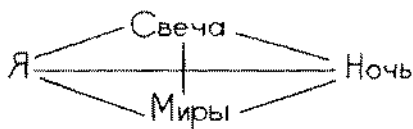
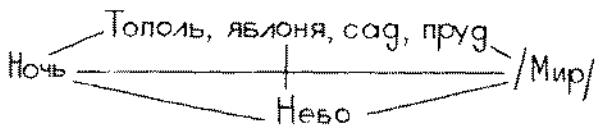
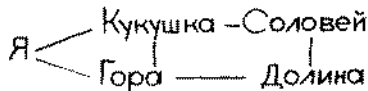
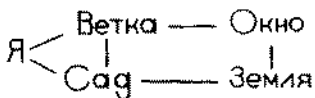
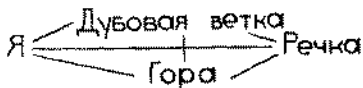

Схема развивается, ее завершение становится началом, входом в другой: Где тополь обветшало-серый / Завесил лунную
пруд, / Где пруд, как явленная тайна, / Где шепчет яблони при-
бой, / Где сад висит постройкой свайной / И держит небо пред
собой (66).

Пастернаковское соответствие фольклору — в динамике, развитии, выборе составляющих схемы: развитию входа, развитию строя, развитию развития и развитию насыщения (каждая из четырех составляющих схемы имеет собственные четыре ступени — вход, строй, развитие и насыщение). Практически в любой сочетаемостной группе у Пастернака чувствуется развивающаяся активность агента. У Ахматовой это отмеченность ситуации в ее отношении к центральному предикату встречи, ожидания, прощания, воспоминания. У Блока — функционально-ролевая характеристика в структуре пространства горы, города, леса, степи.

Развивающая агентность не просто осязаемое, но регулирующее средство формирования сочетаемостных групп. Их структурно-семантические соответствия фольклорным схемам сочетаемости не случайны, они — следствие глубинного соответствия принципов — пастернаковского и фольклорного:

знаки особой ночи, священного жертвенного, сжигающего огня, цветаевской безудержи.

Мир Цветаевой — внешний мир, но это мир неровный и неравный: мир светящихся, ярких, решающих вихревых моментов, событий, лиц, деталей, выделенных из массы, мир резких впечатлений, оттеняющих будничность. Всё Цветаева видит словно сквозь призму бешеного огня, но то, что она видит, сущностно не собственной сутью, как у Пастернака, а соответствием образу представлений — библейскому, литературному, романтическому и в этом ряду, наравне с другими, фольклорному: *Я поднимаюсь по белой дороге, / Горькой, звенящей, крутой (61); Мировое началось во мгле кочевья: / Это бродят по ночной земле — деревья, / Это бродят золотым вином — грозди, / Это странствуют из дома в дом — звезды (111).*

Образ, помещаясь в окружение разностилевых тем и мотивов и не утрачивая первоначальной определенности, подвергается расширениям, осложнениям, дополнениям: дорога — белая, крутая, горькая, звенящая; деревья, виноград, звезды — кочуют, бродят, странствуют.

Острота впечатлений достигается совмещением реального, внешнего и внутреннего, из области представлений — литературных, фольклорных, культурных. Стремление увидеть в реально-будничном обобщенно-культурологическое, вторичность и опосредованность образов создают типичный цветаевский эффект ряжености, пестроты, колорита.

Колористичность и стилизованность — отличительные черты поэтики М. Цветаевой — определяют смысл, типологию и вид ее фольклорных включений. Цветаева использует фольклорные элементы, мотивы, образы, схемы намеренно, с целью создать присутствие фольклорного, добываясь соответствующего ощущения. Поэт преревоплощается в образ, это одна из масок, одна из ролей, интерпретирующих смысл сказанного, и одновременно его фабула. Действительность разбивается на тысячи осколков, и эти куски как мозаикой собираются в узоры — похожие на фольклорные, похожие на библейские, похожие на цыганские.

Колдовство, магия, гадания — не просто широко используемый мотив и не просто объявляемая сущность себя, это семантический принцип. Стихи — как расклады карт, части, фрагменты, куски их словно не созданы, а собраны, расположены. Эксперименты Цветаевой — это пробы новых раскладов и поиски новых сочетаний, вводимых непосредственно в организацию стиха.

Ночь, степь, пламя, свечи, поле, вороны стилизованы и окрашены соответствием источнику. Цыганские: *Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь — уж рвешься прочь, / Я лоб уронила в*

руки/И думаю, глядя в ночь... (72); Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре — /Помните утренний ветер и степь в серебре? (112) Языческие славянские: И льется аллилуйя/На смуглые поля. — /Я в грудь тебя целую,/Московская земля (83). Языческие древневосточные: Богиня Иштар,/Храни мой костер:/ (Пламень востер?) (221) Библейские: Прогулявшим в ночи звездные/В райском яблочном саду... — Быть нам, девицы/Любезные,/Сестры милые, в аду! (73); Древа вещая весть! Лес, вещающий... (73) Ах, с топочущих стоги/В легкий жертвенный огонь/Роц! Великий покой... (204) Православно-христианские: Это ночь зажгла/Этот светлейший лик... (83); К двери светлой и певучей/Через ладанную тучу/Тороплюсь (108); Чернецы верховые,/В чащах бога узрев? (204) Романтические: Так, в ночи ночей безлунных,/Мимо сторожей чужбинных:/Зорких врат — /К двери светлой и певучей... тороплюсь (108); Вдруг вошла/Черной и стройной тенью/В дверь дилижанса. Ночь ринулась вслед (106) Нам, над люлькой да над прялкой/Не клонившимся в ночи,/Уносимым лодкой валкою/Под полою епанчи... (73) Фольклорно-поэтические: Там, где во поле во пустом/Воронье да волк (84). Мне ни один возлюбленный/Не вывел палат.../Сама воздвигаю за ночь/Мосты и дворцы (157) — сказочный мотив.

Однако и призначность, подобная ахматовской, не чужда Цветаевой. Дверь, окно, свеча не всегда стилизованы, и не всегда это только обозначающие реальных предметов, в контексте они способны приобретать особую знаковую: Снежный лебедь/Мне под ноги перья стелет./Перья реют/И медленно никнут в снег./Так, по перьям,/Иду к двери./За которой — смерть (93); Ты солнце в выси мне застишь,/Все звезды в твоей горсти! Ах, если бы — двери настезь — /Как ветер к тебе войти (105); Беззакатного времени/Грозный мел./Значит, бог в мои двери — /Раз дом сгорел! (213); Руки люблю/Целовать, и люблю/Имена раздавать,/И еще — раскрывать/Двери! — /Настезь — в темную ночь (86).

Дверь становится знаком дома, внутреннего мира, души, запаха, запаха. Может обозначать ожидание, приход, одиночество, душевную щедрость. Окно — маленький свет, отдушину, душевное тепло, надежду: Есть черный тополь, и в окне — свет,/И звон на башне, и в руке — цвет,/И шаг вот этот — никому — вслед,/И тень вот эта, а меня — нет (87); Вот опять окно,/Где опять не спят.../Крик разлук и встреч — /Ты, окно в ночи!../Помолись, дружок, за бессонный дом,/За окно с огнем! (90)

Свеча выступает как озаглавленное двух мотивов: память по смерти (свеча церковная) и свеча в ночи — одинокий неверный огонек, свет, тепло во мраке: Не запаливайте свечу/Во церковной мгле. — /Вечной памяти не хочу/На родной земле (84); Мо-

жет — сотни свеч,/Может — три свечи.../Нет и нет уму/Моему — покоя (91).

Цветаевские фольклорные включения внешни, колористичны. Это типично фольклорные лексические элементы: рученьки, ноженьки, голубок, головушка, кудри развитые, терема, лебеди, дружок, кровушка, гусли. Это фольклорные сюжетные схемы, не получающие, однако, характерного для фольклора развития: заимствуется состав, а не развитие и насыщение схемы.

Молодую рощу шумную/Дровосек перерубил./То, что господом задумано,/Человек перерешил.../И уж роща не кольшется,/Только пни покрыты ржой./В голосах родных мне слышится/Томный голос твой чужой (123). Пойти в лес (рощу), вырубить дерево (доску) в фольклоре обладает обрядовым смыслом, выступает в функции задающего орудийного действия — вводит тему грусти, тоски, печали. Цветаева, отталкиваясь от состава, развивает смысл единицы в ином повороте: тема грусти, обреченности (роща) дается как параллельный и изолированный план, орудийно и агентно с основным не связанный.

Два дерева хотят друг к другу.../То, что поменьше, тянет руки,/Как женщина, из последних.../Два дерева в пылу заката/И под дождем — еще под снегом/Всегда, всегда: одно к другому./Таков закон: одно к другому (146). Деревья, вырастающие на могиле умерших влюбленных и тянущиеся друг к другу. — условно действительный факт, через соответствие фольклорному мотиву получает обобщение и интерпретацию (таков закон: одно к другому). Представление объясняет реальное.

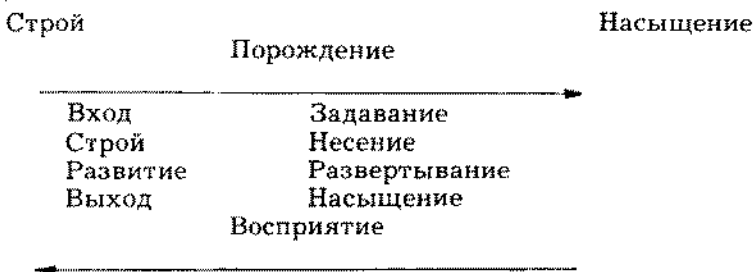
Фольклорный мотив, единица, образ способны выполнять номинативную функцию, становясь означающим не имеющих имени и определенности состояний внутреннего, подобно гадательным символам: длинная дорога, пустые хлопоты, удар, казенный дом, весть, любовь. Это семантика общих, пренебрегающих конкретностью, отношений агента. Набор средств выражения данной функции составлен у Цветаевой не только фольклорными элементами, но и знаками мифологического, общелитературного и общекультурного характера:

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения жгучи!/Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!/Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи,—/Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля! (72); Только закрою горячие веки — /Райские розы, райские реки.../ Где-то далече,/Как в забытыи,/Нежные речи/Райской змеи./ И узнаю,/Грустная Ева,/Царское древо/В круглом раю (111); Голубь голый и светлый,/Не живущий четой./Соломоновы пеплы/ Над великой тщетой (213).

Элементы разной стилевой принадлежности способны, сталкиваясь в пределах текста, вступать в отношения, подобные компо-

нентным: агентные, орудийные, параллельные. Фольклорные элементы, будучи включены в подобные отношения, получают специфическую функциональную характеристику: формируя самостоятельный и противостоящий другим стилевой компонент, во взаимодействии с другими они приобретают способность выступать как задающие (инициирующие, орудийные, параллельные), строевые, развивающие и насыщающие. На этой основе, отталкиваясь от новых функциональных свойств, можно построить типологическую картину фольклорных включений Цветаевой.

Фольклорная характерологичность проявляется в соединении двух групп — строя (включает вход) и насыщения (включает развитие):

При восприятии движение происходит от насыщения к строю, с точки зрения порождения направление будет обратное. Следует говорить о задавании, несении, развертывании и насыщении входа; задавании, несении, развертывании и насыщении строя, развития, выхода — т. е. для цели анализа будет использован путь от восприятия (от насыщения к строю). Первый элемент наименования указывает на фольклорную функцию, второй — на функцию в поэтическом тексте. Вход — задавание, строй — несение, развитие — развертывание, выход — насыщение одновременно представляют различие статического и динамического, различие проникаемое: несущий выхода и несущий насыщения, задающий выхода и задающий насыщения следует рассматривать как равноправные варианты типов.

Функционирующие (16 типов)

1. **Задающий входа.** Тип включения, при котором один или несколько включенных элементов стремятся выполнить функцию задающей темы. Темоорганизующий семантический признак, тоновый признак фольклорного значения сохраняется (печаль, грусть, радость, светлое, таинственное, потустороннее, разлука, рубеж), однако дальнейшее развитие и насыщение,

состав (строй) элементов в тексте не фольклористичны и к фольклору, к данной темозадающей функции не имеют непосредственного отношения. Элемент включается прежде всего как колористичный, как знакомое оформление и потому выступает как признак темы, показатель ее присутствия.

Возможны следующие случаи:

а) *По церковке — все сорок сороков/И реющих над ними голубков...* (79)

Тема свернута, отзвук, тоновый штрих фольклорного мотива радости, светлой вести; по отношению ко всему тексту задающей функции не выполняет.

б) *...Гремит над жарким его шатром/Соловиный гром...* (113)

Тема периферийна; представлена двумя элементами: шатер, соловей — разбой, уединение, ночь, красавица.

в) *Как по синей по степи/Да из звездного ковша...* (220)

Тема выступает как задающая всего текста, это начальный вступающий элемент, определяющий не только настрой и значения составляющих, но и смысл текста в целом: степь — тревога, опасность, смерть.

2. Несущий входа. Тип включения, при котором строй некоторой фольклорной задающей функции эксплицируется набором составляющих элементов и данный набор вводит лишь представление о возможном проявлении, ходе темы, о ее отнесенности к фольклору. Элементы не получают развития и насыщения в тексте, часто семантически не связаны с другими, это лишь мозаичные, расцвечивающие вкрапления тона. Однако, в отличие от включений первого типа, они не обладают признаками задающей функции, не обуславливают дальнейшего развития текста и с ним не связаны. Это строевые, номинативные единицы, имеющие отношение к входу с точки зрения себя самих, с точки зрения внутренней своей семантической устроенности. вследствие того, что выступают как образующие вводимой темы.

Возможны случаи:

а) *И яблони — что ангелы — белы,/И голуби на них — что ладан — сизы* (78).

По строевым вводится две темы — тема яблони и тема голубя, которые не означают развития, но получают интерпретированную характеристику (яблони — белы, голуби — сизы). В фольклоре обе темы, хотя и принадлежат общему обрядовому комплексу (свадебному, похоронному), обычно не встречаются вместе, не сталкиваются: яблоня — краса, девичество, родительница, светлое, родное, теплое; голубь — вестник счастья, добра, душа, близкий, возлюбленный, брат, семья. Цветаева, на основании близости, объединяет их, мало того, пространственно совмещает (голуби — на яблонях). Образ вводится только как тоновое

сопровождение, характерная картинка, в чем и состоит его функция несущего вход.

б) *Ветры спать ушли — с золотой зарей, / Ночь подходит — каменной горой...* (113)

Вводя тему горы и ветра (тревожное ожидание, недобрые предчувствия, нежданный гость, возможная смерть) в обычном для фольклора соединении, Цветаева достигает эффекта подобия фольклорному зачину, инициирующему дальнейшее развитие действия.

в) *Ни ночки даром проспавной / Все в райском во саду!* (149)

Тема сада вводится как иносказание через подобие фольклорной теме (в саду гулять с милым, счастливой быть в саду).

3. Развертывающий входа. Возможны две разновидности: развертываемый как вход, подобный теме-входу в фольклоре и способствующий развертыванию, фольклорный импульс развития нефольклорного входа текста. Тип предполагает развитие по опорным, сигнальным элементам некоторого значения, выполняющего задающую функцию в тексте. Тип достаточно редок, у Цветаевой может быть представлен одним случаем:

Обвела мне глаза кольцом / Теневым — бессонница, / Оплела мне глаза бессонница / Теневым венцом (85). Две тематические позиции, две опоры темы, и одновременно самостоятельные темы, выполняют объединенную функцию входа: кольцо — рук, венец — круг, кольцо — связь, неразрывность, замкнутость, обязательство, обручение, венец — контакт, причастность к потустороннему, распознающее, воздействующее и предсказывающее, увенчанность; все эти признаки, соединяясь, создают широкий круг представлений и связей, поддерживаемых и развиваемых в тексте. Включение не только задает тему, но и развивается в тексте: объединение развертывающей и вводящей функции.

4. Насыщающий входа. Тип включения, при котором фольклорные элементы выступают средством смыслового оформления элементов задающей функции, либо сами насыщают функцию, либо (третий случай), фольклорно насыщенные, выступают в задающей функции по отношению к тексту. У Цветаевой встречаем примеры третьего вида:

а) *Белье на речке полощут, / Два цветика своих ращу* (129).

Тема (ожидание милого у берега ручья, реки) и буквальность реального действия (полоскание белья, домашняя работа) у Цветаевой объединены, что характерно и для фольклора. Однако если для Цветаевой важнее реальность действия, то в фольклоре действие прежде всего вводит тему. Насыщенный, заимствованный из фольклора смысл выступает в строке как вход для себя. Входом в текст он может быть признан лишь как

начало; в отношении к другим элементам текста задающей функцией не обладает.

Самозадаваемость — свойство, обусловленное особенностями текста, в котором элементы находятся в функционально равных отношениях друг у другу. Элемент становится импульсом самого себя (значение фольклорное провоцирует значение, обусловливаемое текстом), задающая функция из текстовой превращается во внутреннюю функцию элемента. Перемещение внутрь приводит к двойственности элемента. Цветаевский способ состоит в совмещении двух стилевых начал, в данном случае фольклорного и реального.

б) *Горе ты, горе, — соленое море!/Ты и накормишь,/Ты и напоишь,/Ты и закружишь,/Ты и отслужишь!* (140)

Фольклорный смысл (горе — море: безграничность, соленость, море — загробный мир, смерть и ее приход) насыщен и выступает как задающий для целого комплекса невыраженных смыслов и ощущений. Задающий к невыраженному — в этом функциональная особенность данного элемента.

5. **Задающий строй.** Тип включения, при котором создается впечатление сходства с фольклорной схемой, а единицей задается строй, подобный фольклорному. Тема при этом развития не получает.

а) *Где-то в ночи подковы/Взрывали траву* (88).

Фольклорность возникает из всего текста, нагнетением элементов, в совокупности создающих ее ощущение.

Стилевая неоднозначность Цветаевой способна производить впечатление неполного, размытого соответствия. В приведенном примере вероятно включение строевых элементов двух предикатных единиц: конь копытом землю бьет (признак готовности, силы собирающегося в путь за невестой) и мять, топтать, рвать траву (в ожидании невесты, нетерпение сватающегося), но без фольклорного насыщения, без отражения фольклорных значений. Только строй и его элементы, создающие впечатление отзвука, воспоминания темы.

б) *Протожий, остановись!/Сорви себе стебель дикий/И ягоду ему вслед.../Но только не стой угрюмо./Главу опустив на грудь./Легко обо мне подумай,/Легко обо мне забудь* (58).

Сорвать пруточек, веточку, рвать ягоды — объединением строевых начал двух единиц создается особая семантико-фольклорная колористичность: душа — трава, цветок, ягода, дерево; поминальный и гадательный смысл действий: сорвать цветок, ягоду, стебель.

в) *И стоит Степан, — ровно грозный дуб* (115).

Задается строй фольклорного мотива-включения, но не развивается, не получает насыщения, не оформляется семантически.

6. Несущий строй. Тип, при котором элементы фольклорного строя, будучи включенными в текст, не получают развития, не вводят тему, не создают тона, не развивают смысла, не насыщают: наиболее чистый случай колористичности, своего рода стилевые экзотизмы текста. Вкраплениями они могут создавать параллельный план, выступая фоном по отношению к другим представлениям и другой семантике.

а) *Нынче я гость небесный/В стране твоей./Я видела бессонницу леса/ И сон полей* (88).

Лес — поле — гость — схема прихода с того света, прихода смерти, предка, души возлюбленного; небесность гостя и ночь усиливают впечатление сходства.

б) *Ивы — провидицы мои!/Березы — девственницы!* (203)

Березы, ивы — в их уподоблении женскому, душам, печаль ивы и способность предсказания печали, береза в троицких обрядах — все это соответствует цветаевскому представлению. При этом элементы называют только признаки, не становясь темой, не получая развития и насыщения.

7. Развертывающий строй. Тип включения, при котором строй фольклорной единицы служит развитию текста, сам не развиваясь.

а) *Как из моря из Каспий-/ского — синего плаща,/Стрела свистнула да...* (220)

Строй фольклорных схем (стрела; из-за моря) внутренне развивает текст, создавая напряжение: стрела из-за моря не предвещает доброго.

б) *А как бабушке/Отходить, отходить,/Стали голуби/В окно крылом бить* (150).

Фольклорная схема последовательно развивает повествование в несколько этапов: *А как бабушке/Помирать, помирать — /Стали голуби/Ворковать* (149). С голубями у бабушки происходит разговор, голуби в тексте обладают не характерной для фольклора функцией запаздывающего отражения — в народных песнях параллельный план, как правило, опережающий. Фольклорной определенностью сопровождающей функции характеризуется только одна фаза: стали голуби в окно крылом бить. Прочие не фольклорны. Нефольклорное порождает, таким образом, фольклорное, которое, способствуя внутреннему развитию семантики текста, включается наравне с другим в параллельный план как семантико-стилевой признак.

в) *...По ночам/Не молись идолам!/Я твою тайну выдала,/Идолопоклонница./Мало — тебе — дня,/Солнечного огня!* (85)

Солнечный огонь, огненный круг, способствующий росту — в купальских, святочных, масленичных обрядах, — в тексте раз-

вития не получают, но обладают внутренней сжатой силой, способностью к развертыванию при восприятии.

8. Насыщающий строй. Тип включения, при котором текстовое насыщение строевого фольклорного элемента совпадает с насыщением фольклорным. Строевой элемент в этой функции выступает активным стилизующим средством; как пример прямого заимствования, как цитата:

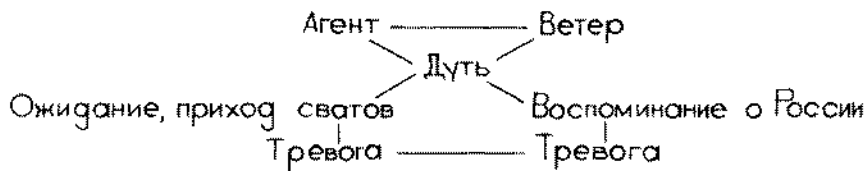
Что луга мои ящиче не скошены,/Жемчуга мои бурмицкие не спожены,/Что леса мои волынские не срублены,/На Руси не все мальчишки переляблены! (150)

Основным признаком типа следует считать совпадение не только вида и строя, но и значения фольклорного элемента: луга (траву) косить=любить (в обрядах ухаживания, в семейно-бытовой лирике); жемчуга носить — получить подарок от милого, одаривание, богатство, предстоящая свадьба; лес срубить — срубить дерево березу, мотив встречи потустороннего гостя (рубить дерево, мостить мосты в святочном комплексе) и мотив майского дерева, семицкой березы (срубание и потопление березы — олицетворение молодого женского начала, культ продуцирующих растительных сил). У Цветаевой представлен второй мотив. Пример характерен ассоциативным совмещением значений — жемчуга носить и лес рубить.

9. Задающий развития. Тип, при котором фольклорный элемент задает развитие в тексте, либо развитие получает фольклорная тема.

а) *...Ночами беседую с ветром./Не с тем, италийским/Зефиром младым.—/Хорошим, широким, Российским, сквозным* (165).

Тема ветра — ожидание прихода, перемен, тревога — меняет направленность в тексте, получает иное семантическое оформление:

Тоновая общность темы (тревога) оказывается достаточной для семантической перегруппировки, параллельного развития и появления насыщающего (вспоминание о Родине, о России): *...я — руки настезь! — застыла — столбняк!/Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!* (165)

б) *За этот ад,/За этот бред,/Пошли мне сад/На старость лет.../Для беглеца/Мне сад пошли.../Сад — одинокий./Как сама.../Тот*

сад? А может быть — тот свет? — /на старость лет моих по-шли — /На отпущение души (307).

Тема сада — отдохновение, добро, благо, покой — своеобразно перекликается с фольклорной: сад — родительская опека, воспитание, место рождения и смерти, тот свет, вечный покой, рай. Текстовым развитием, не противоречащим в целом фольклорной теме, создается новое значение (сад — одинокий, без никого) как дополнение и переосмысление начального. Появление новых значений — свойство функции, задающей развитие, признак типа.

Неэксплицитное, внутреннее развитие смысла — характерная черта цветаевской сжатости. В тексте заложена способность к разворачиванию при восприятии. Отсюда неэксплицитные проявления типов:

в) *Кликкала — накликкала... Мало — меня — звала?* (85)

Тема зова передана элементами-сигналами, намеками на развитие, поскольку она не основная в тексте. Темы, не раскрытые, но способные к внутреннему развитию, включаются в текст как номинативные единицы:

г) *Этот — орлицей, синицей — тот, — /Всяк по-иному меня зовет* (85).

Орлица, синица — не имена, а свернутые темы фольклорных развитий, актуальные для текста именно как развития.

10. Несущий развития. Тип, при котором воспроизводятся, называются строевые элементы возможного развития схемы. Схема восстанавливается, но развития и насыщения не получает. Функция строевых элементов отлична от функций элементов входа: строй не обладает свойством толчка, он раскрывает статику схемы. В данном случае статику схемы развития — таков функциональный характер типа.

а) *Красною кистью/Рябина зажглась./Падали листья,/Я родилась* (83).

Я — рябина: родство, тождество человека и дерева, близкое фольклорному, в стихотворении ощущается внутренне: *Мне и доньне/Хочется грызть/Жаркой рябины/Горькую кисть* (84). Строй схемы заместителя (я — рябина) номинативен и как источник развития не используется.

б) *Положите меня промеж/Четырех дорог./Там, где во поле во пустом/Воронье да волк* (84).

Элементы строя развития схемы (в поле — волк, воронье, поле — чужое место, пустырь, рубеж, пугающий и нечистый) лишь названы, служат знаком темы, не самой темой.

11. Развертывающий развития. Прием варьирования фольклорной схемы развития, развитие ее в ином направлении. Разворачивается схема по тем же опорным, что и в фольклоре, — зна-

чения ее. приспособляясь к семантике стиха, изменяются.
а) *Пожирающий огонь — мой конь./Он копытами не бьет, не ржет./Где мой конь дохнул — родник не бьет./Где мой конь махнул — трава не растет* (132).

Развитие схемы по отрицанию порождает новые значения. Вот почему фольклорная схема получает текстовое развитие: конь бьет копытами, ржет (нетерпение и сила отправляющегося за невестой, продуцирующая сила, способствующая плодородию, росту), где конь ударит — оттуда родник, кровь; взмах хвостом — трава → конь не бьет, не ржет, родник не бьет, трава не растет (уничтожение, пустота, иссушающее бессилие — неумная сила, рвущаяся наружу, ненасытная, кровавая и сокрушающая): *Ох, огонь — мой конь, насытый едок!/Ох, огонь — на нем — насытый едок! С красной гривой свились волосы.../Огневая полоса — в небеса* (132).

Тема огня подхватывает и развивает значение: конь — красный всадник — день — солнце — мифологическая схема (смена дня и ночи), разворачивает сопровождающий семантический признак. Тревожный, пугающий бег, не предвещающий добра, бег времени, приближающий смерть, — за красным всадником неизменно следует черный. Бессильная сила ведет к смерти, подобна, равна смерти.

Развитие схемы внутренне не противоречит теме фольклорной схемы, а через отрицание расширяет и обобщает ее. Мифологические и сказочные схемы часто получают у Цветаевой собственное развитие:

б) *Семеро, семеро/Славлю дней! Семь твоих шкур твоих/Славлю, Змей! ...Пустопорожняя/Дань земле — /Старая кожа/Лежит на пне.../Старую кожу,/Прохожий, жги! Старое сброшено — /Новое жди!/Снашивай, сбрасывай/Старый день!/В ризнице нашей — /Семижды семь! (182)*

Происходит двойное развертывание: фольклорная единица разворачивается по собственной схеме, и одновременно в ней развивается стиховой смысл. Включенный элемент оказывается не инородным, не внешним стиху, а внутренним, органическим.

12. Насыщающий развития. Тип, при котором схема развития получает фольклорное насыщение в тексте, происходит совмещение фольклорного значения и переосмысленного на его основе собственного:

А настанет срок — /Положите меня промеж/Четырех дорог.../ Не чуралася я в ночи/Окаянных мест (84). Четыре дороги, четыре стороны света, четыре угла, перекресток, отмеченность перекрестка как окаянного, нечистого места — фольклорная схема в полном, насыщенном виде — используется для развития внутренних, невыраженных значений.

13. Задающий выхода. Задавание для выхода следует понимать как тематическое введение. Элементы, выполняющие функцию разрешения в тексте, становятся его тематическим знаковым определением, они вводят тему выхода:

С головою меня укрой,/Полевой бурьян (84). Схема соответствия: во поле убиту (мертву) быть — камень во изголовьице. Названы общие элементы, схема близка фольклорной, но смещена. Разрешение (убитую — мертву быть) становится очевидным через признаки: с головою — в поле — бурьян, укрой. Начало и конец, вход и выход совмещаются, вводимое становится знаком разрешающего конца. В этом смысл типа.

14. Несущий выхода. Тип, при котором элементы предполагаемого по схеме выхода-результата называются, но не развертываются. Соответствие фольклорному достигается общностью строчных значений:

— *Не спи! Крепись! говорю добром!/А то — вечный сон! а то — вечный дом!* (90) Строй схемы (вечный сон — вечный дом — гроб) соотносим с фольклорным: гроб — домовина. Начальное условие типа (общность строя) и функциональное условие (насыщение, выход в тексте) соблюдены.

15. Развертывающий выхода. Тип включения, при котором схема конца, разрешения либо фольклорно насыщена, либо получает развитие по подобию фольклорной схемы с изменением смысла. Выход может быть дан как фольклорный, может быть представлен по фольклорной схеме, но при этом не быть фольклорным. И может быть выходом для развития, заданного фольклорной схемой, элементы которой в тексте представлены как трансформированные включения.

а) *Далеко — в ночи — по асфальту — трость,/Двери настезь — в ночь — под ударом ветра. — /Заходи — гряди! — нежеланный гость./В мой покой пресветлый* (76).

Фольклорная схема гостя и беспокойного ожидания прихода (ветер с чужой стороны — сваты) совпадением элементов и сходством темы (ночь, ветер, гость) объединяется с текстовой, выполняя функцию выхода, разрешения.

б) *К печальница/Радости в саду/Я гостя чужеземного сведу* (73).

Проводить в сад, гулять в саду, встретить чужого, гостя — фольклорные единицы с закрепленным значением (встреча влюбленных, ухаживание) получают в тексте смещение, однако фольклорное значение схемы не утрачивается. Схема предстает как фольклорно насыщенная, развертывается как выход, семантическое разрешение.

в) *...рыцарь,/Стережущий реку./...Ка-ра-ульный/На посту раз-лук* (255)

Река — рубеж, граница, за которой что-то другое, чужое и

потустороннее. Река — разлука, отъезд, прощание. Река — место переправы на ту (эту) сторону. Все эти значения, в основе своей фольклорные, используются Цветаевой для развития семантического разрешения, для оформления выхода.

16. Насыщающий выхода. Тип проявляется не только в совпадении словесных формул (насыщение), но и в соответствии разрезающей, выходящей функции текстового и фольклорного:

«Простите меня, мои горы! / Простите меня, мои реки! / Простите меня, мои нивы! / Простите меня, мои травы!» (127) Формулы фольклорного плача вводятся без изменения: Ты прости-прощай, гора, лес, реченька... Элементы теряют значение рубежа на пути и служат одной только функции прощания: *Мать — крест надевала солдату, / Мать с сыном прощалась навеки... / И снова из сгорбленной заты: / «Простите меня, мои реки!»* (127)

Помимо семантической стилизации для Цветаевой характерны стилизации ритмические, интонационные. Стремясь воплотить жанры заклинания, заговора, плача, поэт в первую очередь опирается на интонационный и ритмический рисунок, фольклорных строевых и предикатных схем, сочетаний слов и других вербальных средств при этом не используя: «Чтобы помнил не часочек, не годок», «Развела тебе в стакане», «В очи взглянула», «Как перед царями да князьями стены надают», «Голос — сладкий для слуха!», «Плач матери по новобранцу», «Вчера еще в глаза глядел», «Как по синей по стене».

Подобные стилизации — характерная и специфическая черта поэтического стиля Цветаевой. У других поэтов до нее так широко и последовательно интонационные и ритмические стилизации не встречаются.

Мотивационное членение текста

Мотивационный анализ можно производить с точки зрения объясняющих образ смыслов, с точки зрения их синтагматической последовательности, с точки зрения мотивирующих смысл связей, с точки зрения предваряющих текст схем. Для определения трансформационных типов включений интерес представляет последний вид.

Предваряющие схемы — одно из средств трансформационной семантики. Семантическое включение общеизвестного, его изменение в тексте, создание на его основе собственных значений можно рассматривать как прием художественной стилизации, художественного варьирования общезначимого смысла. Для Цветаевой подобный прием характерен.

Фольклорные схемы в качестве предваряющих в ее поэзии используются в одном ряду с другими, как стилевые признаки

соответствующих представлений. Вид и характер предваряющей схемы, тип мотивирующей функции — трансформационные показатели, типологические показатели включений.

Полный набор трансформационных типов выявляется в результате анализа значительного числа текстов. Принцип мотивационного членения можно показать на примере одного текста. Текст подбирался такой, наличие предваряющих схем в котором и определение их характера по источнику не вызывали бы особенных колебаний:

<p>1. Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,—
Все жаворонки нынче — вороны!</p> <p>5. Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»</p> <p>9. И слезы ей — вода, и кровь —
Вода,— в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.</p> <p>13. Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»</p> <p>17. Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,—
Жизнь выпала — копейкой ржавою!</p> | <p>21. Детоубийцей на суду
Стою, немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»</p> <p>25. Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бодрствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать»,— отвечают.</p> <p>29. Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?</p> <p>33. Все ведаю — не прекословь!
Вновь яркая — уж не любовница!
Где отступает Любовь,
Там подстунает Смерть-садовница.</p> <p>37. Само — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
За все, за все меня прости,
Мой милый,— что тебе я сделала?</p> |
|--|--|

(164)

Мотивирующие строк

<p>1. Смотреть в глаза
смотреть друг на друга
(вербальные речевые схемы)</p> <p>2. Косить глазом
коситься на кого-либо
смотреть на сторону
(вербальные речевые схемы)</p> <p>1—2. Вчера..сегодня.../завтра/
(схема представлений, общая)</p> <p>3. Сидеть до /первых/ петухов
сидеть до рассвета
(вербальные, общеязыковые)</p> <p>4. Жаворонок — весна, радость
ворон — зловещий предвестник,
тревога</p> | <p>— Модификация
(присм)
— в глаза глядел, косится в сторону
(измененное объединение по структуре первой схемы с включением значения второй и заменой одного компонента)
— косится в сторону
(объединение трех схем в одну со значением второй и третьей, по первой осуществляется переход со строки 1 на строку 2)
— вчера.. нынче
(сокращенное включение с заменой одного элемента)
— до птиц сидел
(замена компонента для связи со схемой строки 4, значение сохранено)
— жаворонки .. вороны
(отождествляющее объединение в фольклоре несоотносимых схем)</p> |
|--|---|

- (фольклорные и общие схемы представлений)
5. Умный — глупый — глупая... умн
 6. живой — мертвый — живой... остолбенелая
(схемы представлений, вербальные, общие) (замена компонента — меняется значение, появляется окраска)
 7. ...всех времен (что-либо) — вопль всех времен, женщины всех времен
(вербальная речевая схема) (расширение сочетаемости)
 8. Что тебе я сделал(а)? — что тебе я сделала?
(вербальная речевая схема) (включение без изменения, субъективное словорасположение)
 9. В жилах не кровь, а водица — слезы — вода, кровь — вода, —
кровь рекой течет в крови, в слезах умылася
(вербальные речевые схемы) (парное расширение сочетаемости)
 10. Умываться слезами — в крови, в слезах умылася
весь (вся) в слезах, крови (парное расширение сочетаемости)
 11. Мать и мачеха; не мать, а мачеха — не мать, а мачеха — Любовь
(вербальные речевые схемы) (включение с расширением значения, сочетаемости)
 12. Ждать милостей — не ждите ни суда, ни милости
(вербальная речевая схема) (объединение в парное сочетание)
 - ожидать суда, Судного дня двух самостоятельных и с равным значением схем, расширение значения)
 - 13(14). Корабль — разлука, прощание; — увозят милых корабли, уводит их
дорога — разлука дорога
(схемы представлений, общие) (параллельное объединение двух непротиворечащих схем)
 14. Белый — покрытый снегом, — дорога белая
пылью — (реальное, о дороге); холодный, равнодушный (общее); к смерти относящийся (фольклорное) (объединение значений различных схем в пределах одной схемы, не исключено подключение фольклорного значения)
 15. Стон (стбит) по всей земле — и стон стоит вдоль всей земли
(схема представлений, вербальная, общая) (включение с усиливающей замечной — вдоль)
 17. В ногах валяться (умолять) — в ногах лежал
(лежать, быть) у ног кого-либо быть, лежать в ногах (о кошке, собаке, неодушевленных предметах) (объединение с включением значений всех трех схем)
 18. Сравнивать с недостижимым, далеким, прекрасным (звездой, луной, солнцем) — равнял с Китайской державою
сравнивать с жизненно необходимым (как вода, воздух) (объединение схем по принципу иронического совмещения: далекое + + необходимое + Китайская держава + мощное = та, которую любят)
 - (схемы представлений, общие) (как вода, воздух) (схемы представлений, общие)
 - равнять чему-либо — равнять с (просторечн.)
 - Китай, китайский (о чем-либо далеком и странном)
 - (национально-общие представления)

- держава — великое, мощное
(общее представлений)
19. Разжать (обе) руки
(вербальное, речевое)
руки → рученьки
(фольклорное, вербальное)
20. Жизнь — конейна
выпадет (при гадании)
выпасть из рук
(общее представлений)
гроша ломаного (копейки) не стоить
(вербальное, фразеологическое, речевое)
ржавый — старый, ненужный
(общее представлений)
21. Мать-детубийца (Медея)
(мифологическое)
22. Предстать перед судом, стоять на суде; Суд божий, Судный день
(общее представлений; библейское)
23. Быть в аду → быть грешником, вместе быть в аду с кем-либо → один грех иметь, быть равным по прегрешениям с кем-либо
(культовое представлений)
и после смерти что-либо делать → быть очень уверенным в чем-либо
(общее представлений)
25. (Стул) кровать — тюрьма
тюрьма → казнь
(общее представлений)
26. Терпеть и бедствовать — за что?
(вербальное, фразеологическое, речевое)
Любовь — муки, несвобода, плен, страдание, бедствие, тюрьма
(общее представлений)
- 27(28). Умерщвление жен, возлюбленных; жена на одну ночь
(общее, мифологическое, сказочное — Синяя борода; жених-мертвец, упырь в русских сказках)
колесовать, четвертовать — самые мучительные казни
(общее представлений)
29. Жить в огне, в самом огне, огонь любви, гореть (пылать)
страстью, огонь — дар, тепло, очаг
(общие представлений)
30. Степь — пустота, неуют, ненастье, скитание, дорога, вечное ожидание
(общее и фольклорное представлений)
степь — холодная, зимой, мороз, открытое место
(фольклорное, в ямщицких песнях)
- обе рученьки разжал
(введение фольклорно окрашенного элемента в структуру речевого устойчивого оборота)
- жизнь выпала — конейкой ржавою
(объединение с включением значений всех схем)
- детубийцей на суду стою — немилая, несмелая
(объединение схем с расширением исходного значения)
- я и в аду тебе скажу
(объединение значений трех схем в пределах одной схемы)
- спрошу я стул, спрошу кровать
— за что терплю и бедствую?
(знаковые, сигнальные включения; с развитием, объединением и взаимодополнением значений всех схем строк 25—28)
- отцеловал — колесовать: другую целовать
(усиленное включение)
- жить приучил в самом огне
(обобщающее объединение-вывод, значением последней схемы осуществляется переход в строку 30)
- сам бросил в степь заледенелую
(объединение схем)

- бросил — выгнал, оттолкнул (на улицу) в степь, на мороз (вербальное, речевое)
- 33(34). Все знать (ведать) — провидец, зрячий — неослепленный, трезвый; любовь ослепляет (общее представлений) — все ведаю... — вновь зрячая — уж не любовница (прямые включения известных схем)
35. Любовь и Смерть, смерть сильнее любви, за любовью наступает смерть, конец любви — смерть (общее представлений) — где отступается Любви, там подступает Смерть-садовница (объединение схем с подключением значения фольклорной схемы)
- сад — смерть, загробный мир (одно из фольклорных значений темы сада)
37. Само яблоко не упадет, если не потрясти дерево; яблоки сами (в рот) падают; спелое яблоко — само падает (общее представлений) — само — что дерево трести! — в срок яблоко спадает спелое (объединение схем, совмещение значений в пределах одной схемы)
- спелое, созревшее — прошедшее чувство; цвело — отцвело, зрело — отозрело, ушло — пропало (общее представлений)
- любовь — яблоко, молодые (жених и невеста) яблоки (фольклорная тема; библейское)
39. Прости за все (вербальная формула прощания) — за все, за все меня прости (усиление исходной формулы повтором и инверсией)

Основная тенденция цветаевских включений, основной модифицирующий прием, как следует из анализа, — объединение с заменой либо введением экспрессивно-усиливающего компонента. Стихотворение построено на использовании вербальных речевых схем и схем — стандартов общих представлений. Включений мифологических и фольклорных меньше: соответственно два и три.

Фольклорные схемы используются как дополняющие и экспрессивно усиливающие. В этом состоит их основная функция в творчестве Марины Цветаевой. Наряду с другими фольклорные включения служат средством компонентно-стилевого семантического усложнения, средством семантического сжатия, объединения значений нескольких схем в пределах одной схемы.

Трансформационные типы фольклорных значений

Фольклорные включения (трансформации) в поэтических текстах многообразны: от неизменных, непосредственных вербальных включений до преобразующих семантических вариаций. Фольклор в трансформациях проявляется и как активная дина-

мическая система и как пассивный набор, словарь готовых средств выражения. Включая фольклорные элементы, поэзия преобразует и подчиняет их, — как слова языка, как все, что вне ее, что ее материал.

Включение не предполагает отражения всех семантических и функциональных сторон включаемого. Достаточно проекция хотя бы одной семантической функции — входа, несения, развития, насыщения. Фольклористичность способна проявляться в пяти точках: элемент (1), его облик (2), компонентная определенность (3), исходная семантическая функция (4), функция, приобретенная в тексте, не противоречащая исходной и предопределяемая ею (5). Включения могут быть без изменения внешней формы и формы смысла, с заменой в составе единицы или структуры и с расширением либо сокращением структуры.

В грамматическом устройстве фольклорной семантики есть то, что не способно к художественному отражению. Это ее компонентный состав (морфология грамматических классов) и парадигматика модально-интенциональных схем — гадательных, магических, обрядовых, приворотных — в их специфической традиционно-фольклорной функциональности. И то, что отражается с большей или меньшей степенью активности: традиционно-фольклорный способ видения; способ семантической организации; семантико-грамматические механизмы. Одновременно фольклорное может служить средством экспрессии, средством художественного усиления, эмфазы и семантической осложненности.

Пример соответствия фольклорному видению, фольклорному принципу семантического отражения представляет поэзия Б. Пастернака. Для фольклорной традиции характерен взгляд от себя, от представлений к реальности. Реальное, будучи мерой себя, выступает одновременно как условное, знаковое обозначение внутренних связей и отношений — мифологических и обрядово-культурных представлений о мире. Реальное совмещает тем самым себя как реальное и как представление о себе и интерпретацию себя.

Взгляд на реальное как знак реального, как представление о себе, стремление увидеть сущность предмета в самом предмете, множественность признаков внешнего, его доминирование, отождествление сущностей, обликов, имен, поворотов, модусов — все это свойства, характерные для поэзии Пастернака, свойства, сближающие его способ видения со способом фольклорной традиции. Существенны и отличия: у Пастернака нет стремления воспроизвести организующие основы внешнего, нет объясняющей мир модели, нет морфологии фольклорной семантики; есть соответствие, но нет совпадений.

Пример соответствия способов семантической организации представляет поэзия А. Блока (в парадигматике) и А. Ахматовой (в синтагматике).

Зависимость синтаксических значений элемента от парадигматического устройства модели, рассеченность пространств (горы, леса, города, степи), их различная значимость; словарь исходных поэтических значений характерны для Блока, и в этом обнаруживается соответствие его поэтической семантики устройству фольклорному.

Интенциональность лирики Анны Ахматовой, особенности проявления основного (агентно-контрагентного) предикатного отношения ведут к регулярным схождениям ахматовских управляющих схем с фольклорными. Однако сходство затрагивает только осевую линию — обреченность неразрешения линии контакта, связи препятствует совпадением периферийных и насыщающих точек предикатной схемы. Ролевая характеристика точек отлична: точки представляют признаки и сопровождения состояний, знаки предопределенности, а не действия, как в фольклоре. Существующее не способно испытывать воздействие со стороны агента, не подвержено ему и независимо от него. Нарушается модально-интенциональный смысл фольклорной схемы при структурной общности предиката.

Как средство экспрессии и усиления, средство семантического усложнения фольклорное используется у Цветаевой. В ее поэзии воплощены не предикатная схема, не парадигматический принцип организации значений, не взгляд, а материал как строевой стилистически окрашенный пласт: могив, тема, смысл. Поэзия Цветаевой дает чистые типы включений, четко очерченные функционально.

Семантика отражений прослеживается в устройстве и функциях сочетаемостных групп: в принципе их организации, в строе, в особенностях развития и насыщения. В каждом конкретном случае трансформационный тип определяется общим набором типологических черт: модификационный прием (объединение, замена, сокращение, расширение); модификационная функция (создание новой схемы через объединение значений нескольких схем, семантическое варьирование одной схемы); модификационный вид — соответственно шестнадцати типам функционирующих входа, строя, развития и насыщения.

Трансформационные типы предикатных единиц могут быть охарактеризованы аналогичным образом, через последовательное типологическое определение строевого и насыщающего, семантико-организующего принципа, модификационных приемов, видов и функций.

Область фольклорного, подверженную включениям, состав-

ляют также лексические единицы. Фольклористичность проявляется не только в парадигматической основе — организацией словаря поэтических значений (А. Блок), но и в их общности лексическим значениям фольклора: темы моря, степи, леса, болота, дороги у Блока близки фольклорным не только в строевом, но и в насыщающем отношении. Соответствие обнаруживается на глубоком, парадигматическом уровне (принцип тематической рядности, характер тематических замещений) и на синтагматическом, в характере синтаксических значений.

Для типологического определения важно, чтобы включение было не случайным, чтобы оно обуславливалось организацией семантики всей поэтической системы. Фольклорные включения в поэзии, не образуя системы, становятся закономерными проявлениями системы, обуславливаются грамматически: морфологией и синтаксисом индивидуальной поэтической семантики. Грамматика фольклорной семантики, таким образом, во включениях пересекается и взаимодействует с грамматикой семантики поэтической.

Заключение

Грамматическое исследование семантики неотвратно раскрывает меру, находит точку построения и тем самым восприятия объекта. Восприятие, входя в соответствие грамматическому, извлекает из объекта доминирующее, адекватное, равное сущности. Умение воспринимать оказывается в прямой зависимости от умения видеть и чувствовать грамматическую основу семантики воспринимаемого. Закономерности восприятия и понимания текстов необходимо исследовать, ему необходимо учить. Мысль, которую высказал и развивал Л. В. Щерба¹⁵⁸ в связи с анализом текстов художественных произведений, следует применить шире: текстов не только художественных, но и фольклорных, научных, публицистических, текстов различной семантической природы и различной грамматико-семантической устроенности.

Наметить путь изучения семантического языка русской фольклорной традиции как основы ее понимания, отделить в нем номинативно-лексическое от «грамматического», очертить грамматическое и начать с грамматики — в этом видел автор свою задачу. Начать с грамматики прежде всего потому, что номи-

нативно-лексическая часть (денотативная, референтная) традицией не сохранена; требуются специальный этимологический анализ, сложные по процедуре и не всегда однозначные реконструкции, каждая из которых — задача самостоятельная. С грамматики потому, что ею обеспечивается понимание и преемственность **этносемантики** (культурных представлений, языка, фольклора, литературы). С грамматики потому, что невозможно понять отдельное (фольклорное слово, значение, текст), не представив действие того целого, элементом которого оно является.

Построить грамматику значило найти грамматическую единицу. Такой единицей стал традиционный смысл. Его определение составляло наибольшую сложность. В грамматике все подвижно, взаимопереходно, только действие системы дает ощущение отдельного. В какой мере и насколько определенно удалось представить соотношения грамматических составляющих — категорий, грамматических значений, парадигм, форм в их отношении к смыслу — грамматической единице, судить трудно. Многое пришлось только затронуть, многое потребует уточнить, рассмотреть специально. Задачу свою автор видел в том, чтобы представить действие целого, увидеть его, ощутить. Таковы возможности первого этапа.

Сложность во многом состояла также в том, чтобы представить семантику как **язык** — план содержания как план **выражения и содержания**, увидеть в нем закономерные изменения **формы**. Это не образ, не способ представления, не усложненная метафора, а **метаязык**, общий явлениям, определяемым как языковые. Фольклор — тоже язык, смысловой язык, сложнее, через традицию, соотносимый со словом, его семантической историей, этимологией, развитием, употреблением, характером сочетаемостей, фразеологической закрепленностью, коннотациями, — с тем, что можно назвать его **этносемантикой**, для понимания которой оказывается необходимым знание традиции, общей в достаточно длительном временном периоде фольклору и языку.

Представленный в работе традиционный смысл во многом только часть смысла, адекватного традиции, **грамматическая** его часть (ср. понятие «грамматическое слово»). Но грамматическое есть обобщение лексического¹⁵⁹, более отвлеченное продолжение его на следующем уровне языковой системы, и потому от грамматического, менее конкретного, закономерен переход к лексическому, конкретному и полному определению. Результатом мог бы стать словарь традиционных смыслов русского фольклора — словарь семантического языка традиции. Снабженный соответствующей грамматикой, он мог бы послужить задачам этносемантического изучения русского языка и, как следствие,

задачам типологического изучения других этнических традиций и семантик.

Лексическое **смысла** традиции и лексическое фольклорной лексемы — слова — не одно и то же. Описание и изучение фольклорных лексем и их значений, составление словаря языка фольклора не связаны прямо с необходимостью изучения традиционных смыслов. Однако требование адекватности лексикографического описания фольклорного значения, передаваемого лексемой, неизбежно приводит к необходимости разграничения **номинативного** и **грамматического**. В этом убеждает опыт описания лексики¹⁶⁰ и создания лингвистических словарей языка фольклора¹⁶¹. Что считать предметом толкования в словаре, а что лучше подвергнуть грамматическому описанию, но тогда **какой** грамматики? Не будет ли эта грамматика грамматикой традиции, общей фольклорному значению лексемы и смыслу, адекватному традиции?

Характер соотношения смысла и слова в фольклоре предстоит еще рассматривать. Определение границ смысла и его грамматическое описание — в морфологии (грамматическими категориями, грамматическими значениями, в грамматических парадигмах, формах) и синтаксисе (синтаксические категории модальности и интенциональности, структурные схемы и семантические структуры, синтаксические значения формы, синтаксис «усложненных» конструкций — жанров, обрядовых циклов и других сложноорганизованных, но целостных структур) — во многом помогут решению проблемы. Достигнутый уровень современных семантических исследований традиции позволяет ставить и решать эти задачи. Таков, видимо, закономерный путь: от языка и слова к пониманию традиции, а от традиции к лучшему пониманию языка и слова.

Примечания

¹ Потебня А. А. О связи некоторых представлений в языке. Харьков, 1914. С. 128.

² Традиция отечественной филологии, берущая начало от Н. И. Костомарова (Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843). См. также: Потебня А. А. Объяснения малорусских и среднорусских народных песен. Варшава, 1883; Он же. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914; Автамонов Я. А. Символика растений в великорусских песнях//Журн. мин-ва нар. просв. 1902. № 11, 12; Водарский В. А. Символика великорусских народных песен (материалы)//Рус. филол. вестник. 1916. № 3, 4; Курочкин А. В. Растительная символика календарной обрядности украинцев//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Тульцева Л. А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре//Там же; и др.

³ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 131—134.

⁴ Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49—50.

⁵ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 31, 36.

⁶ По свидетельству Гельмольда, дуб был священным деревом у славян. Дуб, как и белый конь, атрибуты Свентовита, верховного божества балтийских славян, прусов, храм которому был свружен на острове Руяне. См.: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 235—238.

⁷ У Н. Н. Велецкой (см. прим. 3, с. 131) спускание с гор на масленицу — реликт ритуала отправления на «тот свет» (спускание на лубках с горы).

⁸ Отголоски мотива женской инициации в свадебном обряде у русских; Зеленин Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских//Живая старина. СПб., 1911; Еремича В. И. К вопросу об исторической общности представлений свадебной и погребальной обрядности//Русский фольклор. Вып. 24. Л., 1987. С. 29—30.

⁹ См.: Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии//Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 147.

¹⁰ Подобный мотив см.: Лурье С. Я. Дом в лесу//Язык и литература. Л., 1932. Т. 8; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 121—123.

¹¹ Этнолингвистический словарь славянских древностей. М., 1984. С. 93—97.

¹² Овсянико-Куликовский Д. Н. К истории культа огня у индусов в эпоху вед. Одесса, 1887.

¹³ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1939.

¹⁴ Отождествление с традицией как свойство раннего сознания, см., напр.: Рифтин А. П. Категории видимого и невидимого в языке//Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. 1946. Вып. 10; Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980; Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики//Русский фольклор. Вып. 21. Л., 1981.

¹⁵ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки//Семиотика. М., 1983. С. 574.

¹⁶ Бреммон К. Структурное изучение повествовательных текстов после Владимира Проппа//Там же. С. 433, 435.

¹⁷ Königäs E., Maranda P. Structural Models in Folklore//Midwest Folklore. 1962. V. 12; Dundes A. The Morphology of North American Indian Folktales//77 Communications. 1964. V. 81. N 195; Greimas A. Elements pour une

théorie de l'interprétation du récit mythique//L'analyse structurale du récit (Communication 8). P., 1966; Greimas A. La modèle constitutionnel//Semiotica. 1972. V. 4; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах//Типологические исследования по фольклору. М., 1975; и др.

¹⁸ Todorov Tz. La Grammaire du Déjà-même. La Hage, 1969.

¹⁹ Леви-Стросс К. Структура мифов//Вопросы философии. 1970. № 7.

²⁰ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегаля Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки//Тр. по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969.

²¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 42, 44.

²² Там же. С. 135.

²³ Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов//Тр. по знаковым системам. Вып. 15. Тарту, 1982.

²⁴ Толстые Н. И. и С. М. О целесообразности применения некоторых лингвистических понятий к описанию славянской духовной культуры//Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; Они же. Принципы составления этнолингвистического словаря славянских древностей//Этнолингвистический словарь славянских древностей. М., 1984.

²⁵ Толстые Н. И. и С. М. О целесообразности... С. 54.

²⁶ Толстые Н. И. и С. М. Принципы составления... С. 9.

²⁷ Толстой Н. И. Славянская обрядовая типология — сравнительно-типологический и лингвогеографический методы ее изучения//Гипология і взаємодія між славянськими мовами і літературами. Мінск, 1973; Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.

²⁸ Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний//Тр. по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.

²⁹ Жолковский А. К., Ледяева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе//Машинный перевод. Тр. ин-та ТМ и ВТ АН СССР. Вып. 2. М., 1961; Апресян Ю. Д. О языке для описания значений слов//Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1969. № 5.

³⁰ Мелетинский Е. М. и др. См. прим. 20; Они же. Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки//Тр. по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.

³¹ Никитина С. Е. О словаре языка русского несенного фольклора//Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. М., 1975. Вып. 74.

³² Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

³³ Lévi-Strauss C. La Pensée Sauvage. Paris. 1962; Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

³⁴ Рифтин А. П. См. прим. 14.

³⁵ Латман Ю. М. О метаязыке типологического описания культуры//Тр. по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969; Мелетинский Е. М. и др. См. прим. 30; Цивьян Т. В. О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренней/внешней//Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973; Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982; Байбурич А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

³⁶ Иванов Вяч. Вс. Категория «видимого» — «невидимого» в текстах архаических культур//Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.

³⁷ Рифтин А. П. См. прим. 14.

³⁸ Цивьян Т. В. См. прим. 35. С. 261.

³⁹ Benveniste E. De la subjectivité dans le langage//Problèmes de la linguistique générale. P., 1966.

- ⁴⁰ Лотман Ю. М. См. прим. 35.
- ⁴¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- ⁴² Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
- ⁴³ Мелетинский Е. М. и др. См. прим. 30.
- ⁴⁴ Цивьян Т. В. прим. 35.
- ⁴⁵ Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе//Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.
- ⁴⁶ Ларин В. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974; Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
- ⁴⁷ Оссоветский И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора//Очерки по стилистике художественной речи. Л., 1979.
- ⁴⁸ Хроленко А. Т. Проблемы лингвофольклористики//Очерки по стилистике рус. языка. Вып. 1./Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. Т. 39. Курск, 1974; Он же. Лексика русской народной поэзии (на материале лирической песни). Курск, 1976. С. 51—52; Гусев В. Е. О понятии «фольклорная стилистика»//Поэтика искусства слова. Воронеж, 1978.
- ⁴⁹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- ⁵⁰ Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1885.
- ⁵¹ Хаймз Д. Общение как этнолингвистическая проблема (обзор)//Вопр. языкознания. 1965. № 2.
- ⁵² Вундт В. Миф и религия. СПб., 1910.
- ⁵³ О соотношении форм, грамматических значений, частных и полных парадигм в связи со словоизменением см.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 453—455. В работе будет обращено внимание прежде всего на структуру частных парадигм традиционных смыслов (грамматических единиц), поскольку в них проявляют себя значения отдельных категорий.
- ⁵⁴ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 618—619, 626, 636.
- ⁵⁵ О защите места в связи со строительством дома см.: Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С. 32.
- ⁵⁶ Путилов Б. Н. См. прим. 14. С. 214, 218.
- ⁵⁷ Тэрнер В. См. прим. 21. С. 169.
- ⁵⁸ Зеленин Д. К. Магическая функция слов и словесных произведений//Сборник академику Н. Я. Марру. М., 1935.
- ⁵⁹ Зеленин Д. К. Троецпылятица (этнографическое исследование). Вятка, 1906.
- ⁶⁰ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности//Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. 8. Л., 1929.
- ⁶¹ О парадигматике числа см., напр.: Семека Е. С. Типологические схемы четырех- и восьмичленных моделей мира//3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968; Сыркин А. Я. Числовые комплексы в ранних упаниадах//Тр. по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969; Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах// Структура текста. М., 1980; Новичкова Т. А. Традиционные числа в былинах//Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1984. Т. 43. Вып. 2.
- ⁶² Лотман Ю. М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах//Тр. по знаковым системам. Вып. 2. Тарту, 1965. С. 22.
- ⁶³ Хроленко А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике//Русский фольклор. Вып. 21. Л., 1981.
- ⁶⁴ Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «книга перемен». М., 1960.
- ⁶⁵ Там же. С. 145.
- ⁶⁶ Там же. С. 93.
- ⁶⁷ Гииндин С. И. Два принципа внутренней организации текстов и сущность понятия «связность текста»//Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. 1. М., 1971; Гальперин И. Р. Текст как объект

лингвистического исследования. М., 1981; Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

⁶⁸ Севбо И. П. Структура связанного текста и автоматизация реферирования. М., 1969; Маслов Б. А. Проблема лингвистического анализа связанного текста (надфразный уровень). Таллин, 1975.

⁶⁹ Мартемьянов Ю. С. Заметки о ситуации и форме ее описания// Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964; Апресян Ю. Д. Идеи и методы структурной лингвистики. Ряд «Семантическая модель анализа». М., 1966; Wierzbicka A. Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971; Вержбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение//Семиотика. М., 1983; Лекомцев Ю. К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак//Тр. по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.

⁷⁰ Ср. замечание Леви-Строса о прерывности и непрерывности, структуре и повествованию в мифе. См.: прим. 19. С. 164; структурно-семантическое предикативное единство-подобие единиц фольклора независимо от их объема, от поговорки до сказки, в общей теории клише у Пермякова (Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970).

⁷¹ Русская грамматика. Т. 2. С. 86.

⁷² Кагаров Е. Г. К вопросу о классификации народных обрядов//Докл. АН СССР, 1928; Он же. Классификация и происхождение земледельческих обрядов//Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те. 1929. Т. 34. Вып. 3—4.

⁷³ Dumézil J. Triades de calamités et triades délits à valeur trifonctionnelle (chez divers peuples indo-européens)//Latomus. 1955. N (14)(2).

⁷⁴ Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 104.

⁷⁵ Там же. С. 130.

⁷⁶ О структурной схеме и ее компонентах см.: Русская грамматика. Т. 2. С. 93.

⁷⁷ Елизаренкова Т. Я., Сыркин А. Я. К анализу индийского свадебного гимна//Тр. по знаковым системам. Вып. 2. Тарту, 1965.

⁷⁸ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

⁷⁹ Moszyński K. Kultura ludowa słowian. T. 2. Cz. 2. Warszawa, 1968.

⁸⁰ Łowmiański H. Religia słowian a jej upadek. Warszawa, 1979.

⁸¹ Рыбаков В. А. Язычество древних славян. М., 1981.

⁸² См., напр.: Велецкая Н. Н. (прим. 3); Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982; Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян (генезис и типология колядования). М., 1982.

⁸³ Инициальные мотивы в народной лирике отмечал Д. К. Зеленин (см. прим. 8); мотивы обходных предсвадебных ритуалов в виноградах: Бернштам Т. А., Лапин В. А. Винограды — песни и обряд//Русский Север. Л., 1981; истоки фольклорной лирики в трудовых обрядах и бытовых ситуациях на материале поволжских песен видит Б. Н. Путилов (как выражение типовых состояний и чувств). См. прим. 14. С. 219.

⁸⁴ Потебня А. А. Переправа через воду, как представление брака. М., 1866; Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности//Славянский и балканский фольклор. М., 1981; Она же. См. прим. 82; Мачинский Д. А. См. прим. 9.

⁸⁵ Кагаров Е. Г. Классификация и происхождение... См. прим. 72.

⁸⁶ Богаевский Б. Колосья волос//Изв. отделения рус. языка и словесности имп. Академии наук. 1912. Т. 17. Кн. 3; Мачинский Д. А. См. прим. 9.

⁸⁷ Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волка и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы//Советская этнография. 1933. № 5—6.

⁸⁸ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956; Успенский Б. А. См. прим. 82.

⁸⁸ О соотношении морфологического и синтаксического для формы см.: Русская грамматика. Т. 2. С. 5, 7.

⁸⁹ Успенский Б. А. См. прим. 82. С. 143.

⁹⁰ Цивьян Т. В. Змея=итина: к истолкованию сюжества//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

⁹¹ Как рассматривается в работах, посвященных теме (см. прим. 2), а также в капитальном труде Dankert W. Symbol, Metapher, Allegorie im Lied der Völker. T. 3. Pflanzen. Bonn; Bad Godesberg, 1978. S. 1010—1035, опирающемся на хорошо развитую немецкую традицию изучения символа: Aigremont. Volks-erotik und Pflanzenwelt. B. 1. Leipzig, 1910; B. 2. Nahle, 1910; Franz — Schedtema — Wohlhaupter. Symbolik der europäischen Urzeit und der germanischen Völker. Leipzig, 1914; Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel, 1925.

⁹² Афагасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Разд. «Происхождение мифа, метод и средства его изучения». М., 1865. Т. 1. Он же. Древо жизни. М., 1982; Он же. Мифическая связь понятий света, зренья, огня, металла, оружия и жолчи. М., 1854; Он же. Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов. М., 1863; Он же. Народ-художник. М., 1986.

⁹³ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок сомы, в связи с концепцией речи и экстаза. М., 1882.

⁹⁴ Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда//Древности. Тр. имп. Московского археол. об-ва. М., 1890. Т. 14.

⁹⁵ Данилов В. Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях. Киев, 1907.

⁹⁶ Клинггер В. П. Животное в античном и современном суеврии. Киев, 1911.

⁹⁷ Веселовский А. Н. См. прим. 49. С. 51.

⁹⁸ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки//Статьи по слав. филологии и рус. словесности. Сб. ОЛЯС АН СССР. Л., 1928. Т. 101. № 3.

⁹⁹ Пропп В. Я. См. прим. 10. С. 19—20.

¹⁰⁰ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент//Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

¹⁰¹ Неклюдов С. Ю. О кривом обороте (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива)//Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.

¹⁰² Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема семиотического указателя мотивов и сюжетов//Тр. по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983.

¹⁰³ Тэрнер В. См. прим. 21. С. 34—36.

¹⁰⁴ Толстой Н. И. См. прим. 23. С. 67.

¹⁰⁵ Мальцев Г. И. См. прим. 14. С. 37.

¹⁰⁶ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.

¹⁰⁷ Еремина Н. И. К вопросу о жанровой дифференциации народной символики//Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз., лит. 1968. Вып. 1. № 2; Она же. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 80.

¹⁰⁸ Оссоветский И. А. О языке русского традиционного фольклора//Вопр. языкознания. 1975. № 5. С. 77.

¹⁰⁹ Хроленко А. Т. Лексика русской... См. прим. 48. С. 39.

¹¹⁰ Никитина С. Е. См. прим. 31.

¹¹¹ Веселовский А. Н. Гетеризм, поборничество и кумовство в купальской обрядности//Журн. мин-ва нар. просв. 1884. Февр.

¹¹² Пандей Р. Б. Древнеиндийские дамашние обряды. М., 1982.

¹¹³ Мотив прослеживается в обычаях многих народов: у ндембу Turner V. The Forest of Symbols. Aspects of Ndembu Ritual. Ithaca, N. Y., 1967, замбия: Herdt G. Guardians of the Flutes. Idioms of Masculinity. A study of Ritualized

Homosexual Behaviour. N. Y., etc., 1981, находит отражение и у восточных славян: Полесский архив Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР. Этнолингвистический атлас Полесья. Программа (детское место лаканивали при родах под печь, под порог, под плодовое дерево).

¹¹⁵ Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985. С. 180, 185.

¹¹⁶ Там же. С. 174, 179.

¹¹⁷ Такое же соответствие у W. Danckert'a (см. прим. 92. С. 1029—1030). Различия (яблоко как мужское), видимо,— следствие различий национальных традиций.

¹¹⁸ См. свидетельства V. Turner'a и G. Herdt'a (прим. 114).

¹¹⁹ Новеллино. М., 1984, с. 214—216 (повелла CIV); Боккаччо Дж. Декамерон. Л., 1930. Т. 2. С. 137—139 (день седьмой, повелла девятая).

¹²⁰ О продуцирующей силе рогов (рог изобилия) и связи их с солнцем и фаллосом, о подмене фаллических изображений «рогатыми» в последующем см.: Dulaure J. A. Des Divinités génératrices ou du Culte du Phallus chez les anciens et les modernes. P., 1805. P. 12; Vanggaard T. Phallós. A Symbol and its History in the Male World. N. Y., 1972. P. 62.

¹²¹ Danckert W. (прим. 92. С. 1033—1035), вслед за Aigremont'ом (прим. 92), разграничивает дерево — мужской принцип, плод — женский, хотя показывает, что в различных традициях возможны совмещения и расхождения.

¹²² Потехин А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 418.

¹²³ Тэрнер В. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу)//Семиотика и искусствознание. М., 1972.

¹²⁴ Зеленин Д. К. См. прим. 8; Никольский Н. М. См. прим. 88.

¹²⁵ Пропп В. Я. См. прим. 10. С. 175; Велецкая Н. Н. См. прим. 3. С. 15.

¹²⁶ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 343—344.

¹²⁷ Бернштам Т. А., Лапин В. А. См. прим. 83.

¹²⁸ Мотивы сюжета основного мифа: Ивалов Вяч. Вс., Толоров В. Н. См. прим. 5, гл. 1; Мифы народов мира. М., 1980—1982. Т. 1—2.

¹²⁹ Чистяков В. А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX—XX вв.//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Виноградова Л. Н. См. прим. 82. С. 153.

¹³⁰ Чистяков В. А. Представления о дороге... С. 122.

¹³¹ Максимов С. В. Нечистая сила — Неведомая сила//Собр. соч.: В 18 т. СПб., 1912. Т. 18. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; О типологии и сложности семантического определения Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 40, 55.

¹³² Об особенностях семантического устройства загадок: Maganda P., Köngäs E. The Logic of Riddles//Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1971; Левин Ю. И. Семантическая структура загадки//Лареминологический сборник. М., 1978; Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)//Тр. по знаковым системам. Вып. 10. Тарту, 1978; Волоцкая З. М. Структура и семантика загадок предметного поля «похороны — смерть»//Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. О подблюдных песнях и их отношении к загадкам: Арнаудов М. Студии върху българските обреди и легенди. Разд. «Напеване на пръстените». София, 1924. Ч. 1—2. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVII—XIX веков//Тр. ин-та этнографии. Новая серия. М., 1957. Т. 11. С. 108; Власова З. И. К вопросу о поэтике подблюдных песен//Русский фольклор. Вып. 14. Л., 1974.

¹³³ Можно выделить три функции полотенца в обряде: соединительную, очистительную и оградительную. См.: Никольский Н. М. (прим. 88. С. 50); Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы//Живая старина.

1911. Вып. 1; Журавлев А. Ф. Охрашительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение//Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

¹³⁴ Анучин Д. Н. См. прим. 95; Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна//Старина и новизна. СПб., 1901. Вып. 4; Нидерле Л. См. прим. 78. Погребение.

¹³⁵ Соколова В. К. Масленица (ее состав, развитие и специфика)//Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

¹³⁶ Ср.: объяснение у М. Чулкова как выражение покорности и выявление продуцирующего смысла Е. Кагаровым. Чулков М. Абевера русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений и сладких престонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786. С. 45, 57; Кагаров Е. Г. См. прим. 60. С. 178.

¹³⁷ Об этой функции загадки: Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1978. С. 38.

¹³⁸ Толстой Н. И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деве//Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 244.

¹³⁹ Мелетинский Е. М. См. прим. 103.

¹⁴⁰ Предохранительная, или профилактическая, функция у Е. Г. Кагарова. См. прим. 60. С. 152.

¹⁴¹ Левинтоп Г. А. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда//Фольклор и этнография. Л., 1974; Путилов Б. Н. Проблемы тирологии этнографических связей фольклора//Фольклор и этнография. М., 1977; Толстой Н. И. Вербальный текст как ключ к семантике обряда//Структура текста-81. М., 1981.

¹⁴² Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 277; Соколова В. К. См. прим. 82. С. 200.

¹⁴³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 23; Велецкая Н. Н. См. прим. 3. С. 143.

¹⁴⁴ Толстой Н. И. См. прим. 23. С. 58.

¹⁴⁵ Золотарев А. М. См. прим. 32. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; Dumézil J. См. прим. 73. Сыркин А. Я., Топоров В. Н. О триаде и тетраде//3-я летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968; Иванов Вяч. Вс. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях//Народы Азии и Африки. 1969. № 5.

¹⁴⁶ Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978; Он же. Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека//Тр. по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983; Хроленко А. Т. Системность языка фольклора и роль принципа симметрии//Очерки по стилистике русского языка/Науч. тр. Курского гос. пед. ин-та. 1974. Т. 39 (132). Вып. 1.

¹⁴⁷ Шеллинг Д. Символика чисел//Филол. зап. Вып. 4. Воронеж, 1893; Никифоров А. И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления//Советский фольклор. 1936. № 2—3; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 851; Топоров В. Н. См. прим. 61; Мифы народов мира. М., 1980—1982, Т. 1—2. Ст. «Числа».

¹⁴⁸ Отголоски сюжета основного мифа: Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. См. прим. 5.

¹⁴⁹ Пропп В. Я. См. прим. 143.

¹⁵⁰ О мимемах как смысловых единицах особого соматического языка, о неразрывной смысловой и физиологической связи слова и жеста: Jousse M. L'anthropologie du geste. P., 1974.

¹⁵¹ Тэрнер В. См. прим. 21. С. 131.

¹⁵² Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984. С. 42.

¹⁵³ Григорьев В. П. Грамматика идиостила. Велимир Хлебников. М., 1983.
¹⁵⁴ О семантике дороги у Блока: Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Александра Блока // Блоковский сборник. II. Тр. 2-й науч. конф., посв. изучению жизни и тв-ва А. А. Блока. Тарту, 1972.

¹⁵⁵ Сумцов Н. Ф. Женильба свечки. Киев, 1880; Добровольский В. Н. Значение народного праздника «свечи» // Этнографическое обозрение. 1900. № 4.

¹⁵⁶ Цивьян Т. В. См. прим. 132; Байбури А. К. Прим. 35.

¹⁵⁷ Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Тр. по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969. С. 234.

¹⁵⁸ Щерба Л. В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и состоянии филологического образования // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 27.

¹⁵⁹ О соотношении лексического и грамматического в семантике в связи с задачами лексикографического описания и составления словарей: Каряулов Ю. Н. Семантическая иерархия в словаре и ее отражение в синтаксисе // Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985. С. 202.

¹⁶⁰ Хроленко А. Т. Лексика русской... См. прим. 48.

¹⁶¹ Никитина С. Е. См. прим. 31; Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

Источники

I. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. М., 1985.

II. Великорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., собр. М. В. Шейном. СПб., 1898. Т. I. Вып. 1.

III. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причетъ. М., 1980.

IV. Живая вода / Сост. В. П. Аникин. М., 1975.

V. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. И. Мельников. Новосибирск, 1981.

VI. Калужский фольклор / Зап. А. В. Ермаченко. Тула, 1979.

VII. Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М., 1978.

VIII. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., 1982.

IX. Лирика русской свадьбы / Подг. Н. П. Колпаковой. Л., 1973.

X. Майков Л. Н. Великорусские заклинания // Зап. Русского географического об-ва по отд. этнографии. СПб., 1868. Т. 2.

XI. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

XII. Народно-поэтическая сатира / Подг. Д. М. Молдавского. Л., 1960.

XIII. Народные русские легенды, собр. Афанасьевым. Лондон, 1859

XIV. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957. Т. 1—3.

XV. Песни крестьян села Краснозаборья Рославльского у. Смоленской губ. // Русский филол. вестник. Варшава, 1884. Т. 12.

XVI. Песни Ленинградской области / Соб. Вл. Бахтин. Л., 1978.

XVII. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1 (песни обрядовые). М., 1917. Вып. 2. Ч. I (песни необрядовые).

XVIII. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофановой, Г. Г. Шановаловой. М.; Л., 1961.

XIX. Пословицы русского народа. Сборник В. Дала. В 2 т. М., 1984.

XX. Поэзия крестьянских праздников / Сост. И. И. Земцовский. Л., 1980.

XXI. Предания и песни болдинской старины. Горький, 1980.

XXII. Причитания / Подг. Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Л., 1960.

XXIII. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия. Л., 1984.

XXIV. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984.

XXV. Русское народное поэтическое творчество / Сост. под ред. А. М. Новиковой. М., 1978.

XXVI. Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1836. Ч. 1; СПб., 1837. Ч. 2.

XXVII. Сахаров И. Сказания русского народа. Т. 1. Кн. 2. Русские народные загадки и притчи. СПб., 1841.

XXVIII. Сборник Кириши Данилова. 2-е доп. изд./Подг. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова. М., 1977.

XXIX. Свадебные обряды крестьян Сердобского уезда/Подг. А. Н. Труворова//Архив историко-юридич. сведений, отн. до России, изд. Ник. Калачовым. Кн. 3. Отд. 6. СПб.: М., 1861.

XXX. Снегирев И. Русские престонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1; М., 1838. Вып. 2.

XXXI. Собрание песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина/Подг. З. И. Власовой. Л., 1983. Т. 1; Л., 1986. Т. 2.

XXXII. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

XXXIII. Уральские хороводы. Хороводные песни о любви и семейной жизни/Зап. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1980.

XXXIV. Фольклор русского Устья/Под ред. С. Н. Азбелева, Н. А. Меццерского. Л., 1986.

XXXV. Хороводные и игровые песни Сибири/Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985.

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1—3.

Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1976.

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. С.; Л., 1965.

Цветаева М. Избр. произведения. М.; Л., 1965.

Содержание

От автора	3
Слово и смысл в фольклоре	6
Семантический язык фольклора	19
Морфология смысла	27
Традиционно-фольклорный смысл как грамматическая единица	27
Грамматическая форма и грамматические значения формы	28
Валентности модели	38
Парадигма смысла	41
Ступени грамматического оформления	43
Иерархия грамматической структуры	48
Субъект традиции	50
Грамматические классы и грамматические категории	51
Класс внешнего	57
Акциональный класс	59
Класс внутреннего	73
Парадигматическая модель традиции	81
Синтаксис семантики песенного фольклора	86
Синтаксическая парадигматика	87
Синтаксические функции грамматических классов	89
Структурная схема	90
Семантическая структура	99
Синтаксис формы смысла	112
Принадлежность грамматическому классу	112
Синтаксическое значение	119
Синтагматические сочетаемости	128
Предикаты и роли	128
Предикаты жанра (подблюдные песни)	131
Внутренний предикат модально-интенциональной схемы	134
Синтагматика обрядового цикла (песни семика, масленицы)	139
Функциональные типы лексических фольклорных значений	151
Отражение фольклорных единиц в структуре поэтических текстов	158
А. Блок	160
Употребление слова	160
Пространства Блока	166
А. Ахматова	169
Сочетаемостные группы	170
Предикатные единицы	172
Имя агента (птицы Ахматовой)	177
Предикатные схемы	179
Б. Пастернак	185
Внешнее и внутреннее	186
Принцип и производные принципа	188
М. Цветаева	192
Функционирующие (16 типов)	196
Мотивационное членение текста	205
Трансформационные типы фольклорных значений	209
Заключение	212
Примечания	215
Источники	222

Репринтное воспроизведение
издания 1989 года

П. П. Червинский

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК
ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Мова видання – російська.
Підписано до друку 22.11.2011. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк комп'ютерний.
13,02 ум. др. арк. Тираж 500 прим.

Видавництво КРОК
Свідоцтво №3538 від 30.07.2009
Гайова, 56 Тернопіль Україна 46006
+380969431704
krokbooks@gmail.com
KrokBooks.com

ISBN 978-966-2362-92-3

9 789662 362923 >